
ДЖОН ГРОГЭН

МАРЛИ *и* МЫ

*Удивительная история о любви
и о жизни с самой ужасной в мире собакой*

ДОБРАЯ

КНИГА

Джон Грогэн

Марли и мы

OCR, spellcheck, readcheck, оформление: ТаКир, 2008

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160622

Грогэн Д. Марли и мы: Добрая книга; Москва; 2007

ISBN 978-5-98124-174-1

Оригинал: JohnGrogan, "Marley&Me. Life and Love with the World's Worst Dog"

Перевод:

А. Кошковаева

Аннотация

Лабрадор Марли появился в семье Грогэнов в самый сложный момент их жизни: только что вступившие в брак мужчина и женщина пытались привыкнуть друг к другу, болезненно переживая процесс соединения двух совершенно разных прошлых в одно общее будущее. Они помогали собаке стать членом семьи, а она помогла им стать настоящей парой, семьей, родителями, – одним словом, помогла повзрослеть. Несмотря на все разочарования и не воплотившиеся ожидания, Марли преподнес своим хозяевам бесценный подарок: он научил их безгранично и бескорыстно любить и показал им, что действительно важно в этой жизни.

Собаке все равно, бедный ты или богатый, образованный или неграмотный, умный или тугодум. Отдай ей свое сердце, и она ответит тебе тем же. Все очень просто; только мы,

люди, мудрые и высокоразвитые существа, сами создаем себе проблемы, пытаясь усложнить нашу жизнь. На самом деле жизнь оказывается чрезвычайно простой штукой, стоит лишь открыть другим свою душу, – и понять это вам помогает собака с отвратительным дыханием, ужасными манерами и искренними намерениями.

Эта смешная и одновременно трогательная книга-бестселлер не оставит равнодушным ни одного читателя.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
ГЛАВА 1	11
ГЛАВА 2	25
ГЛАВА 3	31
ГЛАВА 4	43
ГЛАВА 5	56
ГЛАВА 6	63
ГЛАВА 7	79
ГЛАВА 8	90
ГЛАВА 9	107
ГЛАВА 10	121
ГЛАВА 11	135
ГЛАВА 12	149
ГЛАВА 13	162
ГЛАВА 14	177
ГЛАВА 15	192
ГЛАВА 16	210
ГЛАВА 17	228
ГЛАВА 18	245
ГЛАВА 19	257
ГЛАВА 20	270
ГЛАВА 21	286
ГЛАВА 22	298

ГЛАВА 23	312
ГЛАВА 24	326
ГЛАВА 25	341
ГЛАВА 26	353
ГЛАВА 27	363
ГЛАВА 28	374
ГЛАВА 29	384
ОТ АВТОРА	396
ОБ АВТОРЕ	399

Джон Грогэн Марли и мы

Удивительная история о любви и о жизни с самой ужасной в мире собакой

Читая эту книгу, вы будете смеяться, плакать и укоризненно покачивать головой. В книге Дж. Грогэна описывается одно из тех жизненных путешествий, которые люди и собаки зачастую совершают вместе. Автор размышляет о нас и о нашем мире, о человеческой природе, показывает свойственные человеческой, да, пожалуй, и собачьей жизни взлеты и падения, радости и печали. Описание жизненного пути славного пса Марли и его хозяина, вышедшее из-под пера такого наблюдательного, несентиментального и пронизательного автора, как Джон Грогэн, наверняка придется по вкусу всем любителям собак.

Джон Кац, автор бестселлеров «Год собаки» (A Dog Year) и «Псы с фермы Бедлам» (The Dogs of Bedlam Farm)

Мне не понаслышке известны все проблемы начинающих собаководов: мой фландрский бувье, который весит сейчас 45 кг, в нежном щенячьем

возрасте частенько позорил меня на собачьей площадке. Вот почему я хохотал до слез, читая уморительное описание попыток Джона Грогэна обучить командам своего лабрадора Марли. Как говорится, без труда не выловишь и рыбку из пруда. «Рыбка» Грогэна, да и читателя тоже, – это Марли, пес, который достоин того, чтобы его имя появилось в Зале славы для собак, если бы такой существовал.

Джон Бернхэм Шварц, автор книг «Дорога в заповедник» (Reservation Road) и «Чудо Клер» (Claire Marvel)

Памяти моего отца Ричарда Фрэнка Грогэна, чья добрая душа живет на каждой странице этой книги

ПРЕДИСЛОВИЕ

Идеальная собака

Летом 1967 года, когда мне было 10 лет, отец уступил моим настойчивым просьбам, и мы поехали покупать собаку. Мы отправились в нашем универсале на окраину Мичигана на ферму, хозяйками которой были какая-то грубоватая женщина и ее престарелая мать. Здесь «производили» лишь один товар – собак: любого возраста, размера и темперамента. У этих псов было только две общих черты: все они явля-

лись полукровками с неизвестной или сомнительной родословной и каждую с легкостью отдавали в хорошие руки. Мы были в гостях у заводчиков дворняжек.

– Теперь, сынок, не спеши, – сказал отец. – Много лет спустя ты будешь вспоминать свое сегодняшнее решение.

Я быстро решил: пусть старых собак берет по доброте душевной кто-нибудь другой и, не теряя ни минуты, бросился к клетке со щенками.

– Если хочешь взять неробкую собаку, – советовал папа, – попробуй пошуметь и посмотри, какие щенята не испугаются.

Я схватил решетку, прикованную цепью к клетке, и дернул ее. После характерного громкого лязга около дюжины щенков поползли назад, наступая друг другу на голову, превратившись в одну большую кучу волнистого меха. Только один золотистый щенок с белым пятном на груди не убежал: он подпрыгнул и радостно начал лизать мои пальцы через клетку. Это была любовь с первого взгляда.

Я привез его домой в картонной коробке и назвал Шоном. Он был одной из тех собак, которые отстаивают доброе имя всего вида. Он с легкостью обучился всем моим командам и вообще вел себя хорошо. Я мог уронить корку на пол, и он бы не тронул ее без моего разрешения. Он подбегал, когда я звал его, и оставался рядом, если я давал такую команду. Вечером мы выпускали его одного, зная, что он сделает свои дела и тут же вернется. Мы могли оставить его дома, будучи

уверенными, что он не поранится и ничего не разобьет, хотя мы редко это делали. Он бегал за машинами, но не обливал их, и без поводка гулял рядом со мной. Шон мог нырять на дно нашего озера и доставать оттуда камни, иногда настолько большие, что они застревали у него в пасти. Он ничего не любил больше семейных путешествий на машине, когда я усаживал его на заднее сиденье рядом с собой: он был рад часами рассматривать виды за окном. Наверное, эффективнее всего выглядел наш трюк, когда он тянул мой велосипед, словно сани, делая меня предметом зависти всех моих друзей. Он никогда не подвергал меня опасности.

Он был рядом, когда я выкурил свою первую (и последнюю) сигарету и когда я поцеловал свою первую девушку. Он сидел рядом со мной на переднем сидении автомобиля *Corvaир*, который я тайком «одолжил» у своего старшего брата, чтобы впервые в жизни покататься на машине.

Шон был энергичным – но контролируемым, нежным – но спокойным. Он был настолько хорошо воспитан, что прежде чем присесть и сделать свои дела, скромно забежал за куст, откуда выглядывала только его голова. Благодаря этой чистоплотности по нашей лужайке можно было ходить босиком.

Если у нас на выходных гостили родственники, то уезжали они от нас с твердым намерением купить собаку: настолько их впечатлял Шон, или Святой Шон, как я стал называть его. Он стал нашей семейной достопримечательностью, каким-то чудом, данным нам свыше. По крайней мере, мы с трудом

могли поверить, что так все и есть на самом деле. Рожденный с проклятьем нечистой родословной, Шон был одной из десятков тысяч ненужных никому собак. И вот по какой-то счастливой, почти чудесной случайности он стал желанным. Он вошел в мою жизнь, а я в его, и он подарил мне детство, которого заслуживает каждый ребенок.

Этот роман длился почти 14 лет, и когда Шон умер, я уже был не тем маленьким мальчиком, который принес его в один из летних дней домой. Я стал взрослым. Я закончил колледж и работал на своей первой работе, разъезжая по всему штату. Когда я стал жить отдельно, Святой Шон остался в родительском доме, его место было там. И однажды родители, вышедшие на пенсию к тому времени, позвонили мне, чтобы сообщить трагическую новость. Позже мама призналась мне: «За 50 лет нашего брака я всего два раза видела твоего отца плачущим. В первый раз это было, когда родилась мертвой твоя сестра Мари Энн. Во второй раз он заплакал, когда умер Шон».

Святой Шон моего детства. Он был идеальным псом. По крайней мере, таким я его запомнил и всегда буду помнить. Именно Шон установил стандарт, по которому я оценивал всех последующих моих собак.

ГЛАВА 1

Третий член семьи

Мы были молоды и влюблены. В те первые безупречные дни брака мы веселились как могли, и жизнь казалась настолько замечательной, насколько только возможно. Мы не могли жить друг без друга.

Итак, минуло 15 месяцев со дня нашей свадьбы, и однажды январским вечером 1991 года мы с женой поужинали и отправились на почту, чтобы ответить на рекламное объявление из газеты *Palm Beach Post*. Я не совсем понимал, зачем мы это делаем. Несколько недель назад, проснувшись с первыми лучами солнца, я обнаружил, что рядом никого нет. Я встал и увидел, что Дженни сидит в халате на веранде нашего маленького домика за стеклянным столом с ручкой в руке и сосредоточенно изучает газету.

В этой сцене не было ничего необычного. *Palm Beach Post* была не только нашей местной газетой, но и источником половины нашего семейного дохода. Дженни и я работали в двух газетах. Она писала статьи для рубрики «Акцент» в *Palm Beach Post*, а я был корреспондентом конкурирующей газеты Южной Флориды *Sun-Sentinel*, редакция которой располагалась в часе езды в Форт-Лодердейле. Каждое утро мы сосредоточенно изучали газеты вообще и свои статьи в част-

ности, обсуждали наш вклад в конкурентную борьбу. Мы энергично обводили, подчеркивали и подшивали.

Но в то утро Дженни просматривала не новости, а специальные рубрики. Когда я приблизился, то увидел, что она лихорадочно обводит объявления под заголовком «Домашние животные. Собаки».

– О, – сказал я нежным голосом новоиспеченного мужа, – ты ничего мне не хочешь рассказать?

Она не ответила.

– Джен-Джен?

– Это все растение, – наконец ответила она, и в ее голосе прозвучали нотки отчаяния.

– Растение? – недоумевал я.

– Немое растение, которое мы убили.

Которое *мы* убили? Я не хотел уточнять, но, между прочим, речь шла о растении, которое я купил, а *она* убила. Однажды вечером я удивил ее, принеся домой прекрасную большую диффенбахию с изумрудно-кремовыми листьями разной формы. «По какому случаю?» – спросила она, но случая не было, и у меня не нашлось слов, кроме как: «Черт возьми, ну разве не хороша жизнь женатого человека?!»

Дженни очень понравился как жест, так и растение, и она в знак благодарности обвила руками мою шею и поцеловала в губы. А затем она расчетливо и хладнокровно, подобно серийному убийце, начала уничтожать мой подарок. Нет, она не пыталась именно убить его, она просто залелеяла бед-

ное растение до смерти. Дженни понятия не имела, как обращаться с растениями, поэтому, основываясь на убеждении, что всем живым созданиям нужна вода, и забыв, однако, что им в равной степени нужен кислород, она начала ежедневно заливать диффенбахию водой.

– Смотри не переборщи, – предупредил я ее.

– Конечно, – ответила она, залив в горшок очередную бутылку воды.

Чем хуже становилось растению, тем больше она наводняла его горшочек, пока оно печально не склонилось в мокрую лужу. Как-то я увидел его размягченный стебель под окном и подумал:

«Да, тому, кто верит в злое предзнаменования, было бы чем поживиться сегодня».

Итак, теперь Дженни вспомнила этот случай, сделав невероятный мысленный прыжок от погибшего растения к живой фауне, представленной классом домашних животных. *Убить растение, купить щенка.* Да, это определенно имело смысл.

Я внимательно посмотрел на разложенную перед ней газету и обратил внимание на то, что одно объявление, наверное, особенно приглянулось ей, потому что рядом с ним она нарисовала три большие красные звездочки. В нем было написано следующее: «Щенки лабрадора желтого цвета. Чистокровные, с клубным сертификатом. Все оттенки. Родители в доме».

– Итак, – начал я, – не могла бы ты мне еще раз объяснить эту проблему с растениями и домашними животными?

– Знаешь, – сказала она, оторвавшись от газеты, – я очень старалась, и смотри, что вышло. Я не могу позаботиться даже о дурацком комнатном растении. Я говорю о том, насколько *это* сложно. А ведь единственное, что требовалось, – правильно поливать эту чертову диффенбахию.

Затем она сделала логический вывод:

– Если я не могу даже сберечь растение, как можно будет доверить мне ребенка? – Судя по выражению ее лица, она готова была расплакаться.

Озабоченность Ребенком, как я называл это явление, стала постоянной проблемой в жизни Дженни и с каждым днем принимала все более угрожающие формы. За несколько месяцев до того как мы впервые встретились в редакции маленькой газеты в западном Мичигане, Дженни закончила университет, и серьезная взрослая жизнь казалась ей лишь отдаленной перспективой. Для нас обоих это была первая серьезная работа после учебы. Мы постоянно жевали пиццу, пили много пива, и сам факт, что однажды мы перестанем быть молодыми свободными потребителями фастфуда, представлялся нам абсурдом.

Но годы летели. Мы только-только начали встречаться, как разные места работы и мои годовые курсы повышения квалификации разбросали нас в противоположные концы Восточного побережья. Сначала мы жили в часе езды друг

от друга. Затем в трех. Потом в восьми, еще позже в двадцати четырех. Так что к тому времени как мы обосновались в Южной Флориде и поженились, Дженни стояла на пороге своего тридцатилетия. У всех ее подруг уже росли дети, а тут еще ее организм начал посылать странные сигналы, свидетельствовавшие о том, что окно казавшейся в любой момент осуществимой возможности иметь детей начинает закрываться.

Я подошел к ней сзади, обнял за плечи и поцеловал в макушку.

– Не волнуйся, – сказал я. Надо признать, она правильно поставила вопрос. Никто из нас никогда не ухаживал ни за одним живым существом. Конечно, в наших семьях были домашние животные, но они не в счет, ведь мы знали, что родители в любом случае о них позаботятся. Мы оба хотели когда-нибудь завести детей, но был ли хоть один из нас к этому готов? Дети казались чем-то... страшным. Они выглядели беспомощными и хрупкими, будто легко бьющиеся игрушки, стоит только уронить.

Дженни чуть улыбнулась.

– Я подумала, что на собаке можно будет хорошо потренироваться, – сказала она.

Пока мы на ночь глядя ехали в северо-западном направлении, туда, где окраины Вест-Палм-Бич переходят в длинные ряды загородных домов, я обдумывал наше решение завести щенка. Это была огромная ответственность, особенно

для двух людей, проводящих на работе целый день. Однако же мы понимали, на что идем. Мы оба выросли в семьях, где держали собак и безмерно их любили. У меня был Святой Шон, а у Дженни – сеттер Святой Винни, любимец семьи. Все самые светлые воспоминания о детстве у нас обоих были связаны с этими собаками. Мы гуляли с ними, плавали, играли, попадали в переделки. Если бы Дженни нужна была собака только для того чтобы отточить материнские навыки, я бы попытался сменить тему разговора и, возможно, купить ей что-нибудь в подарок, чтобы она не переживала. Но поскольку мы знали, что хотим однажды завести ребенка, мы с такой же уверенностью считали, что семья наша не будет полной без собаки на коврике у двери. Когда мы начали встречаться (то есть задолго до того, как мысль родить ребенка пришла нам на ум), мы часами обсуждали своих питомцев. Мы рассказывали, как скучаем по ним и ждем момента, когда у нас появится уверенность в завтрашнем дне и дом, который можно будет назвать своим, чтобы завести собаку.

Теперь у нас было и то и другое. Мы жили вместе в городе, из которого не собирались переезжать в ближайшее время. И у нас был дом, который мы считали своим.

Это был прекрасный домик на чудном маленьком огороженном участке площадью в тысячу квадратных метров, который идеально подошел бы и для собаки. Его местоположение тоже полностью соответствовало задуманному: сим-

патичный маленький городок, всего в полутора кварталах от Берегового канала, отделяющего Вест-Палм-Бич от особняков Палм-Бич. В конце нашей улицы Черчилль-роуд находился зеленый парк, протянувшийся вдоль побережья на несколько километров. Асфальтированная дорожка у самого берега идеально подходила для бега по утрам, катания на велосипеде и на роликовых коньках. Но более всего – для прогулки с собакой.

Наш дом был построен в 1950 году и в полной мере обладал очарованием старушки Флориды: камин, оштукатуренные стены, огромные окна, впускающие много воздуха, и балконные двери, ведущие в наше самое любимое место – застекленную веранду с задней стороны дома. Двор напоминал уютную бухту где-нибудь в тропических широтах, где по берегам растут пальмы, авокадо и яркие цветы. Над нашими зелеными владениями, словно башня, возвышалось манговое дерево, и с него с таким звуком, будто кто-то спрыгнул с крыши, каждое лето падали зрелые плоды. Мы частенько, лежа в кровати, слышали их глухой стук о землю: *бум! бум! бум!*

Мы купили этот домик с двумя спальнями и одной ванной сразу после медового месяца и тут же приступили к ремонту.

Прежним владельцам, вышедшему на пенсию почтовому служащему и его жене, явно нравился зеленый цвет. Так была выкрашена штукатурка снаружи, и внутренние стены, и ставни, и входная дверь. На окнах висели зеленые шторы.

Ковровое покрытие, которое заказали бывшие хозяева перед продажей дома для придания ему товарного вида, тоже было зеленым. Однако этот цвет не был ни веселеньким зеленым с желтоватым отливом, ни холодным изумрудным, ни даже цветом спелого лайма. Нет, этот цвет напоминал цвет рвоты после горохового супа, только с оттенком хаки. В общем, все очень походило на военную казарму.

В первый же вечер в новом доме мы начисто отодрали абсолютно новый зеленый ковролин и выбросили его на улицу. Под ним обнаружился первоначальный пол из дубовых досок в великолепном состоянии. Нам показалось, что по нему вообще никто никогда не ходил. Мы тщательно отшлифовали его и залакировали до блеска. После этого мы решили потратить большую часть двухнедельной зарплаты на персидский ковер ручной работы, который расстелили в гостиной перед камином. Со временем мы перекрасили все зеленые поверхности и заменили все зеленые предметы. Барак почтового служащего постепенно становился нашим домом.

Кажется, мы наводили порядок только для того, чтобы ввести в дом огромного четвероногого обладателя острых когтей и больших зубов с весьма ограниченным знанием английского, который бы вновь перевернул здесь все вверх дном.

– Притормози, дружок, а то мы пропустим нужный дом, – ворчала Дженни. – Он где-то здесь.

Мы ехали в крошечной мгле по бывшему болоту, которое

после Второй мировой было осушено в сельскохозяйственных целях, а затем заселено жителями пригородов, что стремятся к пасторальной идиллии.

Как и предсказывала Дженни, вскоре фары осветили почтовый ящик с адресом, который мы искали. Я свернул на дорожку, посыпанную гравием, которая вела к большому деревянному дому с прудом перед ним и небольшим сарайчиком сзади. У входа нас встретили женщина средних лет по имени Лори и невозмутимый крупный палевый лабрадор.

– Это Лили, счастливая мама, – сказала Лори после того, как мы назвали себя. Мы заметили, что и через пять недель после родов живот Лили все еще вздут, а соски набухли. Мы с Дженни присели на корточки, и Лили радостно приняла этот знак уважения. Она была именно такая, какой мы представляли самку лабрадора, – добрая, преданная, спокойная и поразительно красивая.

– А где же папа? – спросил я.

– О, – воскликнула Лори, поколебавшись долю секунды. – Малыш Сэмми? Он где-то здесь, – и быстро добавила, – я думаю, вы умираете от любопытства, хотите посмотреть щенков!

Она провела нас через кухню в подсобку, переоборудованную в собачью детскую. На полу были расстелены газеты, в углу стояла коробка с низкими стенками, обернутая старыми полотенцами. Но мы почти не обратили на это внимание. Как можно смотреть по сторонам, когда девять крошеч-

ных палевых щенков, то и дело натыкающихся друг на друга, громко возмущаются по случаю прихода новых гостей? Дженни затаила дыхание.

– О боже, – наконец произнесла она, – мне кажется, я никогда не видела ничего трогательнее.

Мы сели на пол и позволили щенкам ползать по нам, пока счастливая Лили суетилась вокруг, виляла хвостом и тыкая носом по очереди в каждого из своих отпрысков, чтобы убедиться, что с ними все в порядке. Когда я соглашался ехать сюда, мы с Дженни договорились, что только посмотрим щенков, наведем справки, но оставим открытым вопрос, готовы ли мы завести дома собаку. «Это же первое объявление, по которому мы звонили, – приводил я свои доводы. – Давай не будем принимать поспешных решений». Однако уже через минуту мне стало ясно, что я проиграл битву. Не осталось ни тени сомнения, что прежде чем забрезжит рассвет, один из малышей станет нашим.

Лори была, что называется, нелегальным заводчиком. При выборе чистокровной собаки мы оказались полными профанами, хотя прочли на эту тему кое-какие пособия и знали, что следует избегать так называемых конвейерных щенков, на разведении которых чаще всего наживаются заводчики. В отличие от машин, у породистых щенков могут возникнуть серьезные наследственные проблемы – от дисплазии тазобедренного сустава до слепоты в раннем возрасте, что вызвано кровосмесительным скрещиванием.

С другой стороны, Лори была человеком увлеченным, и ею двигала скорее любовь к породистым собакам, нежели стремление к материальной выгоде. Она являлась владелицей всего одной пары лабрадоров, причем сука и кобель в родстве не состояли, и Лори могла предъявить бумаги, подтверждающие это. Выводок Лили, который мы видели, был вторым и последним, а теперь ей суждено было посвятить остаток жизни простым деревенским радостям. Поскольку родители вроде бы были в наличии, покупатель мог непосредственно убедиться в происхождении щенков, хотя нам так и не показали кобеля.

В выводке оказалось пять девочек (на четырех уже поступили заказы) и четыре мальчика. Лори просила \$400 за последнюю девочку и по \$375 за мальчика. Одного из них, казалось, особенно взбудоражило наше с Дженни явление. Он был самым бестолковым из всего помета и принялся кувыряться у нас на коленях, карабкаться вверх по одежде, лизать нам лица. Он грыз нам ногти поразительно острыми для такого малыша зубами и топтался вокруг на непропорционально широких желтовато-коричневых лапах.

– Этого можете забрать за три с половиной сотни, – предложила хозяйка.

Дженни хлебом не корми, дай получить скидку. Она тащила домой уйму ненужных вещей только потому, что цена казалась слишком привлекательной и возникала возможность сэкономить. «Я знаю, ты не играешь в гольф, – как-то

заявила она, вытащив из машины набор бэушных клюшек, – но ты не поверишь, как дешево они мне достались». Вот и теперь я заметил, как ее глаза заблестели.

– Ах, дорогой, – проворковала она, – давай возьмем этого щеночка!

Я вынужден был признать, что щенок очаровательный и игривый. Пока я соображал, что происходит, мошенник едва не перегрыз ремешок моих часов.

– Надо проверить, насколько он пуглив, – сказал я. Прежде я не раз рассказывал Дженни историю о том, как мы выбрали Святого Шона. Я был совсем маленький, и отец подсказал, что надо сделать какое-то резкое движение или пошуметь, чтобы отличить робкого щенка от смелого. Дженни, окруженная пушистыми комочками, закатила глаза, давая понять, что поведение семьи Грогэнов ей, мягко говоря, представляется странным.

– Серьезно, – настаивал я. – Этот способ работает.

Я встал спиной к щенкам, затем внезапно развернулся, неожиданно сделал резкий шаг по направлению к ним, топнул ногой и крикнул: «Эй!» Комочки не обратили особенного внимания на странное поведение незнакомца, и только один прыгнул вперед, чтобы грудью встретить опасность. Это был Щенок-со-Скидкой. Он с энтузиазмом бросился на меня, запутался между щиколоток и яростно атаковал мои шнурки, убежденный, что перед ним опасные враги, которых нужно уничтожить.

– Мне кажется, это судьба, – проговорила Дженни.

– Думаешь? – спросил я, поднимая щенка с пола и держа его одной рукой у самого лица.

Я внимательно рассмотрел его мордочку. Он уставился на меня трогательными карими глазками и куснул за нос. Я передал щенка Дженни, и он повторил свои манипуляции.

– Кажется, мы ему понравились, – сказал я.

Выбор был сделан. Мы выписали Лори чек на \$350. Она сказала, что через три недели, когда Щенок-со-Скидкой подрастет и его пора будет отлучить от матери, мы можем приехать за ним.

Мы поблагодарили хозяйку, в последний раз погладили Лили и распрощались.

Когда мы шли к машине, я обнял Дженни за плечи и притянул к себе.

– Ты можешь в это поверить?! – воскликнул я. – Мы практически завели собаку!

– Жду не дождусь, когда можно будет принести его домой, – ответила она.

Только мы подошли к машине, как услышали шум со стороны леса. Кто-то пробирался сквозь кусты, и этот кто-то очень тяжело дышал. Фонограмма идеально подошла бы для озвучивания фильма ужасов. Мы застыли на месте, вглядываясь в темноту. Звук становился все громче, его источник приближался. Мгновение спустя желтый силуэт вышел на свет и двинулся к нам. Очень большое желтое существо. Ко-

гда оно пробежало мимо, казалось, даже не заметив нас, мы поняли, что это громадный лабрадор. Но он ничем не напоминал милую Лили, с которой мы обнимались в доме. Этот пес полностью вымок, лапы и живот его были покрыты грязью, язык болтался из стороны в сторону, а с пасти капала пена. В ту долю секунды, что я смотрел в его глаза, я заметил в них странный, почти сумасшедший, но в то же время радостный блеск. Будто бы пес только что увидел привидение, и это его очень позабавило.

В следующий миг с шумом убегающего в панике стада буйволов зверь исчез из виду, скрывшись за домом. У Дженни вырвался вздох облегчения.

– Что-то подсказывает мне, – произнес я, чувствуя, как к горлу подступает тошнота, – что мы только что видели Папу.

ГЛАВА 2

Пес голубых кровей

У нас, новоиспеченных собаководов, сразу же возник спор. Он начался, пока мы ехали от Лори, и продолжался всю следующую неделю, то вспыхивая, то угасая. Мы не могли решить, какое имя дать нашему Щенку-со-Скидкой. Дженни отказывалась от вариантов, которые предлагал я, и наоборот. Битва закончилась однажды утром до ухода на работу.

– *Челси?* – переспросил я. – *Это настолько цыплячье имя!* Ни одному нормальному кобелю не подойдет имя Челси.

– Будто бы он поймет, как мы его назвали! – парировала Дженни.

– Вот Охотник, – предложил я. – Охотник – замечательная кличка.

– *Охотник?!* Издеваешься, да? Ты что, собираешься ездить с ним на охоту вместе с другими мужиками? Это слишком мужское имя. К тому же ты никогда не охотился.

– Он же кобель, – выпалил я, закипая от злости. – *У него должна быть мужская кличка.* Не подгоняй ее под свои женские шаблоны.

Все это мне совсем не нравилось. Я серьезно взялся за дело. Пока Дженни собиралась с силами для ответного удара, я постарался быстро развернуть дискуссию в нужном мне на-

правлении.

– Чем тебе не нравится Луи?

– Очень подходит, если ты работаешь на заправке, – раздраженно ответила Дженни.

– Хорошо, отлично! Так звали моего деда. Ты, видимо, хочешь, чтобы мы назвали пса в честь твоего дедушки? Хороший песик, Билл!

Тут Дженни с отсутствующим видом подошла к магнитофону и включила музыку. Это была одна из ее стратегий в супружеских ссорах: когда заходишь в тупик, заставь оппонента замолчать. Из колонок полились ритмичные звуки рэги Боба Марли, практически мгновенно успокоив нас обоих.

Мы открыли для себя этого певца с Ямайки, когда переехали из Мичигана в Южную Флориду. На берегах болот верхней части Среднего Запада, где обитали в основном белые американцы, мы сидели на диете из Боба Седжера и Джона Кугара Мелленкэмпса. Здесь же, в пульсирующем этническом потоке, каковым является Южная Флорида, музыка Боба Марли доносилась отовсюду – даже спустя десять лет после его смерти. Мы слышали ее по радио, когда ехали по бульвару Бискейн. Она звучала, когда мы потягивали кофе по-кубински в районе Маленькая Гавана и ели курицу по-ямайски в маленьких лавчонках в унылых иммигрантских кварталах к западу от Форт-Лодердейла. Мы наслаждались ею и когда впервые пробовали оладьи из моллюсков на фестивале музыки Багамских островов «Гумбэй» в престиж-

ном районе Майами Коконат-Грув, и когда ездили покупать гаитянские сувениры в Ки-Уэст.

Чем больше мест мы исследовали, тем больше влюблялись как в Южную Флориду, так и друг в друга. И, казалось, всегда рядом, в тени, был Боб Марли. Он находился с нами, когда мы жарились под солнцем на пляже, когда перекрашивали мутно-зеленые стены нашего дома, когда просыпались на рассвете от криков попугаев и занимались любовью в лучах утреннего солнца, проникавших сквозь ветви бразильского перечного дерева, что росло под нашим окном. Мы влюбились в эту музыку за ее красоту и непосредственность и за то, что она напоминала нам о сладостных моментах, когда мы соединялись, превращаясь в единое целое. Боб Марли стал фонограммой нашей новой совместной жизни в этом странном, экзотическом, суматошном месте, так непохожем на наши прежние места жительства.

И вот сейчас в динамиках зазвучала наша любимая песня, лучшая из всех и самая близкая нам обоим. Голос Марли наполнил комнату, повторяя снова и снова припев: «Любовь ли это в моем сердце?» И мы одновременно, будто репетировали неделями, закричали: «Марли!»

– Вот! – воскликнул я. – Вот оно, нужное имя! – Дженни улыбалась, это был хороший знак. Я решил попробовать имя еще раз.

– Марли, сюда, – скомандовал я. – Марли, сидеть! Хороший песик, Марли!

Дженни подхватила:

– Ах ты милашка, Марли, пуси-пуси!

– Думаю, имя подойдет как нельзя лучше, – заключил я.

Дженни кивнула. Наша битва закончилась, у щенка появилось имя.

Следующим вечером после ужина я вошел в спальню, где читала Дженни, и сказал:

– Думаю, надо сделать его имя поэффектнее.

– О чем ты? – бросила на меня удивленный взгляд Дженни. – Оно же нам обоим нравится.

Я читал бланки регистрации Американского клуба собаководов. Как чистокровный лабрадор, родители которого имели соответствующие документы, Марли тоже имел право на клубную регистрацию. Вообще-то эти бумаги нужны только тем хозяевам, которые планируют выставлять свою собаку или отдавать ее на вязку, в таких случаях ничего важнее сертификата нет. Для обычного четвероногого любимца это было излишеством. Но я уже строил грандиозные планы на нашего Марли. Я впервые имел дело с более или менее чистокровным представителем породы, даже с учетом опыта моей семьи. Как у и Святого Шона, пса моего детства, моя собственная родословная была ничем не примечательна. Кажется, во мне понамешано кровей больше, чем стран в Европе. А Марли был псом голубых кровей, и я не собирался упускать возможности, связанные с его высоким происхождением. Признаюсь, я благоговею перед знаменитостями.

– Вот, например, повезем мы его на выставку, – размечтался я. – Ты когда-нибудь видела чемпиона с одним-единственным именем? Нет, у них всегда длиннющие титулы, вроде сэра Дартуорт из Челтенхэма.

– И его хозяин сэра Доркшир из Вест-Палм-Бич, – хихикнула Дженни.

– Я же серьезно. Мы можем хорошо заработать, выставя Марли. Знаешь, сколько люди платят, чтобы посмотреть на чистокровную собаку? И у всех этих псов причудливые имена.

– Все, что пожелаешь, дорогой, – отозвалась Дженни, вновь погружаясь в чтение книги.

Весь этот вечер я допоздна обдумывал новое имя и на следующее утро буквально поймал жену в ванной:

– Я придумал идеальное имя.

Она посмотрела на меня скептически.

– Ну, говори.

– Хорошо. Ты готова? Вот оно! – и растягивая каждое слово, я произнес:

– Великолепный... Марли... Черчилльский... Собственность Грогэнов. (*Черт, подумал я, это звучит по-королевски!*)

– Слушай, по-моему, это звучит по-дурацки, – отрезала Дженни.

Но мне было все равно. Мне выпала честь вести всю бумажную работу, и я уже вписал имя. Чернилами. Дженни мо-

жет ухмыляться сколько угодно, но через несколько лет Великолепный Марли Черчилльский, собственность Грогэнов, соберет все лавры на выставке Вестминстерского клуба собаководов. Тогда я важной поступью пройду с ним круг почета перед очарованными телезрителями всего мира, и мы посмотрим, кто еще посмеется.

– Ладно, глупенький мой герцог, пойдем завтракать, – предложила Дженни.

ГЛАВА 3

Связь с домом

Пока мы считали дни до того момента, когда сможем принести Марли домой, я запоздало принялся штудировать литературу по лабрадорам. Я сказал – запоздало, потому что практически все источники, которые я прочел, настойчиво рекомендовали: *«Прежде чем покупать собаку, убедитесь, что вы достаточно знаете о породе и представляете себе, во что ввязываетесь»*. Упс!

Например, обладатель городской квартиры вряд ли уживется в ней с сенбернаром. Семье с маленькими детьми нежелательно брать непредсказуемого чау-чау. Домоседку, выбирающую декоративную собачку, которая бы часами сидела на коленях, пока хозяйка смотрит сериалы, свела бы с ума колли, которой для полного счастья необходимо резвиться и много бегать.

Я со стыдом признал, что перед тем как остановиться на лабрадоре, мы с Дженни не навели никаких справок. Мы выбрали породу только по одному критерию: по зову сердца. Нередко мы любовались тем, как эти собаки бегают за велосипедами хозяев по дорожке вдоль Берегового канала – крупные и подвижные, они были одурманены жизнью и любили ее страстно, что нечасто встретишь в нашем мире. Еще

больше смущало то, что на наш выбор повлиял не «Полный справочник по собакам» – библия пород, выпущенная Американским клубом собаководов, и даже не какое-то менее авторитетное издание. Нет, решающую роль сыграл другой литературный тяжеловес, Гари Ларсон, с его комиксами «По ту сторону». Мы оба были их фанатами. Среди персонажей выделялись смекалистые городские лабрадоры, которые не лезли за словом в карман. Да, они говорили! Что здесь могло не понравиться? Лабрадоры казались необычайно забавными существами, по крайней мере, те, что жили в комиксах Ларсона. А кто же не хочет добавить разнообразия в свою жизнь? Мы купились.

Теперь же, размышляя над более серьезными исследованиями по лабрадорам, я почувствовал, как гора свалилась с плеч. Какими бы неосведомленными мы ни были, результат нашего выбора вполне удовлетворил нас. В литературе нашлось немало ярких доказательств того, что лабрадоры очень преданны, нежны с детьми, неагрессивны и любят угождать своим хозяевам. Их сообразительность и обучаемость способствовали тому, что их стали использовать для поисково-спасательных работ и в качестве собак-поводырей. Все это хорошо укладывалось в образ ласкового животного, просто созданного для жизни в доме, где рано или поздно появятся дети.

В одном из справочников лабрадоров буквально засыпали отличными характеристиками: «Лабрадоры известны

своей сообразительностью, нежной привязанностью к человеку, недюжинными способностями и непоколебимой готовностью выполнить любое задание». Другой автор восхищался свойственной этой породе верностью. Все эти качества подняли лабрадора с позиции охотничьей собаки, которую птицеловы восхваляли за непревзойденное умение доставать подстреленных уток и фазанов из холодных водоемов, до уровня самого популярного домашнего животного в Америке. В 1990 году лабрадор вытеснил коккер-спаниеля с первого места в рейтинге самых распространенных в стране домашних собак, подготовленном Американским клубом собаководов. С тех пор ни одна порода не могла сравниться с лабрадорами. В 2004 году они в пятнадцатый раз подряд возглавили этот список: в Штатах насчитывалось 146 692 особи. С огромным отрывом второе место заняли золотистые ретриверы численностью 52 550 особей, а третьими стали немецкие овчарки, которых оказалось 46 046.

Совершенно случайно мы купили себе щенка породы, на которую не могла нарадоваться вся Америка. Сотни тысяч счастливых собаководов не могли ошибиться, так ведь? Мы выбрали признанного победителя. И все же кое-что в тексте энциклопедий настораживало.

Исстари лабрадоров разводили как рабочих собак, отсюда их безудержная энергия. Они чрезвычайно общительны и плохо переносят продолжительное одиночество. Они могут оказаться тугодумами. Чтобы лабрадоры не превратились в

разрушителей семейного уюта, им необходимы утомительные ежедневные тренировки. Некоторые собаки легковозбудимы и могут дойти до такого состояния, что контролировать их бывает сложно даже опытным инструкторам. Иногда щенячий возраст затягивается на три или более года, и в таком случае требуется повышенное внимание и терпение хозяев.

Веками люди тренировали лабрадоров, чтобы они были сильными и умели терпеть боль. Эти качества служили им хорошую службу, когда собаки бросались в ледяные воды Северной Атлантики, помогая рыбакам. Однако в домашней обстановке эти же качества могут превратить собаку в того самого слона из посудной лавки: ведь это крупные, сильные, коренастые животные, которые не осознают собственной мощи. Некоторое время назад одна владелица лабрадора рассказала мне, как однажды привязала своего мальчика к косяку гаражных ворот, чтобы он был рядом, пока она вымоет машину на подъездной дорожке. И что же? Пес увидел белку и изо всех сил метнулся за ней, вырвав из стены стальную раму.

А затем мне попала на глаза фраза, заронившая страх в мое сердце. «Родители щенка служат лучшим показателем его будущего характера. В подавляющем большинстве случаев характер наследуется». В уме промелькнуло покрытое комьями грязи привидение с пеной у рта, которое вылетело на нас в ту ночь, когда мы приезжали смотреть щенка. *О бо-*

же, подумал я. В книге рекомендовалось настоять на том, чтобы заводчики на месте показали обоих родителей щенка. Я опять вспомнил тот вечер. На этот раз из головы не шла легкая неуверенность, мелькнувшая на лице Лори, когда я спросил, где отец щенят. «О... он где-то здесь». А потом она поспешно сменила тему. Да, такая тактика определенно имела успех. Покупатели, предупрежденные о возможности подобных махинаций, непременно бы потребовали показать пса. И что бы они увидели? Кошмарную тварь, непонятно зачем бегающую по ночам, будто за ней черти по пятам гонятся? Я молился, чтобы Марли унаследовал характер матери.

Забудем на время об индивидуальной генетике, в конце концов, у всех чистокровных лабрадоров есть общие предсказуемые черты характера. Американский клуб собаководов выделил стандартные качества породы. Внешне лабрадоры крепкие и мускулистые, с короткой, густой шерстью, приспособленной к любой погоде. Их окрас может быть черным, шоколадно-коричневым или любого палевого оттенка, от светло-кремового до насыщенного лисье-рыжего. Одной из отличительных особенностей лабрадоров является толстый мощный хвост, напоминающий хвост выдры, который может очистить журнальный столик от посуды одним махом. Голова лабрадора напоминает широкую глыбу с мощными челюстями и высоко посаженными вислыми ушами. Большинство лабрадоров достигают во взрослом возрасте 60 см в холке, а среднестатистическая собака этой породы весит

30–36 кг, хотя отдельные особи значительно превышают этот показатель.

Однако, согласно сведениям того же клуба, не только внешний вид делает лабрадора Лабрадором. В клубном стандарте для этой породы отмечается: «Темперамент настоящего лабрадора является таким же признаком породы, как и выдровый хвост. Как правило, лабрадоры добры, общительны, послушны, им нравится доставлять удовольствие хозяину, и они не агрессивны по отношению к людям и животным. Лабрадорам свойственны многие черты, импонирующие хозяевам. Их тактичность, сообразительность и способность к адаптации делают их идеальными собаками».

Идеальная собака! Ни об одной другой породе авторы справочников не отзывались в таком оптимистичном ключе! Чем больше я читал о лабрадорах, тем сильнее радовался нашему решению. Даже предостережения не пугали меня. Мы с Дженни полностью посвятим себя новой собаке и окружим ее вниманием и заботой, станем, сколько понадобится, обучать навыкам поведения в обществе и командам. К тому же мы почти каждый вечер после работы, да и по утрам тоже, охотно гуляем пешком вдоль побережья. Вполне естественно, что мы будем брать своего пса с собой. И утомим маленького негодника! Офис Дженни располагался в полутора километрах от дома, но ведь она каждый день приходила домой обедать. И в это время она, особенно не напрягаясь, могла бы кидать ему мячи и расходовать его безудержную энергию,

о наличии которой нас предупреждали.

За неделю до того как мы привезли собаку домой, нам позвонила из Бостона Сьюзан, сестра Дженни. С мужем и двумя детьми они планировали съездить в парк развлечений Disneyworld на следующей неделе, и Сьюзан интересовалась, не присоединится ли к ним Дженни, чтобы провести вместе несколько дней. Конечно, как любящей тетушке, которая была без ума от племянников и изыскивала любую возможность встретиться с ними, Дженни ужасно хотелось поехать. Но на этот раз решение далось не так просто.

– Тогда меня не будет дома, когда приедет маленький Марли, – терзали ее сомнения.

– Поезжай, – убеждал я жену. – Я привезу щенка и место для него обустрою. Вернешься на все готовое.

Стараясь, чтобы мой голос звучал беззаботно, я, однако, в глубине души несказанно радовался перспективе побыть несколько дней наедине со щенком и освоиться с ним по-мужски. Конечно, предполагалось, что он станет нашим общим с Дженни любимцем, будет принадлежать каждому из нас в равной степени. Но я все равно не верил, что собака может подчиняться двум хозяевам. В доме должна выстроиться определенная иерархия, должен быть лидер, и я хотел стать им. Три дня наедине с Марли, несомненно, дали бы мне фору.

Через неделю Дженни отбыла в Орландо, что в трех с половиной часах езды на машине от нас. В тот вечер после ра-

боты я заехал на ферму Лори, чтобы забрать нового члена нашей семьи. Но когда она вывела Марли из сарая позади дома, я так и ахнул. Крошечный ворсистый комочек, который мы щупали три недели назад, вырос более чем вдвое. Он быстро подбежал ко мне, стукнулся головой о мои ноги, упал на спину и задрыгал лапами, в чем я усмотрел жест повинования. Лори, должно быть, почувствовала мое состояние, а оно было близко к шоковому.

– Быстро ваш мальчик растет, не правда ли? – весело заметила она. – Вы бы видели, как он уплетает щенячий корм!

Я наклонился, почесал мягкий животик и изрек:

– Ну что, Марли? Ты готов ехать домой? – Я впервые назвал щенка по имени, и мне показалось, что кличка звучала хорошо.

На пассажирском сиденье я устроил уютное гнездышко из полотенец и положил щенка туда. Но только я отъехал, как он завозился и принялся выбираться наружу. Поскуливая, он пополз ко мне и на полпути попал в первое из бесчисленных затруднительных положений в своей жизни. Его задние ноги свисали с консоли со стороны пассажирского сиденья, а передние – со стороны водителя. Животик был плотно прижат к ручнику. Маленькие лапки болтались во все стороны, загребая воздух. Щенка заносило и качало, но он не мог сдвинуться с места, напоминая судно, попавшее на мель.

Я погладил Марли по спинке, что только раззадорило щенка, вызвав новый виток воздушной акробатики. Задние

лапы отчаянно искали точку опоры на покрытом ковриком выступе между двумя сиденьями. Тут он начал медленно поднимать задние лапы в воздух, за ними вся задняя часть потянулась вверх, вверх, вверх, хвост неистово завертелся, и все это продолжалось до тех пор, пока не вступил в действие закон гравитации. Щенок съехал головой вперед, перекувырнулся, свалился на пол – прямо мне под ноги – и распластался на спине. Из этого положения, как выяснилось, было удобнее всего запрыгнуть ко мне на колени.

О боже, он был счастлив, безгранично счастлив. Дрожа от радости, он ткнулся мордочкой мне в живот и принялся отгрызать пуговицы от рубашки. А хвост-то, хвост лупил по рулю со скоростью стрелки метронома!

Я быстро заметил, что могу регулировать темп виляния хвоста, просто-напросто дотрагиваясь до Марли. Когда обе мои руки покоились на руле, скорость виляния стабильно равнялась трем ударам в секунду. *Тук-тук-тук*. Но стоило мне коснуться пальцем его головы, темп вальса сменялся ритмом зажигательной боссановы. *Туктук-тук-тук-тук-тук-тук!* Я касался двумя пальцами – и боссанова уступала место мамбе. *Тук-тук-тук-тук-тук-тук-тук!* Ну, а когда я положил ему на голову ладонь и взъерошил пальцами шерстку, ритм стал напоминать пулеметную очередь: «*ТукТукТукТук-ТукТукТукТукТук!*»

– Вот это да! Отличное чувство ритма! – похвалил я Марли. – Настоящий пес рэгги.

Когда мы приехали домой, я спустил его на пол, предварительно отцепив поводок. Щенок начал обнюхивать квартиру и не останавливался, пока не обследовал каждый сантиметр нового жилища. Затем он сел, поднял мордочку и уставился на меня, словно спрашивая: *«Все это, конечно, хорошо, но куда ты дел моих братьев и сестер?»*

Он так и не постиг новую реальность бытия до наступления темноты. Перед тем как отправиться спать, я обустроил ему уютную спаленку в одноместном гараже рядом с домом. Мы никогда не ставили туда машину, используя это помещение как чулан или подсобку.

Помимо гладильной доски, здесь стояли стиральная машина и сушилка. Помещение было сухое, удобное, выходило в огороженный задний дворик. Глядя на бетонные стены и пол, можно было мысленно сравнить бывший гараж с бомбоубежищем.

– Марли, – бодро объявил я, введя щенка внутрь, – вот твоя комната.

Я набросал повсюду резиновые игрушки, расстелил на полу газеты, налил в миску воды и смастерил ему постель, застелив картонную коробку старым покрывалом. «Тут ты будешь спать», – показывал я Марли, усаживая его в коробку. Он привык к подобным удобствам, но прежде пользовался ими на равных со своими братьями и сестрами. Теперь он обошел коробку по периметру и посмотрел на меня несчастным взглядом. Я закрыл дверь, отдалился на несколько ша-

гов в сторону дома и замер, прислушиваясь.

Сначала тишина. Потом неясный, едва слышный скулеж. А потом мой пес завыл в полную силу легких, как будто его мучали.

Я открыл дверь, и едва он заметил меня, жалобы разом прекратились. Я подошел, пару минут погладил его и снова ретировался. Стоя с другой стороны двери, я начал отсчет: раз, два, три... Минуло семь секунд с момента моего исчезновения, и Марли принялся выть и скулить с прежним усердием.

Мы повторили эксперимент несколько раз с тем же результатом. Я уже устал и надеялся, что его силы иссякнут, и он уснет. Я включил в гараже свет, закрыл дверь, вошел в дом и еле добрался до кровати. Однако и бетонные стены не смогли заглушить его жалостный вой.

Долгое время я лежал, стараясь игнорировать протяжные пронзительные звуки, представляя, как Марли вот-вот утомится и умолкнет, но он не сдавался. Я слышал его даже после того, как накрыл голову подушкой. И я вспомнил, что Марли впервые оказался один в такой странной обстановке, где поблизости не было ничего знакомого, что хоть как-то могло сравниться с запахом другой собаки. Его мама осталась далеко, братья и сестры тоже. Бедняга. А мне понравилось бы такое, окажись я на его месте?

Я продержался еще около получаса, прежде чем смириться и забрать его. Едва Марли увидел меня, он очень обра-

довался, а хвост снова начал отстукивать бешеный ритм по стенкам коробки. Он будто бы говорил: *«Давай, хозяин, прыгай сюда, а то для меня одного здесь слишком просторно»*. Но мне пришла в голову идея получше: я аккуратно взял коробку, перенес ее к себе в спальню и поставил возле кровати. Устроившись на краешке матраца, я опустил руку в коробку. Я чувствовал, как с каждым вдохом поднимаются и опускаются его ребрышки, и в таком положении мы отправились дрейфовать по миру сновидений.

ГЛАВА 4

Мистер Вихляй

Следующие три дня я всецело отдался общению со щенком. Я валялся на полу, позволяя ему бегать по мне. Мы боролись. Я раздобыл старое полотенце и играл с Марли в перетягивание каната, удивляясь тому, насколько силен стал пес. Он следовал за мной по пятам, грыз все, до чего мог дотянуться. Всего один день потребовался ему, чтобы найти самую интересную вещь в доме – туалетную бумагу. Он исчезал в ванной комнате и спустя пять секунд вылетал оттуда с рулоном в зубах, а мягкая лента неумолимо разматывалась, пока он носился по всему дому. Теперь наше жилище выглядело так, будто его украсили к Хеллоуину.

Каждые полчаса, а то и чаще, мне приходилось выводить его на задний дворик, чтобы щенок справил малую нужду. Если он делал свои дела на природе, я прижимался к нему щекой и хвалил, но если подобное случалось в доме, нещадно ругал. А когда он ходил в садик по-большому, я восхищался так, будто Марли вытянул выигрышный билет в лотерею.

Вернувшись из Disneyworld, Дженни так же энергично, как я, принялась ухаживать за Марли. Это было замечательное зрелище. Дни шли за днями, и я все чаще замечал в сво-

ей молодой жене новые проявления нежности, заботы, спокойной строгости. Она обнимала щенка, гладила, играла с ним, беспокоилась за него.

Она расчесывала шерстку по волоску, выискивая клещей и блох. Ночь за ночью она вставала каждые два часа, чтобы вывести его во двор. Именно благодаря этому всего за несколько недель щенок окончательно приучился делать свои дела на улице, а не в доме.

Как правило, она же его и кормила.

Следуя инструкциям на пакете, мы давали Марли три большие миски корма в день. Он по-волчьи жадно, за считанные секунды, проглатывал все до последнего кусочка. Естественно, потом все это выходило наружу, и вскоре наш задний двор напоминал минное поле. Мы отваживались выйти туда, только внимательно смотря себе под ноги.

Аппетит у Марли был отменный, но объем выделений значительно превышал объем съеденного, причем внешне кучки ничем не отличались от того корма, который исчезал в его пасти. Он хоть переваривал эту дрянь?

Очевидно, да. Марли рос стремительно. Подобно причудливым лианам, которые способны разрастись по потолку комнаты за несколько часов, он вытягивался во всех направлениях. С каждым днем он становился чуть длиннее, чуть шире, чуть выше и чуть тяжелее. Когда я привез его домой, он весил меньше 10 кг, а через пару недель весы показывали почти 23! Его симпатичная щенячья головка, которую я

с легкостью охватывал одной ладонью, когда вез в машине, превратилась в нечто, напоминавшее формой кузнечную наковальню. Лапы стали огромными, на боках уже вырисовывался рельеф мышц, а грудь по ширине не уступала ковшу экскаватора. Как и обещали авторы книг, крохотный хвостик тоже рос, становясь толстым и мощным, как у выдры.

Что это был за хвост! Каждый предмет в нашем доме, располагавшийся на уровне колен и ниже, немедленно сметался неистово крутящимся из стороны в сторону орудием Марли. Он опустошал журнальные столики, разбрасывая периодику, сбивал рамки с фотографиями с полок, запускал в воздух пивные бутылки и винные бокалы. Он даже умудрился разбить дверное стекло. Постепенно все предметы, которые он не успел испортить, мигрировали вверх на безопасную высоту, подальше от качающейся колотушки. Наши друзья, у которых были дети, приходя к нам, восхищались: «Ваш дом прямо создан для маленьких детей!»

На самом деле Марли вилял не хвостом. Он, скорее, вилял всем телом, начиная с передней части и работая по направлению к задней. Он был собачьей версией детской игрушки – пружинки слинки: мы могли поклясться, что в нем нет костей, только одна большая эластичная мышца. Дженни стала называть его мистером Вихляем.

Энергичнее всего он извивался, когда держал что-то в зубах. В любой ситуации реакция была одна: схватить лежащую поблизости туфлю, подушку, карандаш – словом, все

что угодно, – и пуститься наутек. Как будто его внутренний голос шептал: «Вперед! Подбери это! Обслюнявь! Беги!»

Некоторые из вещей, которые он хватал, отличались настолько малым размером, что полностью помещались в его пасти. Это доставляло ему особенное удовольствие: он думал, что сможет скрыть свое преступление. Но Марли не умел мухлевать, как покерный шулер. Когда он что-то припрятывал, то не мог скрыть своего ликования. Конечно, он всегда был шумным, но тут у него начинались просто маниакальные приступы гиперактивности, словно некий шутник-невидимка только что раззадорил его. Его тело начинало дрожать, голова качалась из стороны в сторону, а вся задняя часть туловища выделявала спазматические коленца. Мы называли это «мамба Марли».

– Ладно, что у тебя на этот раз? – спрашивал я. Как только я приближался, он пытался убежать от меня, выписывая круги по комнате. Переполненный радостью, которую не мог скрыть, Марли вилял задом и по-кобыльи мотал головой. Если я окончательно загонял пса в угол и с трудом раздвигал его челюсти, то никогда не уходил с пустыми руками. В пасти всегда обнаруживалось что-то, извлеченное из мусорного ведра, или подобранное с пола, или украденное прямо с обеденного стола, что уже позволял его рост. Бумажные полотенца и салфетки Kleenex, записи кулинарных рецептов, винные пробки, скрепки, шахматные фигуры, крышки от бутылок – в общем, целый склад утильсырья. Однажды, когда

я в очередной раз разомкнул челюсти Марли, я обнаружил, что к его нёбу прилип мой чек на получение зарплаты.

Спустя несколько недель мы уже забыли, какой была жизнь до встречи с нашим новым жильцом. Наше совместное существование превратилось в рутину. Каждое утро я начинал с того, что прогуливался с Марли на свежем воздухе до побережья и обратно, и только потом выпивал первую чашку кофе. После завтрака и до душа я обходил задний садик с совком в руках, закапывая наземные мины в песок на краю участка. Дженни обычно отправлялась на работу к девяти, а я – на час позже. Перед уходом я запирал Марли в бетонном «бункере», оставляя ему миску воды, кучу игрушек и прося его «быть хорошим мальчиком». В половине первого Дженни возвращалась, чтобы пообедать, покормить Марли, а потом поиграть с ним в мячик на заднем дворе, пока он не выдохнется. Первое время она прибегала домой с работы еще раз, часа в три, чтобы вывести Марли на улицу. После ужина мы все вместе шли в парк и гуляли по побережью канала, глядя на лениво покачивающиеся в лучах заходящего солнца яхты из Палм-Бич.

Гуляли, наверное, неуместное здесь слово. Марли носился, как разогнавшийся локомотив. Он бросался вперед со всей силы, натягивая поводок до предела и чуть не задыхаясь. Мы дергали его назад, он нас вперед. Мы подтаскивали его к себе, а он сопротивлялся, заходясь при этом в кашле, как заядлый курильщик в рубашке с тесным воротником. Он

отклонялся то вправо, то влево, бросаясь на каждый почтовый ящик и куст, принюхиваясь, пыхтя и помечая территорию без остановки, в результате чего большая часть выделений оставалась на нем, а не на предполагаемом объекте. Он кружил сзади, опутывая наши щиколотки поводком перед очередным креном вперед, и ему почти удавалось сбить нас с ног. Когда к нам приближались другие люди с собаками, Марли с радостью бежал к ним и вставал на задние лапы, если не хватало поводка: он умирал от желания подружиться. «Несомненно, он очень любит жизнь», – прокомментировал как-то один собаковод, и, пожалуй, эта фраза лучше всего отражает истину.

Марли пока еще был сравнительно маленьким, так что сначала мы без труда выигрывали состязания по перетягиванию поводка, но с каждой неделей баланс сил менялся. Пес становился все крупнее и сильнее. Было ясно, что через какое-то время он станет сильнее нас обоих. Надо было скорее обуздать его и обучить правильному поведению на улице – до того, как он приведет нас к унижительной смерти под колесами проезжающей мимо машины. Наши друзья, собаководы со стажем, рекомендовали не спешить с обучением. «Сейчас еще слишком рано, – сказал один из них. – Наслаждайтесь его щенячьим возрастом, пока можете. Вскоре он вырастет, и тогда вы более серьезно возьметесь за его воспитание».

Так мы и поступили, однако не давая ему возможности

делать абсолютно все, что заблагорассудится. Мы последовательно пытались внедрить свои правила. Порча кроватей и другой мебели была под запретом. Преступными действиями, достойными явного порицания, считались питье из унитаза, обнюхивание собачьих задов и обгрызание ножек стула. «Фу» стало нашим любимым словом. С переменным успехом мы работали над базовыми командами – «ко мне», «рядом», «сидеть», «лежать». Марли был молод и постоянно возбужден, словно наглотался тройного эспresso. Подобно инфузории, он не мог сконцентрироваться более чем на одном предмете в данный момент времени, при этом его внимание тут же переключалось на другой объект. (Так от легкого прикосновения взрывается нитроглицерин.) Любой контакт с людьми вызывал у Марли желание в буквальном смысле прыгать на стены от радости. Только спустя годы мы поняли: у нашего щенка был типичный случай синдрома рассеянного внимания и гиперактивности (СРВГ), заболевания, название которого впоследствии будут использовать для поведенческого диагноза тысяч гиперактивных детей, у которых, как говорится, шило в одном месте.

И все же, несмотря на все эти щенячьи выходки, Марли играл важную роль в нашем доме и в наших взаимоотношениях. Его беспомощность показала Дженни, что она может справиться и с материнскими обязанностями. Марли пробыл под ее присмотром несколько недель, и она его до сих пор не загубила. Как раз наоборот, щенок чувствовал себя пре-

красно. Мы даже шутили: может, стоит посадить его на диету, чтобы замедлить рост и снизить уровень энергии?

Превращение Дженни из хладнокровной убийцы растений в нежную собачью мамочку не переставало удивлять меня. Думаю, она сама себе удивлялась. Главное, у нее все получалось очень естественно. Однажды Марли начало сильно рвать, и, прежде чем я успел что-либо сделать, Дженни уже была на ногах. Она подбежала к нему и, одной рукой разведя его челюсти, просунула вторую глубоко в глотку, достав большой обслюнявленный комок целлофана. Марли в последний раз кашлянул, стукнул хвостом по стене и посмотрел на нее, словно спрашивая: *а не могли бы мы это повторить?*

Как только мы более-менее привыкли к собаке, мы смогли заняться обсуждением проблемы дальнейшего расширения нашего семейства. Не то чтобы мы решили завести ребенка – это был бы слишком смелый шаг для пары, которая стремилась вообще не принимать никаких судьбоносных решений в своей жизни. На самом деле мы просто решили больше *не* использовать противозачаточные средства. Замысловатая, конечно, логика, но после такого решения мы оба почувствовали себя лучше. Никакого давления. Вообще никакого. Мы не стремились зачать ребенка, мы просто положились на судьбу. Пусть все идет своим чередом. *Que sera, sera*, как говорят французы: в общем, будь что будет.

Хотя, если честно, мы боялись. У нас было несколько зна-

комых пар, которые месяцами, даже годами пытались зачать ребенка. После безуспешных попыток, отчаявшись, они начинали открыто обсуждать свое безвыходное положение. На званных обедах они как одержимые говорили о консультациях у врача, количестве сперматозоидов, менструальных циклах. Присутствующие, естественно, чувствовали себя неловко, ведь никто не знал, как на это нужно было реагировать. Сказать фразу типа: «Мне кажется, у тебя нормальное количество сперматозоидов»?! Все это было невыносимо тяжело, и мы до смерти боялись в конечном счете стать такими же, как эти люди.

До нашей свадьбы у Дженни были серьезные приступы боли, связанные с эндометриозом, ей сделали лапароскопию и удалили рубцовую ткань из маточных труб, что, разумеется, не пошло на пользу ее репродуктивной функции. Еще больше нас беспокоил один секрет из прошлого. В те первые дни слепой страсти, когда желание овладевало нами, мы отбрасывали предосторожности вместе с одеждой в сторону и с утроенной энергией занимались сексом, вообще никак не предохраняясь. Такое происходило не раз. После столь невероятной глупости, совершенной несколько лет назад, мы должны были целовать землю в благодарность за чудесное отсутствие нежелательной беременности, но вместо этого каждый из нас думал только об одном: *«Что с нами не так? Ни одна нормальная пара не смогла бы, не предохраняясь, так заниматься сексом без известных последствий».*

Мы оба были уверены: зачать легко нам не удастся.

Поэтому, когда наши знакомые пары одна за другой объявляли о том, что они попытаются зачать ребенка, мы молчали. Дженни собиралась просто спрятать свои противозачаточные таблетки в аптечку и забыть о них. Если она забеременеет, чудесно. Если нет, то... мы ведь и не старались еще, верно?

Зима в Вест-Палм-Бич – великолепное время года с прохладными ночами и теплыми солнечными денечками. После невыносимо долгого, навевающего апатию лета, которое обычно проводишь или в кондиционированном помещении, или совершая короткие перебежки из одной тени в другую в попытке скрыться от раскаленного солнца, зима была настоящим праздником для жителей субтропиков. Мы питались исключительно на веранде и каждое утро пили свежесжатый апельсиновый сок с дерева в нашем саду. Мы ухаживали за своим крошечным огородиком с несколькими кустами томатов, высаженными прямо возле дома. Мы срывали цветки гибискуса размером с блюдце и клали их в мисочку с водой на обеденном столе. Ночью мы спали с открытыми окнами, и до нас доносились запахи сада.

В один из этих славных дней в конце марта Дженни пригласила в гости своего коллегу с бассетом Бадди, чтобы собаки могли пообщаться и поиграть. Этого Бадди взяли из приюта, и у него была самая печальная морда, которую я когда-либо видел. Мы выпустили их вдвоем во двор. Сначала

старик Бадди не знал, что делать с гиперэнергичным желтым щенком, который прыгал, носился рядом и наматывал круги вокруг него, но затем он включился в игру. Собаки весело возились и играли больше часа, а потом в изнеможении плюхнулись в тень под манговым деревом.

Через несколько дней Марли начал безостановочно чесаться. Он так сильно царапал кожу под шерстью, что мы боялись, как бы он не пустил себе кровь. Дженни опустилась на колени и начала свой обычный осмотр, перебирая шерсть, чтобы осмотреть кожу. Через несколько секунд она позвала меня. «Черт! Ты только взгляни на это!» Я наклонился и посмотрел ей через плечо, успев заметить черную точку до того, как она скрылась. Мы положили Марли на пол и прочесали буквально каждый миллиметр его шерсти, а он трепетал от такого повышенного внимания и радостно сопел, стуча хвостом по полу. Блохи! Полчища блох! Они были везде, куда бы мы ни посмотрели: между подушечками лап, под ошейником и даже в висячих ушах нашего пса. Даже если бы они передвигались медленнее и их было бы легко поймать, мы бы не смогли самостоятельно справиться с ними: блох было слишком много.

Мы были наслышаны о проблеме блох и клещей во Флориде. Поскольку здесь не было сильных морозов, не случилось даже заморозков, насекомые никогда не исчезали, размножаясь в теплой, влажной среде. В Палм-Бич даже в домах миллионеров на побережье водились тараканы. Дженни

встревожилась: шерсть ее щеночка кишела паразитами. Конечно, мы во всем обвинили Бадди, хотя неоспоримых доказательств у нас не было. Дженни вообразила себе, будто насекомые завелись не только у собаки, но и у нас дома. Она схватила ключи от машины и выбежала на улицу.

Через полчаса она вернулась с сумкой, полной химикатов, – количество, достаточное, чтобы открыть собственный фонд борьбы с загрязнением окружающей среды. Чего там только не было: средства для ванны от блох, порошки и спреи от блох, гели и растворы от блох! Продавец сказал, что, если мы хотим изничтожить паразитов, необходимо опрыскивать специальным спреем газон, и Дженни купила этот пестицид, как и специальную расческу для вычесывания блошиных яиц.

Я заглянул в сумку поглубже и вынул чек.

– Дорогая, за эти деньги мы могли бы нанять самолет для распыления пестицидов.

Но моей жене было все равно. Она снова вошла в роль убийцы, но на этот раз чтобы защитить своих любимых, и ее намерения были абсолютно серьезны. Она полностью погрузилась в процесс отмщения. Дженни помыла Марли в тазике для стирки, используя специальное мыло, затем развела раствор, по моим наблюдениям содержащий тот же химикат, что и инсектицид для газонов, и полила им Марли, не пропустив ни миллиметра его туловища. Пока он сох в гараже и благоухал, как маленький химический завод корпора-

ции Dow Chemical, Дженни ожесточенно пылесосила полы, стены, ковры, занавески, обивку. Затем она опрыскала убийственным для насекомых спреем всю мебель и дом изнутри, а я снаружи.

– Думаешь, мы их изничтожили? – спросил я, когда мы закончили.

– Думаю, да, – решительно сказала Дженни.

Наша совместная атака на блошиный народец, проживающий по адресу Черчилль-роуд, дом 345, имела полный успех. Каждый день мы проверяли Марли, перебирая шерсть у него между подушечками лап, под хвостом, ушами, на животе и вообще везде, куда могли дотянуться, и не видели ни одной блохи. Мы проверили ковры, кушетки, шторы, траву – ничего. Мы полностью уничтожили врага.

ГЛАВА 5

Тест на беременность

Несколько недель спустя мы лежали в кровати и читали как вдруг Дженни закрыла книгу и сказала: – Возможно, это ничего и не значит.

– Что ничего не значит? – рассеянно спросил я, не отрываясь от книги.

– У меня задержка.

Она знала, чем привлечь мое внимание.

– Задержка? Серьезно? – я повернулся к ней.

– Да, такое происходит время от времени. Но у меня уже неделю ничего нет. К тому же, я чувствую себя странно.

– Как странно?

– Похоже на расстройство желудка или что-то вроде того. На днях за ужином я выпила всего один глоток вина, но мне показалось, что меня вывернет наружу.

– На тебя это не похоже.

– При одной только мысли об алкоголе меня начинает тошнить. Я не собирался говорить об этом, но в последнее время она и впрямь стала какая-то капризная.

– Ты думаешь, что... – начал я.

– Я ничего не думаю, – сердито ответила она. – А ты?

– А мне-то откуда знать?

– Я ничего не говорила, – оборвала Дженни. – Я обмолвилась на всякий случай, чтобы ты был в курсе. Не хочу сглазить.

В этот момент я понял, насколько для нее, да и для меня тоже, все это было важно. Родительские чувства незаметно подкрались к нам, и теперь мы были готовы к появлению ребенка. Еще долго мы лежали рядом и молчали, разглядывая потолок.

– Так мы никогда не заснем, – наконец сказал я.

– Неопределенность меня убивает, – призналась она.

– Одевайся, пошли. Съездим в аптеку, купим тест на беременность.

Мы быстро влезли в шорты, натянули футболки и вышли из дома. Марли прыгал перед нами, радуясь перспективе совершить ночную вылазку на машине. Он резвился вокруг нашей маленькой «тойоты», подпрыгивая вверх-вниз, отряхиваясь, пуская слюни и пыхтя, вне себя от предвкушения торжественного момента, когда я распахну заднюю дверь авто.

– Вот это да, можно подумать, это ты счастливый отец, – засмеялся я.

Когда я, наконец, открыл дверь, он прыгнул на заднее сиденье так стремительно, что пролетел до самого окна, не касаясь обивки сиденья, и стукнулся головой о стекло машины, но, кажется, не ушибся.

Аптека была открыта до полуночи, и мы с Марли сидели в машине, ожидая Дженни. Есть целый список вещей, кото-

рые мужчины просто не имеют права покупать, и тесты на беременность, без сомнения, относятся к их числу. Пес возился на заднем сиденье, поскуливая и не отрывая взгляда от двери аптеки. Натура у него была такая, что, волнуясь (а нервничал Марли практически всегда, когда не спал), он начинал пыхтеть и исходить слюной.

– Ну, успокойся, ради бога! – сказал я. – Что, по-твоему, она сделает? Убежит от нас через черный ход?

Вместо ответа пес встряхнулся, окатив меня капельками слюны и осыпав шерстью. Мы привыкли к автомобильному «этикету» Марли, поэтому постоянно держали на переднем сиденье полотенце, чтобы в экстренном случае я мог вытереться сам и протереть стекла и обивку сидений.

– Держись, приятель, – сочувственно посоветовал я псу. – Уверен, она сейчас вернется.

Через пять минут Дженни действительно вернулась с маленьким пакетом в руках. Как только мы отъехали с автостоянки, Марли вклинил свои плечи между ковшеобразными сиденьями нашего маленького хэтчбэка, балансируя передними лапами на консоли и тыкая носом в зеркало заднего вида. На поворотах он падал, ударяясь грудью о ручник, но после каждого падения, беззаботный и еще более счастливый, чем когда-либо, снова взбирался на свой насест.

Через несколько минут мы уже были в ванной комнате у себя дома и раскладывали оборудование стоимостью \$ 8,99 на краю раковины. Я прочел инструкцию вслух.

– Отлично, – сказал я. – Здесь сказано, что тест определяет беременность с точностью до 99 %. Сначала тебе нужно пописать в этот стаканчик.

Далее следовало погрузить тонкую пластиковую тест-полоску в мочу, а затем в маленький пузырек с раствором, входивший в комплект.

– Пять минут в стаканчике с мочой, – продолжал я руководить процессом, – и 15 минут в растворе. Если полоска посинеет, то ты на самом деле залетела, малышка!

Мы подождали первые пять минут. Потом Дженни опустила полоску во второй раствор и сказала:

– Нет, я не могу на это смотреть.

Мы пошли в гостиную и немного поговорили, оба делая вид, что ожидаем чего-то столь же малозначимого, как, например, закипание воды в чайнике.

– Ну, как там наши дельфины? – попытался я пошутить, хотя У меня засосало под ложечкой, а сердце колотилось так, будто хотело выскочить из груди. Если результат будет положительным – опа, наша жизнь изменится раз и навсегда! Если же он будет отрицательным, это подкосит Дженни, и – до меня только начало доходить – пожалуй, и меня тоже. В общем, звонка таймера мы ждали целую вечность.

– Ну вот, наконец-то, – сказал я. – Что бы там ни было, ты знаешь, я люблю тебя.

Я зашел в ванную и вынул полоску из пузырька. Она была синей, в этом не было ни малейших сомнений. Такой же си-

ней, как океанские глубины и униформа британских моряков. Именно синей, и никакой другой.

– Поздравляю, дорогая! – сказал я.

– О боже, – произнесла она, бросаясь ко мне в объятия. Мы стояли около раковины с закрытыми глазами и обнимались.

Вдруг я почувствовал, что кто-то трется о наши ноги. Я посмотрел вниз и увидел Марли, ерзающего, трясущего головой, бьющего хвостом о дверь бельевого шкафчика так сильно, что только чудом на ней не оставались вмятины. Когда я наклонился к нему, чтобы погладить, он отскочил. Ой-ой. Это была «мамба Марли», которая могла значить только одно.

– Ну, что у тебя там на сей раз? – начал я свою охоту. Он вприпрыжку убежал от меня в комнату. Когда же я окончательно загнал его в угол и разомкнул челюсти, то сначала ничего не заметил. А потом у основания языка, у самого горла я заметил нечто, готовое уже соскользнуть вниз. Тонкое, длинное, плоское. Синее, как океанские глубины. Я просунул руку в пасть Марли и достал наш положительный тест на беременность.

– Вынужден тебя разочаровать, приятель, – твердо сказал я, – но эта полоска потребуется нам для семейного альбома.

Мы с Дженни рассмеялись, и этот смех не прекращался еще долго. Мы здорово повеселились, пытаюсь угадать, что подвигло его стащить полоску. *«Гмм, если я уничтожусь ули-*

ки, они наверняка забудут об этой маленькой неприятности, и мне не придется делить мой дом еще с одним человеком».

Затем Дженни взяла Марли за передние лапы, так что он поднялся на задние, и закружилась с ним в танце по комнате. «Ты станешь дядей», – радостно напевала она, и Марли ответил ей своим фирменным способом: он раскрыл пасть и лизнул ее большим мокрым языком прямо в губы.

На следующий день Дженни позвонила мне на работу, и ее голос звенел от радости. Она только что вернулась от врача, который официально подтвердил результаты нашего домашнего теста.

– Он сказал, что все в порядке, – прошебетала она. Накануне ночью мы изучали календарь, пытаясь вычислить дату зачатия. Дженни побаивалась, что несколько недель назад, когда мы буквально в истерике уничтожали блох, она уже была беременна. А в таком положении взаимодействие с пестицидами не могло хорошо сказаться на ее здоровье, не так ли? Она задала этот вопрос доктору, но тот ответил, что волноваться не о чем. Просто не надо больше использовать химикаты. Врач выписал витамины для беременных и велел через три недели прийти на УЗИ, которое позволит нам впервые увидеть крошечного зародыша, выраставшего в животе Дженни.

– Он хочет, чтобы мы непременно сняли это на камеру, – сообщила она, – потом останется на память.

Я сделал соответствующую пометку в ежедневнике.

ГЛАВА 6

Дела сердечные

Жители Южной Флориды скажут вам, что в этом регионе есть все четыре времени года. Похожие друг на друга, конечно, признаются они, но все же разные. Не верьте им. На самом деле времен года здесь только два: одно из них теплое и сухое, другое – жаркое и влажное, причем переходного периода между ними практически нет. Так вот, когда в очередной раз неожиданно началась тропическая жара, в один прекрасный день мы поняли: наш щенок больше не щенок. Так же стремительно, как зима перешла в лето, Марли превратился в неуклюжего молодого пса. Уже в пять месяцев он вырос настолько, что все мешковатые морщинки на его казавшейся слишком большой шкуре разгладились. Его несоразмерно большие лапы перестали быть столь комично непропорциональными. Его острые, как иголки, детские зубки превратились в грозные клыки. Несколько движений челюстями – и Марли мог запросто уничтожить пластиковый диск фризби или новую кожаную туфлю. Тембр его лая стал глубже и напоминал устрашающий рокот. Когда он становился на задние лапы, переступая, словно танцующий медведь в русском цирке, что случалось часто, он мог спокойно положить передние лапы мне на плечи и посмотреть прямо в глаза.

Ветеринар, когда впервые увидел Марли, присвистнул и сказал: – Вы взяли отличного пса!

Так оно и было. Марли вырос, стал красивым представителем своей породы, и я чувствовал себя обязанным довести до сведения сомневающейся мисс Дженни, что наш пес оказался достойным официального имени, придуманного мною. Имя Великолепный Марли Черчилльский, собственность Грогэнов, проживающий на Черчилльроуд, прекрасно передавало все великолепие оригинала, по крайней мере, когда он прекращал играть с собственным хвостом. Временами, когда Марли удавалось потратить всю свою энергию до последней капли, он ложился на персидский ковер в гостиной, греясь в лучах солнца, проникавших сквозь жалюзи. В этот момент пес напоминал нам египетского сфинкса: поднятая голова, нос блестит, лапы скрещены.

Мы были не единственными, кто заметил происшедшие с Марли изменения. Видя, как незнакомцы уступают ему дорогу, как отскакивают, когда он бежит мимо, мы поняли, что люди перестали принимать его за безобидного щенка. Марли стал грозой чужаков.

В нашей парадной двери было маленькое вытянутое окно (10x20 см), расположенное на уровне глаз. Поскольку Марли обожал компании, то, как только раздавался звонок в дверь, он, как ураган, несся через весь дом в прихожую. Его заносило на деревянном полу, он сбивал ковер и скользил, не останавливаясь, пока не врезался с громким глухим стуком

в дверь. Затем он вставал на задние лапы, начинал громко лаять и заполнял своей огромной головой все окошко, чтобы посмотреть в лицо тому, кто находился по другую сторону двери. Марли, видимо, считал себя членом организации Welcome Wagon, представители которой обычно приветствуют вновь прибывших и дарят им сувениры, и для него встречи с незнакомцами, без сомнения, были радостным событием. Но коммивояжерам, почтальонам, да и всем гостям, не знакомым с Марли лично, казалось, что это сенбернар Куджо спрыгнул со страниц одноименного романа Стивена Kinga, и теперь лишь входная деревянная дверь отделяла их от встречи с беспощадной тварью. Уже не один посетитель, позвонив в нашу дверь и неожиданно увидев перед собой огромную морду лаявшего Марли, в ужасе ретировался на середину подъездной дорожки, где и ожидал появления хозяев.

Однако, как говорится, нет худа без добра.

Как сказали бы градостроители, социальный состав нашего района постоянно менялся. Он был застроен в 1940-1950-х гг. Здесь поселились пенсионеры, а многие дома были куплены жителями северных штатов, приезжавшими на лето. По мере того как старые владельцы умирали, район заселялся неоднородной в социальном отношении группой арендаторов и семейных выходцев из рабочей среды. Когда мы переехали сюда, здесь опять шел процесс внутренней миграции. На этот раз сюда начали перебираться геи, художники, молодые специалисты. Их привлекали близость к побережью и

красивая местная архитектура в стиле ар деко.

Наш район располагался между прямой как стрела автострадой Саут-Дикси и шикарными поместьями на побережье. На самом деле, автострада Дикси – это часть самого длинного на востоке США шоссе US1. Дикси-хайвэй (пятиполосное шоссе с блестящим на солнце асфальтом) идет вдоль восточного побережья Флориды. До строительства федеральной автотрассы № 95 она служила главной дорогой на Майами. Вдоль трассы располагались заправки, прилавки с фруктами, сомнительного вида магазины оптовой торговли и просто убогие дешевые магазинчики, а также закусочные и старые семейные мотели.

На четырех перекрестках шоссе Саут-Дикси и Черчилль-роуд находились: винный магазин, удобный круглосуточный супермаркет, магазин импортных товаров (с тяжелыми решетками на окнах), прачечная-автомат под открытым небом, где всю ночь околачивались местные забулдыги, оставляя после себя пустые бутылки в пакетах для завтрака. Наш дом располагался в середине квартала, в восьми домах от центра.

Соседи казались нам порядочными людьми, но среди них, видимо, были перворазрядные подонки. Оставленные в саду инструменты иногда исчезали. Во время одного из редких в этих местах похолоданий кто-то стащил все поленья для растопки, которые я аккуратно сложил возле дома. А однажды в воскресенье мы завтракали в нашем любимом ресторанчике,

сидя на своем обычном месте, возле окна на улице, и вдруг Дженни, указав на пулевое отверстие в стекле прямо у нас над головами, сухо сказала:

– Когда мы здесь были последний раз, этого точно не было.

Как-то утром я выезжал из квартала на работу и вдруг заметил, что в придорожной канаве лежит человек с окровавленными руками и лицом. Я остановил автомобиль и бросился к нему: мне показалось, что его сбilo машиной. Однако, когда я присел рядом, в ноздри мне ударил сильный запах перегара и мочи, а как только человек заговорил, стало ясно: это обычный пьяница. Я вызвал «скорую», подождал, пока она приехала, но «пострадавший» отказался от помощи. Нам с санитарями только и осталось смотреть, как он, пошатываясь, бредет к винному магазину.

Еще один случай. Однажды ночью в дверь позвонил человек с выражением отчаяния на лице и сказал, что он был в гостях в соседнем квартале и у него кончился бензин. Могу ли я одолжить ему пять долларов? Он непременно вернет их завтра утром. *Конечно, ты вернешь их, дружище*, подумал я и предложил вызвать полицию. Человек что-то промямлил и исчез.

Но больше всего нас тревожила история, связанная с маленьким домиком наискосок от нашего: за несколько месяцев до того как мы переехали, там произошло убийство, причем не обычная бытовуха, а жестокое преступление, о кото-

ром передавали во всех выпусках новостей. До переезда мы были наслышаны об этом, но не знали, где произошло убийство. Оказалось, мы поселились прямо напротив места преступления.

Жертвой стала вышедшая на пенсию школьная учительница по имени Рут Энн Недермайер, которая одной из первых обосновалась в квартале и жила одна. После операции на шейке бедра она наняла сиделку, чтобы та ухаживала за ней, и это решение стало роковым. Сиделка, как позже установила полиция, воровала чеки миссис Недермайер из чековой книжки и подделывала ее подпись.

Старая женщина была слаба физически, но сохранила ясный ум, поэтому она не замедлила поинтересоваться у сиделки судьбой пропавших чеков и непонятными отчислениями с ее банковского счета. Запаниковавшая преступница забила дубинкой бедную женщину до смерти, а потом позволила приятелю, который привез бензопилу и помог расчленить тело жертвы в ванной. Вместе они упаковали останки в большой чемодан, смыли кровь и были таковы.

Как позже рассказывали нам соседи, несколько дней исчезновение миссис Недермайер оставалось загадкой. Тайна была раскрыта, когда некий гражданин сообщил полиции об ужасном зловонии в его гараже. Домовладелец признался, что его собственная дочь попросила там оставить чемодан с ужасным содержимым.

Несмотря на то что ужасное убийство миссис Недермайер

являлось самым обсуждаемым событием в истории нашего квартала, никто даже не обмолвился о нем, когда мы готовились купить дом. Ни риелтор, ни домовладельцы, ни инспектор, ни оценщик. А на первой же неделе после нашего переезда к нам в гости пришли соседи с печеньем и запеканкой и все рассказали. Ночью мы лежали в кровати и представляли себе, что всего в трехстах метрах от окна нашей спальни беззащитная вдова была разрезана на кусочки. Мы твердили себе: это всего лишь внутрисемейный конфликт и подобное никогда не случится с нами, но тем не менее не могли не думать о происшедшем, когда проходили мимо того дома или когда глядели на него из окна.

Так или иначе, но, имея в своем распоряжении Марли и наблюдая, с какой опаской незнакомцы оглядывали его, мы обрели душевное равновесие, какое в ином случае могли бы и не найти. Он был большим, любящим, туповатым псом, защитной стратегией которого, без сомнения, было зализывание незваных гостей до смерти. Но бродяги и грабители об этом не догадывались. Для них Марли был огромным, мощным, непредсказуемым, сумасшедшим. И нас это вполне устраивало.

Беременность пошла Дженни на пользу. Она начала рано вставать, чтобы сделать зарядку и выгулять Марли. Она готовила полезные, здоровые блюда из свежих фруктов и овощей. Она дала зарок не употреблять кофеин и диетическую содовую, а также, конечно, алкоголь в любом виде и даже не

разрешала мне добавить столовую ложку шерри в кофейник.

Мы пообещали друг другу держать беременность в тайне, пока не убедимся в том, что зародыш жизнеспособен и риска выкидыша нет, но никому из нас не удалось хранить молчание. Мы были так взволнованы, что сообщали новость одному доверенному лицу за другим, заклиная каждого молчать, пока наш секрет не перестал быть секретом. Сначала мы сказали родителям, потом братьям и сестрам, потом самым близким друзьям, потом коллегам, потом соседям. На одиннадцатой неделе животик Дженни стал понемногу округляться. Мечта принимала реальные очертания, так почему же было не поделиться нашей радостью с миром? К тому времени, когда подошел срок пройти обследование и сделать УЗИ, мы, если бы представилась такая возможность, были готовы вывесить объявление: Джон и Дженни ждут ребенка.

В то утро, когда нам нужно было ехать к врачу, я отпра- сился с работы и, как проинструктировал нас доктор, захва- тил чистую кассету, чтобы мы могли сделать для истории первые, пусть и нечеткие снимки нашего ребенка. Прием имел целью не только осмотр, но и консультацию. Акушер- ка должна была ответить на все вопросы, обмерить живот Дженни, послушать, как бьется сердце ребенка, и, конечно, показать нам крошечное существо, что жило внутри моей жены.

Мы приехали в девять утра, все в предвкушении. Акушер-

ка, спокойная женщина средних лет с британским акцентом, провела нас в маленькую смотровую и сразу же спросила:

– Хотите услышать, как бьется сердце вашего ребенка?

Как же иначе, ответили мы. Мы внимательно прислушивались, пока она водила по животу Дженни чем-то вроде микрофона, подсоединенного к динамикам. Мы сидели с застывшими на лицах улыбками, напряженно пытались услышать сердцебиение малыша, но в динамиках раздавался лишь непонятный шум.

Акушерка сказала, что в этом нет ничего необычного.

– Все зависит от положения плода. Иногда вообще нельзя ничего услышать. А возможно, еще слишком рано. – Она предложила сразу перейти к аппарату УЗИ. – Давайте посмотрим на вашего малыша, – бодро предложила она.

– Наш первый взгляд на младенца Гроги, – подхватила сияющая Дженни, поворачиваясь ко мне.

Акушерка провела нас в кабинет УЗИ и велела Дженни лечь на кушетку, рядом с которой был расположен монитор.

– Я принес пленку, – сказал я, помахав кассетой.

– Пусть пока она побудет у вас, – ответила акушерка, подняла блузку Дженни и начала исследовать ее живот инструментом, по форме и размеру напоминающим хоккейную шайбу. Мы уставились на экран компьютера с непонятным бесцветным изображением.

– Хмм, этот, кажется, ничего не улавливает, – сказала акушерка абсолютно бесстрастным голосом. – Попробуем ваги-

нальное УЗИ, так вы узнаете гораздо больше подробностей.

Она вышла из кабинета и вернулась через несколько минут с другой медсестрой, высокой крашеной блондинкой с монограммами на ногтях. Медсестру звали Эсси. Она попросила Дженни снять трусики и ввела датчик с надетым на него презервативом в ее влагалище. Акушерка оказалась права: изображение было куда более четким. Она навела фокус на то, что напоминало крошечный темный мешочек на бесцветном фоне, и одним щелчком мыши увеличила его, потом еще раз и еще. Однако, несмотря на все старания, мешочек казался нам пустым и бесформенным. Где маленькие ручки и ножки, которые должны быть к десятой неделе, по утверждениям авторов книг для беременных? Где крошечная головка? Где бьющееся сердце? Дженни изо всех сил вытягивала шею, чтобы увидеть изображение на экране. Она все еще надеялась и спрашивала, изнывая от нетерпения и изредка нервно посмеиваясь:

– Ну, что там?

Мне хватило одного взгляда на лицо Эсси, чтобы понять, что ответ был не тем, который мы хотели услышать. Внезапно я понял, почему она ничего не говорила, пока увеличивала изображение. Она ответила Дженни ровным голосом:

– Не совсем то, что вы ожидали увидеть к десяти неделям.

Я положил руку на колено Дженни. Мы оба продолжали всматриваться в комочек на экране, будто могли вернуть его к жизни.

– Дженни, я думаю, есть проблема, – продолжала Эсси. – Сейчас я позову доктора Шермана.

Пока мы сидели в тишине, я понял, что имеют в виду люди, когда рассказывают о том, как у них перед обмороком в глазах начинают плыть черные точки. Я чувствовал, как кровь отливает от щек и как звенит в ушах. *Если я не сяду, подумалось мне, я упаду.* Насколько ужасно это будет выглядеть? Моя сильная жена, стойчески перенесшая неприятное известие, и ее муж, лежащий без сознания на полу, в то время как медсестры пытаются вернуть его к жизни с помощью нашатыря? Я присел на край кушетки, одной рукой взяв Дженни за руку, а другой глядя ее по шее. Глаза жены были полны слез, но она не плакала.

Доктор Шерман, высокий мужчина с запоминающейся внешностью, несколько резковатый, но в то же время приветливый, подтвердил, что зародыш мертв.

– Сомнений быть не может, мы бы обязательно услышали сердцебиение. – Он тактично пересказал нам то, что мы уже знали из прочитанных книг. Что одна из шести беременностей оканчивается выкидышем. Что таким образом природа отсеивает слабых, отсталых, с серьезными нарушениями. Видимо, помня, как сильно беспокоилась Дженни относительно спреев от блох, он добавил, что мы ни в чем не виноваты. Он дотронулся рукой до щеки Дженни, наклонился, будто хотел поцеловать ее, и сказал:

– Мне очень жаль. Вы сможете повторить попытку через

пару месяцев.

Мы с Дженни молчали. Чистая кассета вдруг оказалась совершенно ненужной. Было очень больно смотреть на нее и вспоминать о нашем слепом наивном оптимизме. Я спросил у врача:

– Что нам теперь делать?

– Нужно удалить плаценту, – сказал он. – Сто лет назад вы бы и не узнали, что у вас выкидыш, пока не началось бы кровотечение.

Он предложил нам переждать выходные и вернуться в понедельник на операцию, во многом напоминающую аборт, при которой зародыш и плацента удаляются из матки. Но Дженни хотела поскорее забыть обо всем этом, как о кошмарном сне, да и я тоже.

– Чем скорее, тем лучше, – сказала она.

– Хорошо, – согласился доктор Шерман, ввел Дженни специальный препарат и скрылся. Мы услышали, как он, пройдя по коридору, зашел в соседнюю смотровую и принялся шумно поздравлять будущую маму, добродушно подшучивая над ней.

Оставшись одни, мы с Дженни крепко обняли друг друга и сидели так, пока не раздался легкий стук в дверь. Вошла пожилая женщина с пачкой бумаг.

– Мне очень жаль, дорогая, – посочувствовала она Дженни. – Мне так жаль. – Она показала документ, который нужно было подписать: расписку, что клиент ознакомлен с рис-

ками, с которыми сопряжена операция.

Когда доктор Шерман вернулся, он развил бурную деятельность. Он ввел Дженни сначала валиум, потом промедол, и операция прошла быстро, хотя, может, и не совсем безболезненно. По крайней мере, у меня было такое впечатление, что лекарства начали действовать уже после окончания операции. Все было позади, а Дженни лежала почти без сознания.

– Смотрите только, чтобы она не переставала дышать, – сказал доктор, выходя из кабинета. Я не поверил своим ушам. Разве следить за тем, чтобы она не переставала дышать, не его работа?

В документе не говорилось: «Пациент в любой момент может перестать дышать из-за передозировки барбитуратов». Но я делал то, что мне велели. Я громко разговаривал, растирал жене руки, слегка похлопывал ее по щекам, твердил что-то вроде: «Эй, Дженни! Как меня зовут?» Но она умерла для мира.

Через несколько минут к нам заглянула Эсси. Бросив мимолетный взгляд на бледное лицо Дженни, она исчезла, но буквально через несколько секунд вбежала с мокрым полотенцем и нашатырем, который сунула Дженни под нос, и держала там, казалось, целую вечность, прежде чем та слабо шевельнулась. Я продолжал громко разговаривать с женой, приказывая дышать глубоко, чтобы воздух долетал до моей ладони. Ее кожа была мертвенно-бледного цвета. Я пошу-

пал пульс: 60 ударов в минуту. Я лихорадочно прикладывал мокрое полотенце к ее лбу, щекам, шее. Наконец Дженни пришла в себя, но было видно, что она очень слаба.

– Ты заставила меня поволноваться, – выдохнул я. Она безучастно посмотрела на меня, будто пытаюсь понять, почему это я из-за нее волновался, и снова отключилась.

Через полчаса медсестра помогла ей одеться, и мы поехали домой, получив следующие рекомендации: в течение двух недель Дженни нельзя принимать ванну, плавать, пользоваться тампонами, заниматься сексом.

В машине Дженни прислонилась к стеклу и уставилась в окно, храня безразличное молчание. Глаза у нее были красные, но она не плакала. Я напрасно искал слова утешения. Действительно, что я мог сказать? Мы потеряли нашего ребенка. Да, я мог убедить ее, что мы попытаемся еще раз. Я мог напомнить, что многие пары проходят через подобное. Но она не хотела ничего слышать, а я не хотел ей ничего говорить. Когда-нибудь мы сможем спокойно обсуждать происшедшее. Но не сегодня.

Я ехал домой по Флэглер-драйв, живописной дороге, которая идет вдоль побережья Вест-Палм-Бич с северной части города, где мы только что были у врача, к южной, где находился наш дом. Вода блестела на солнце, легкий ветерок покачивал листья пальм, синее небо было безоблачным. Это был прекрасный день, но не для нас. Мы оба хранили молчание.

Когда мы подъехали к дому, я помог Дженни выйти и уложил ее на диван. Затем я пошел в гараж, где Марли, как обычно, затаив дыхание, ждал нашего возвращения. Едва заведев меня, он быстро схватил свою игрушечную замшевую кость и гордо пронес ее через комнату, отстукивая хвостом ритм по стиральной машине, как палочкой по ксилофону. Он умолял меня попробовать отнять ее.

– Не сегодня, приятель, – сказал я, выпустив его через заднюю дверь во двор. Он долго мочился под мушмулой, а потом вбежал обратно, сделал глубокий глоток из своей миски, разбрызгал воду и буквально полетел по коридору в поисках Дженни. Я закрыл заднюю дверь, вытер шваброй воду, разлитую Марли, и последовал за ним в гостиную.

Войдя в комнату, я замер в изумлении. Я бы мог поставить свой недельный доход на то, что сцена, которую я наблюдал, невозможна. Наш несдержанный, всегда возбужденный пес стоял у ног Дженни, а его огромная голова лежала у нее на коленях. Хвост Марли неподвижно висел, и это было первый раз на моей памяти, когда он не вилял, если кто-то из нас его гладил. Собака смотрела на Дженни и тихонько скулила. Жена погладила Марли по голове несколько раз, а затем спрятала лицо в собачьей шерсти и горько, безудержно зарыдала.

Так они стояли долго: Марли, застывший, как изваяние, и Дженни, прижимающая его к себе, будто огромную игрушку. Я стоял в сторонке, чувствуя себя вуайеристом, подглядыв-

шим в замочную скважину интимный момент чужой жизни, и не знал, что мне делать. И тут Дженни, не поднимая лица, протянула мне руку. Я сел рядом с женой на диван и обнял ее. Общее горе объединило нас троих.

ГЛАВА 7

Хозяин и зверь

Утром на следующий день, в субботу, я проснулся на рас свете и увидел, что Дженни лежит на боку спиной ко мне и тихонько плачет. Морда Марли виднелась на матрасе – он не спал и, как мог, выражал сочувствие своей хозяйке. Я встал, приготовил кофе, выжал сок из апельсинов, принес газету, сделал тосты. Через несколько минут появилась Дженни в халате. Ее глаза были сухими, и она улыбнулась мне, будто хотела убедить, что теперь она в полном порядке.

Позавтракав, мы решили погулять и сводить Марли искупаться. Если идти к океану прямо от нашего дома, то вы не сможете выйти к воде из-за наваленных на берегу камней и длинного бетонного волнореза. Но уже через полдюжины домов к югу волнорез уходил в океан, открывая небольшой пляж с белым песком, заваленный прибитыми к берегу деревяшками, – идеальное место для резвой собаки. Когда мы дошли до этого пляжика, я отцепил поводок Марли и показал перед его носом палкой. Он смотрел на палку, словно голодающий на кусок хлеба, не сводя с нее глаз.

– Взять! – закричал я и швырнул палку так далеко, как только сумел. Марли одним эффектным прыжком преодолел бетонное ограждение, промчался по пляжу и бросился

на мелководе, взметая фонтаны брызг. Вот для чего рождены лабрадоры. Именно это заложено в их генах, и именно к этому их издавна приучали люди.

Никто не знает, где впервые появились лабрадоры, но одно известно наверняка: не на полуострове Лабрадор. Эти сильные собаки-пловцы с короткой шерстью впервые обь-явились в XVII веке в нескольких сотнях километров к югу от полуострова Лабрадор, на острове Ньюфаундленд. Согласно сообщениям современников, местные рыбаки, выходя в море в своих легких плоскодонках, брали с собой специально обученных собак, которые помогали им тянуть сети и лесы, а также ловить сорвавшуюся с крючка рыбу. Густая лоснящаяся шерсть этих собак была непроницаема для холодной воды, а умение хорошо плавать, неиссякаемая энергия и способность бережно держать рыбу в челюстях делали их идеальными помощниками в суровых условиях Северной Атлантики.

Как собаки очутились на Ньюфаундленде – загадка. Остров точно не был их родиной, но свидетельств того, что собак привезли с собой эскимосы, первые поселенцы на этой территории, тоже нет. Самая правдоподобная теория состоит в том, что предки лабрадоров были завезены на Ньюфаундленд рыбаками из Европы и Британии. Многие из них сходили на берег и начинали оседлую жизнь, создавая поселения. Порода, видимо, возникла в результате произвольного и вынужденного скрещивания между собой собак тех пер-

вых европейцев. Наверное, у лабрадоров и у более крупных и косматых ньюфаундлендов были общие предки.

Как бы то ни было, местные охотники вскоре приучили лабрадоров приносить подстреленную дичь. В 1662 году уроженец местечка Сент-Джон (Ньюфаундленд) У.Э. Кормэк совершил пешее путешествие по острову и отметил большое количество собак-пловцов, которые, как он писал, были «замечательно натренированы для охоты и... полезны во всех других сферах жизни». Английские аристократы, в конечном счете, обратили внимание на этих животных и в начале XIX века начали ввозить их к себе на родину для охоты на фазанов, куропаток и тетеревов.

Согласно данным американского Клуба заводчиков лабрадоров, впервые в США любители лабрадоров объединились в 1931 году. Главной целью нового общества было сохранение чистоты породы.

Само название «Лабрадор» возникло совершенно случайно. Сохранилось письмо третьего графа Малмсбери шестому герцогу Буклойху (1830-е гг.). Очевидно, плохо знающий географию граф хвастался своими отличными охотничьими собаками. «Мы всегда называем их лабрадорами», – писал словоохотливый Малмсбери, отмечая, что ему приходилось совершать длинные путешествия, чтобы приобрести представителей этой породы. С тех пор название не менялось, а порода оставалась «максимально чистой». Шли годы. Остальные собаководы в гораздо меньшей степени бла-

гоговели перед генетикой, свободно скрещивая лабрадоров с другими охотничьими собаками в надежде, что их лучшие качества дополнятся другими. Несмотря на все попытки изменений, гены лабрадоров оказались стойкими и порода сохранила свой первозданный облик, получив 7 июля 1903 года официальное признание от Лондонского клуба собаководов.

Б.У. Циссоу, энтузиаст и опытный собаковод, так писал о Клубе заводчиков лабрадоров США: «Американские охотники завезли этих собак из Англии и адаптировали их к жизни в новой стране. Сегодня, как и в прошлом, лабрадор, не задумываясь, прыгнет в ледяную воду в Миннесоте, чтобы принести подстреленную птицу; на жарком Юго-Востоке он способен целый день охотиться на голубей, и в качестве награды за хорошо выполненную работу ему будет вполне достаточно ласки хозяина».

Вот каково было прошлое лабрадоров, и Марли как породистый пес мог по праву им гордиться. Казалось, он унаследовал по меньшей мере половину древних инстинктов. Он мастерски преследовал добычу, жаль только, у него не укладывалось в голове, что с ней надо вернуться обратно. Казалось, ход его рассуждений был следующим: *если ты так хочешь получить палку обратно, ТЫ и должен прыгать за ней в воду.*

Итак, Марли вышел из воды на песок с палкой в зубах.

– Тащи сюда! – крикнул я, хлопнув в ладоши. – Давай,

мальш, принеси ее мне. – Он с важным видом отряхнулся, окатив меня водой и осыпав песком, и после этого, как ни странно, положил палку к моим ногам. Ого, подумал я, вот это да. Я оглянулся на Дженни, которая сидела на скамейке под деревом, и поднял вверх оба больших пальца. Но когда я нагнулся, чтобы поднять палку, Марли уже был наготове. Он быстро схватил ее и понесся по пляжу, выписывая сумасшедшие восьмерки. Во время одного из пируэтов он чуть не столкнулся со мной, поддразнивая и подстрекая броситься за ним в погоню. Я попытался поймать пса, но было ясно, что он имеет преимущество в скорости и маневренности.

– Ты же вроде лабрадор-охотник, а не лабрадор-бегун! – крикнул я ему.

Возможно, я не обладал такими мышцами, как Марли, но зато мои умственные способности были значительно лучше. Я схватил вторую палку и устроил с ней настоящий спектакль. Я поднимал ее над головой и перекидывал из одной ладони в другую, махал ею из стороны в сторону, стараясь, и не безуспешно, привлечь внимание Марли. И вдруг палка, которую он сжимал в пасти, всего мгновение назад самая желанная вещь на свете, потеряла для него всю свою привлекательность. Теперь он видел только мою палку. Он стал подкрадываться ко мне все ближе и ближе, пока расстояние между нами не сократилось до полуметра.

– Да, Марли, простофили рождаются каждый день, не так ли? – издевался я, потирая палкой его морду и наблюдая, как

собачьи глаза начинают косить, чтобы не упустить ее из виду.

Очевидно, шарики в его мозгу стали крутиться и он размышлял над тем, как захватить новую палку, не отдавая старой. Он обдумывал возможность быстрого прыжка за новой палкой, и его верхняя губа дрожала. Но я ухватился свободной рукой за конец палки, торчащей из пасти пса. Каждый из нас тянул ее к себе, при этом Марли еще и рычал. Я приложил вторую палку к его ноздрям.

– Ты же знаешь, что хочешь получить ее, – прошептал я. Это была чистая правда, и искушение становилось невыносимым. Я чувствовал, как его хватка ослабевает. И вот он разжал челюсти и попытался схватить вторую палку, не выпуская, однако, первой. Спустя мгновение я уже держал обе палки над головой. Марли с лаем подпрыгнул и повернулся в воздухе, очевидно, не понимая, почему столь тщательно продуманная боевая стратегия привела к плачевному результату.

– Вот поэтому я хозяин, а ты зверь, – объяснил ему я, на что он немедленно еще раз отряхнулся, вновь окатив меня водой и осыпав песком с ног до головы.

Я закинул одну из палок обратно в воду, и он ринулся за ней с громким лаем. Вышел Марли на берег уже другим, более мудрым противником. Теперь он вел себя осторожнее и опасался подходить ко мне близко. Он остановился примерно в десяти метрах от меня с палкой в зубах, не сводя глаз с нового объекта своих желаний, то есть своей первой палки,

которую я держал высоко над головой. По всей видимости, шарики в его мозгу снова закрутились. Он, наверное, думал: *«На этот раз я просто постою здесь и подожду, пока он ее бросит, и тогда у меня будут обе палки, а у него ни одной».*

– Ты меня совсем дураком считаешь, да, песик? – издевался я. Сильно размахнувшись, я с нарочито громким криком сделал движение рукой, как будто бы я бросаю свою палку. Думаете, Марли это понял? Поддавшись на мою уловку, пес с шумом плюхнулся в воду, не выпуская из зубов прежней добычи и проплыл чуть ли не полпути до Палм-Бич, прежде чем сообразил, что палка все еще у меня.

– Хватит издеваться над бедным животным! – крикнула Дженни со скамейки, и, обернувшись, я увидел, что она хочет.

Когда Марли наконец-то снова добрался до суши, он рухнул на песок, измученный, но без желания расставаться с тем, что по-прежнему держал в пасти. Я показал ему свою палку, как бы напоминая, насколько она ценнее, чем его.

– Фу, брось! – скомандовал я и поднял палку, будто собираясь опять запустить ее в воздух. Мой пес-дурачок снова вскочил и бросился к воде.

– Фу, брось! – повторил я, когда он вернулся.

Так повторялось несколько раз, и, в конечном счете, он выполнил команду. И в то мгновение, когда его палка оказалась на песке, я бросил ему ту, что была у меня в руках. Мы проделывали упражнение снова и снова, и с каждым разом

Марли вроде бы все лучше улавливал суть. Урок постепенно начал откладываться в его здоровенной черепушке. Если он отдавал мне свою палку, я бросал ему другую.

– Это как обмен подарками в офисе, – учил я его. – Чтобы получить, надо научиться отдавать.

Он подпрыгнул и коснулся своей измазанной в песке пастью моего лица. Я принял этот жест как знак того, что урок выучен.

Пока мы с Дженни шли домой, измученный Марли ни разу не натянул поводок. Я весь светился от гордости за свое достижение. Неделями мы с Дженни пытались обучить пса основным правилам поведения и манерам, но прогресс был просто ничтожным. Будто бы мы пытались научить дикого жеребца пить чай из изящного фарфорового сервиза. Бывали дни, когда я чувствовал себя родителем ребенка-инвалида. Я все вспоминал Святого Шона и то, как я, десятилетний мальчишка, успешно обучил его всему необходимому для воспитанной собаки. Мне просто становилось интересно, неужели я сейчас делаю что-то не так.

Но наше небольшое упражнение с палкой подало проблеск надежды.

– Знаешь, – сказал я Дженни, – кажется, до него начинает доходить.

Она посмотрела на пса, устало бредущего рядом. Он был мокрый и весь в песке. Из пасти капала слюна, а палка, добытая тяжелым трудом, все еще была зажата в зубах.

– Я не очень уверена в этом, – сказала она.

На следующее утро я снова проснулся до рассвета от всхлипываний Дженни.

– Эй, – сказал я, обнимая ее. Она прижала лицо к моей груди, и я почувствовал, как моя футболка намокает от ее слез.

– Я в порядке, – выдавила она. – Правда. Только... В общем, ты знаешь.

Конечно, я знал. Я старался держаться бодро, но и у меня было то же тяжелое ощущение потери и неудачи. Странно. Менее чем 48 часов назад мы были переполнены радостью, ожидали ребенка, а теперь все повернулось так, будто бы никакой беременности вообще не было. словно все это время мы спали и видели сон, а сейчас с трудом просыпаемся.

Чуть позже в тот день я вместе с Марли поехал за продуктами и лекарствами для Дженни. По пути обратно я остановился у цветочного магазина и купил огромный красивый букет весенних цветов, надеясь, что это поднимет настроение Дженни. Чтобы букет не рассыпался по дороге, я закрепил его ремнем безопасности на заднем сиденье возле Марли. Когда мы проезжали мимо зоомагазина, я подумал, что пес тоже заслужил поощрения. В конце концов, он лучше меня сумел успокоить безутешную женщину.

– Будь хорошим мальчиком, я сейчас вернусь.

И я побежал в магазин, чтобы купить ему большую игрушечную косточку из замши.

Спустя несколько минут мы вернулись домой. Дженни вышла встретить нас, и Марли выскочил из машины, чтобы поприветствовать хозяйку.

– У нас для тебя маленький сюрприз, – сказал я, но на заднем сиденье, где были цветы, сюрприз ожидал скорее меня.

Когда я покупал букет, он состоял из белых маргариток, желтых хризантем, отборных лилий и ярко-красных гвоздик. Однако теперь гвоздики куда-то исчезли. Приглядевшись, я заметил обезглавленные стебли, на которых несколько мгновений назад красовались цветки. В остальном букет остался в первозданном виде. Я пристально посмотрел на Марли: он кружился, будто танцевал под зажигательную мелодию.

– А ну, иди сюда! – заорал я, и началась погоня.

Когда я, наконец, изловил пса и разжал челюсти, то обнаружил там неопровержимое доказательство его вины. Глубоко в огромной пасти, застрявшая в зубах, словно кусок жевательного табака, виднелась одинокая красная гвоздика. Остальные, предположительно, уже соскользнули в шлюз. Я был готов прибить Марли на месте.

Я взглянул на Дженни и увидел, что по ее щекам струятся слезы, на сей раз от смеха. Даже если бы я привел уличного музыканта и сам бы спел с ним серенаду для жены, она бы не позабавилась больше, чем сейчас. Мне оставалось лишь тоже расхохотаться.

– Ох уж этот пес! – пробормотал я.

– Да мне все равно гвоздики никогда не нравились, – сказала Дженни.

А Марли так обрадовался тому, что все счастливы и снова смеются, что подпрыгнул на задних лапах и станцевал нам настоящий брейк.

* * *

На следующее утро меня разбудило яркое солнце, светившее в комнату сквозь ветви бразильского перечного дерева. Я посмотрел на часы: было около восьми. Моя жена мирно спала, дыхание ее было размеренным. Красивая грудь спокойно вздымалась и опускалась. Я поцеловал волосы Дженни, обнял ее за талию и снова задремал.

ГЛАВА 8

Битва решений

Марли еще не исполнилось полгода, как мы записали его на курсы дрессировки. Видит Бог, они ему были необходимы. Не считая успеха с палками в тот день на пляже, он показывал себя глупым, нерадивым учеником. Безудержная энергия заставляла его постоянно отвлекаться. Мы начали понимать, что наш пес не похож на остальных собак. Как высказался мой отец после того, как Марли попытался вступить в брачные отношения с его коленкой: «Эта собака совершенно помешанная». Требовалась помощь профессионалов.

Наш ветеринар рассказал нам о местной частной школе дрессировки собак, занятия которой проходили каждый вторник вечером на автостоянке позади учебного манежа. Уроки базовой дрессировки вели добровольцы из клуба, опытные любители, которые, вероятно, уже сделали своих собак образцом цивилизованного поведения. Курс включал в себя восемь занятий и стоил 50\$, что мы считали очень выгодным предложением, особенно учитывая то, что Марли мог отгрызть кусок аналогичной стоимости от новых туфель за тридцать секунд. К тому же клуб практически гарантировал, что после окончания курса мы уйдем домой с новой Лэсси. Записываясь на занятия, мы познакомились с жен-

щиной, которая набирала нашу группу. Суровый, серьезный инструктор, она придерживалась мнения, что не существует безнадежных собак, есть только безвольные и бесталанные хозяева.

Первый урок, казалось, подтвердил ее правоту. Пока мы вылезали из машины, Марли заметил, что на площадке собираются другие собаки и их хозяева. Вечеринка! Он перепрыгнул через нас, освободившись от опеки, и вот уже поводок летел за ним, стелясь по земле. Он кидался от одной собаки к другой, обнюхивая их под хвостом, метил территорию, обильно брызгался слюной. Для Марли это был праздник запахов – так много хвостов и так мало времени – поэтому он пользовался моментом, в то же время следя за тем, чтобы находиться на безопасном расстоянии от меня. Как только я почти догонял его, он удирал на несколько метров вперед. Наконец я подобрался на нужное расстояние и совершил длинный прыжок, приземлившись обеими подошвами на конец поводка. Это заставило его так резко остановиться, что на мгновение мне показалось: я сломал ему шею. Он дернулся назад, упал на спину, подрыгался и посмотрел на меня с блаженным выражением лица наркомана, который только что получил свою дозу.

Тем временем инструктор наблюдала за нами взглядом, который не был бы более выразительным и испепеляющим, даже если бы я решил сбросить одежду и станцевать голым прямо здесь, на асфальте.

– Займите свое место, пожалуйста, – резко скомандовала она, но, увидев, что мы с Дженни вместе отгаскиваем Марли на место, добавила, – вам нужно решить, кто будет тренером.

Я начал было объяснить, что мы оба хотели бы участвовать в процессе, чтобы каждый из нас мог работать с Марли дома, но инструктор оборвала меня.

– Собака, – сказала она решительно, – может подчиняться только одному хозяину.

Я попытался возразить, но она заставила меня замолчать одним своим взглядом, который, как мне кажется, она применяла, чтобы запугать собак и заставить их подчиняться. Потерпев поражение, я понуро побрел в сторону, оставив госпожу Дженни за хозяйку.

В этом, наверное, и заключалась ошибка. К тому времени Марли уже стал значительно сильнее, чем Дженни, и он знал это. Инструктор мисс Строгий Взгляд успела произнести лишь несколько фраз из своего вступительного слова о важности полного контроля над поведением наших питомцев, как Марли решил, что самка пуделя на противоположной стороне площадки заслуживает более пристального внимания. Он ринулся вперед, взяв Дженни на буксир.

Все остальные собаки мирно сидели возле своих хозяев на расстоянии около трех метров друг от друга, ожидая дальнейших указаний. А Дженни доблестно боролась с Марли, пытаясь упереться ногами и остановить его. Пес, однако, беспрепятственно бежал по автостоянке, волоча за собой мою

жену, безудержный в своем стремлении понюхать зад самки пуделя. Дженни очень напоминала спортсменку на водных лыжах, которую тянет за собой катер. Все глазели на нее. Некоторые давились от смеха. Я закрыл глаза.

Марли был не из тех, кто соблюдает формальности. Он буквально врезался в самку пуделя и сразу же втиснул нос между ее лап. Как я понял, это был обычный для кобеля способ поинтересоваться: «И что, Вы часто здесь бываете?»

Дженни удалось оттащить его на место только после того, как Марли завершил гинекологическое обследование пуделихи. Мисс Строгий Взгляд спокойно произнесла:

– Группа, вот вам пример пса, которому позволили думать, что он вожак стаи. Сейчас он при исполнении обязанностей.

И словно чтобы подтвердить это высказывание, Марли атаковал свой хвост, бешено завертелся, лязгая челюстями в воздухе, попутно закручивая поводок вокруг лодыжек Дженни, пока не зафиксировал ее в неподвижном положении. Мне оставалось только переживать и благодарить небо за то, что на ее месте нахожусь не я.

Инструктор начала урок с команд «сидеть» и «лежать». Дженни твердо произносила: «Сидеть!» – а Марли прыгал на нее и клал лапы на плечи. Она прижимала его зад к земле, а он ложился на спину, надеясь, что ему почешут животик. Она пыталась оттащить его на место, а он захватывал поводок зубами и мотал головой из стороны в сторону, будто

боролся с питоном. На все это было больно смотреть. В какой-то момент я с удивлением обнаружил, что Дженни лежит лицом вниз, а Марли стоит над ней со счастливым взглядом. Позже жена объяснила мне, что пыталась наглядно показать ему команду «лежать».

Когда урок закончился и Марли с Дженни присоединились ко мне, мисс Строгий Взгляд перехватила нас у выхода.

– Вам необходимо научиться управлять этим животным, – насмешливо сказала она.

Что ж, спасибо за ваш бесценный совет. Вы, наверное, думаете, что мы пришли просто для развлечения остальных.

Никто из нас не вымолвил ни слова. Униженные, мы поспешно ретировались в машину и поехали домой в полной тишине, которую нарушало лишь пыхтение Марли: он все пытался спуститься с небес на землю после своего первого урока. Наконец я проговорил:

– Одно можно сказать с полной уверенностью: он точно любит школу.

На следующей неделе мы с Марли вернулись на площадку, на этот раз без Дженни. Когда я высказал предположение, что в нашем доме я, наверное, больше отвечаю представлению о вожаке, жена с радостью сложила с себя полномочия хозяйки и командира и торжественно заявила, что больше никогда не поведет Марли на занятия. Перед тем как выйти из дома, я перевернул пса на спину, нагнулся над ним и

прорычал так грозно, как умел: «Я хозяин! А ты не хозяин! Хозяин я! Тебе ясно, вожак?» Он постучал хвостом по полу и попытался схватить меня за запястье.

Второе занятие было посвящено умению ходить на поводке рядом с хозяином. Этому я особенно хотел научить Марли. Я уже устал от постоянной борьбы за каждый шаг во время прогулок. Однажды, погнавшись за кошкой, он уже сбил Дженни с ног и она разбила колени. Настало время ему научиться мирно трусить рядом с нами.

Я бился с ним, возвращаясь на наше место на площадке и оттягивая его ото всех собак, что попадались на пути. Мисс Строгий Взгляд вручила каждому из нас короткую цепочку со стальными кольцами, прикрепленными к обоим ее концам. Как она объяснила, это были сдерживающие поводки – наше секретное оружие, помогающее без особых усилий научить четвероногих учеников держаться рядом. Поводок был гениально прост в употреблении: если собака вела себя как положено, идя рядом с хозяином, поводок висел свободно, и кольцо вокруг шеи свободно болталось. Но если собака бросалась вперед или убегала в сторону, поводок затягивался, словно капкан, заставляя животное повиноваться. Совсем скоро, как уверяла наша наставница, собаки или научатся подчиняться, или умрут от удушья. *Жестоко, но восхитительно*, подумал я.

Я попытался надеть цепочку на Марли, но он заметил и ухватил ее зубами. Я раскрыл его челюсти, вынул цепочку и

повторил попытку. Он снова ее отобрал. Другие собаки уже сидели с надетыми поводками, все ждали только нас. Тогда я одной рукой сжал его морду, а другой попытался набросить цепь-лассо ему на шею. Марли попятился назад, стараясь освободить пасть и атаковать таинственную спиралевидную серебряную змею. Наконец я затянул поводок у него на шее, и он свалился на землю, побежденный, щелкая зубами, поднял лапы в воздух и завертел головой из стороны в сторону, пока ему не удалось вновь прибрать к зубам цепочку. Я посмотрел на мисс Строгий Взгляд.

– Ему понравилась цепь, – пояснил я.

Как мне было велено, я поднял Марли на лапы и вытащил поводок из его зубов. Потом по указанию инструктора я прижал к земле его зад, таким образом посадив пса, и встал рядом так, чтобы моя левая нога касалась его правого плеча. На счет три я должен был сказать: «Марли, рядом!» и пойти вперед с левой – и ни в коем случае не с правой – ноги. Если он начинал отклоняться от выбранного курса, то незначительные коррективы в виде быстрых рывков поводка возвращали его на нужное место.

– Группа, на счет три, – объявила мисс Строгий Взгляд. Марли дрожал от возбуждения. Блестящий незнакомый объект на шее довел его до того, что из пасти закапала пена.

– Раз... Два... Три!

– Марли, рядом, – скомандовал я. Однако, едва я сделал первый шаг, пес полетел вперед, как истребитель с авианос-

ца. Я с силой дернул поводок, и он жутко поперхнулся, будто ему перекрыли дыхательные пути. На мгновение он отошел назад, но как только поводок ослаб, моментный шок остался позади, став частью истории в крохотном отделе его мозга, где хранилась информация об уроках жизни. Он снова сделал выпад вперед, я дернул поводок назад, и он снова чуть не задохнулся. Так мы бегали по всей автостоянке: Марли тянул вперед, я – назад, каждый раз все с большей силой. Он кашлял и пыхтел, я ворчал и потел.

– Ну укротите же своего пса! – заорала мисс Строгий Взгляд. Да, я старался изо всех сил, но урок не укладывался в голове Марли, и мне казалось, он скорее задушит себя, чем поймет что к чему. Тем временем остальные собаки гордо прогуливались возле своих хозяев, реагируя на «незначительные коррективы», как и обещала мисс Строгий Взгляд.

– Ради бога, Марли, – шепнул ему я. – На карту поставлена честь нашей семьи.

Инструктор выстроила группу и позволила нам попробовать еще раз. Марли с выпученными глазами, задыхаясь и пошатываясь, повторил предыдущее упражнение. На противоположном конце площадки мисс Строгий Взгляд объясняла группе, как не надо заниматься с собакой, приводя в пример нас с Марли.

– Вот, – нетерпеливо сказала она, вытягивая руку. – Дайте, я покажу.

Я передал ей поводок. Она эффектно оттащила Марли на

исходную позицию и приказала сесть, немного затянув поводок. Конечно, по закону подлости он сел, преданно глядя на нее. *Черт.*

Слегка дернув за поводок, мисс Строгий Взгляд пошла с Марли. Но он почти мгновенно понесся на полной скорости вперед, словно участвовал в гонках собачьих упряжек. Инструктор настойчиво вносила «коррективы», мешая ему бежать; Марли останавливался, хрипел, а потом снова бросался вперед. Он словно собирался вывихнуть ей руку. Мне бы следовало стыдиться, но я испытал особое чувство удовлетворения, граничащее с мстительностью. Она не смогла добиться большего, чем я. Мои сокурсники хихикали, а я гордился и злорадствовал. *Смотрите, мой пес ведет себя ужасно с кем угодно, не только со мной!*

Теперь, когда в дураках был не я, стоило признать, что все это выглядело уморительно. Парочка, дойдя до границы автостоянки, развернулась и направилась обратно в том же «вперед-назад» ритме. Оба были на грани приступа: мисс Строгий Взгляд кипела от гнева, а Марли просто не знал, как выразить свою радость. Наставница в бешенстве дергала поводок, а Марли с пеной у рта тянул еще сильнее, открыто наслаждаясь игрой – перетягиванием каната, которую его попросил показать новый тренер. А когда он увидел меня, то окончательно разбушевался. После сверхъестественного выброса адреналина он рванулся ко мне, таща за собой мисс Строгий Взгляд, и той пришлось развить спринтерскую ско-

рость, чтобы удержаться на ногах. Марли не останавливался до тех пор, пока не врезался в меня с присущей ему joie de vivre.¹ Мисс Строгий Взгляд стрельнула в меня взглядом, который ясно давал понять, что я пересек какую-то невидимую запретную черту и возврата назад уже не будет. Марли сделал посмешищем все ее учение о собаках и дисциплине, он публично унизил ее. Она передала поводок мне и, будто бы этого прискорбного незначительного эпизода никогда не было в ее жизни, повернулась к группе со словами: «Итак, на счет три...»

Когда урок закончился, она попросила меня на минутку задержаться. Мы с Марли молча ждали, пока она терпеливо ответит на все вопросы наших сокурсников. Когда мы остались одни, мисс Строгий Взгляд повернулась ко мне и произнесла неожиданно примирительным тоном:

– Мне кажется, ваш пес еще слишком мал для системной дрессировки.

– От него проблемы, да? – робко спросил я. Теперь я даже в какой-то степени сочувствовал ей, ибо благодаря Марли мы оба были унижены.

– Он просто не готов, – объяснила она. – Ему надо подрасти. Меня неожиданно осенило, на что она намекает.

– Вы, что, хотите сказать...

– Он отвлекает других собак.

– ... что вы...

¹ Радость, получаемая от жизни (франц.) – *Прим. пер.*

- Он слишком возбудимый.
- ... выгоняете нас с курса?
- Вы можете вернуться через шесть-восемь месяцев.
- Так вы нас выгоняете?
- Я с радостью верну вам деньги.
- Вы выгоняете нас?
- Да, – наконец отчеканила она. – Я вас отчисляю.

В качестве ответной реплики Марли поднял лапу и выпустил напористую струю в нескольких сантиметрах от ноги своего любимого инструктора.

Иногда, чтобы взяться за дело засучив рукава, нужно просто разозлиться. И мисс Строгий Взгляд по-настоящему меня разозлила. Я был хозяином красивого чистокровного лабрадора, представителя благородной породы. Эти умнейшие собаки издавна служили поводырями слепых, спасали жертв катастроф, помогали охотникам и доставали рыбу из океанской пучины. Как она посмела исключить его после двух уроков? Да, он был чересчур энергичным, но он руководствовался исключительно добрыми намерениями! Я решил доказать этому напыщенному ничтожеству, что Великолепный Марли Черчилльский, собственность Грогенов не пасует перед трудностями. Мы еще встретимся на выставке в Вестминстере.

На следующее утро я первым делом вывел Марли на задний двор.

- Никто не имеет права вышвырнуть одного из Грогенов

из школы дрессировки, – сказал я ему.

– Невозможно обучить? Сейчас мы посмотрим, кого тут невозможно вышколить! Правильно?

Он подпрыгнул в знак согласия.

– Мы ведь сделаем это, Марли? Он завилял хвостом.

– Я не слышу, мы это сделаем? Он тьякнул.

– Так-то лучше. А теперь за работу.

Мы начали с команды «сидеть» – команды, которую мы учили с ним с самого раннего возраста, когда он был маленьким щенком, и которую он знал довольно неплохо. Я нагнулся над ним, принял строгий вид, чтобы показать, кто здесь вожак, и уверенным, но спокойным голосом приказал ему сесть. Он сел. Я похвалил его. Мы повторили упражнение несколько раз. Затем мы перешли к команде «лежать», которую тоже разучивали с давних пор. Он сосредоточенно смотрел мне в глаза, вытягивая вперед голову в ожидании указаний. Я медленно поднял руку, замерев на несколько секунд, пока он ждал команды, а затем опустил ее вниз, показал на землю и крикнул: «Лежать!» Марли с глухим стуком плюхнулся на землю. Даже если бы позади разорвалась бомба, он не мог бы лечь с большим удовольствием. Дженни, наблюдавшая за нашей тренировкой с веранды, тоже заметила это и крикнула: «Молодцы!»

Мы повторили команду несколько раз, и, чтобы закрепить успех, я решил поднять планку: разучить с Марли команду «ко мне», которая для него оказалась особенно сложной.

Проблема была не в том, чтобы он подбежал. Марли не мог спокойно ждать, пока его позовут. Наш рассеянный пес горел желанием всегда быть рядом с нами и не мог усидеть на месте, когда мы уходили прочь.

Я посадил его мордой к себе и не сводил с него глаз. Пока мы смотрели друг на друга, я поднял ладонь, выставив ее вперед в запрещающем жесте. «Стоять!» – скомандовал я, отойдя на шаг назад. Он замер в ожидании хоть какого-то знака, разрешающего догнать хозяина, и с нетерпением глядел на меня. Но уже на четвертом моем шаге Марли не смог вынести пытки и кинулся ко мне. Я пожурил его, и мы попытались повторить упражнение еще раз. И еще. С каждым разом он позволял мне отойти на большее расстояние. Наконец я встал примерно в пятнадцати метрах от Марли и вытянул вперед ладонь. Я ждал. Он сидел в одной позе, дрожа от нетерпения всем телом. Я видел, как в нем закипает энергия, он был похож на вулкан, готовый взорваться. Но он сдерживался. Я сосчитал до десяти, и он не двинулся. Его взгляд застыл на мне, а мышцы ходили ходуном. *Ладно, хватит с него пыток*, подумал я и, резко опустив руку, крикнул: «Марли, ко мне!»

Он рванул с места, а я присел и похлопал в ладоши в знак одобрения. Я думал, что он начнет выписывать круги по всему саду, но Марли бежал прямо ко мне. *Отлично*, подумал я. «Ко мне, мой мальчик! – закричал я. – Ко мне!» «А теперь остановись, малыш». Но он продолжал бежать вперед. «Сто-

ать!» За секунду до столкновения его бессмысленный безумный взгляд дал мне понять, что Марли не владеет собой. Капитан покинул корабль. Это был панический бег неумяемой собаки. У меня оставалась секунда только для одной, последней команды. «СТОЯТЬ!» – завопил я. *Бум!* Он врезался в меня, так и не успев затормозить, и я упал на спину, сильно ударившись о землю. Через несколько секунд, когда я открыл глаза, я обнаружил: Марли взобрался на меня всеми четырьмя лапами и лег мне на грудь, отчаянно вылизывая лицо. *Ну, как я тебе, хозяин?* С точки зрения техники он в точности исполнил все указания. В конце концов, я сам виноват: не предупредил его, что придется остановиться заранее.

– Задание выполнено, – со стоном выдавил я. Дженни, высунувшись из кухонного окна, крикнула:

– Я ухожу на работу. Как только вы там закончите, не забудьте закрыть окна. Сегодня вечером обещали дождь.

Я покормил пса, принял душ и тоже отправился на службу.

Когда я вечером вернулся домой, Дженни ждала меня у двери, как мне показалось, в расстроенных чувствах.

– Иди посмотри в гараже, – сказала она.

Я открыл дверь гаража и первое, что бросилось в глаза, был Марли, лежавший на своей подстилке с весьма подавленным видом. Даже мимолетный взгляд показал, что его морда и передние лапы не в порядке. Они были не привычно-

го светло-палевого оттенка, а темно-коричневого и покрыты запекшейся кровью. Оглядев весь гараж, я пришел в ужас. Наш несокрушимый «бункер» изнутри был полностью разрушен. Подстилки превратились в лохмотья, краска с бетонных стен была соскоблена когтями, гладильная доска была опрокинута, а ее тканевое покрытие висело бахромой. В самом ужасном состоянии был дверной проход: создавалось впечатление, что он подвергся нападению какого-то гигантского кухонного комбайна. В радиусе трех метров вокруг двери валялись щепки, изнутри она была наполовину выгрызена. Самый низ дверного косяка вообще отсутствовал, его нигде не было видно. На стенах, которые Марли кусал и царапал, остались пятна крови.

– Черт! – вырвалось у меня скорее от неожиданности, чем со злости. В памяти всплыла история мисс Недермайер, произошедшая в доме напротив. У меня возникло ощущение, что я стою на месте преступления.

Сзади послышался голос Дженни:

– Когда я была дома в обед, все было отлично, правда собирался дождь.

А когда Дженни вернулась на работу, разразилась сильная гроза: лило как из ведра, сверкала молния, а гром грохотал так, что стены тряслись.

Несколько часов спустя она приехала домой и застала Марли посреди гаража, откуда он безнадежно, в панике, пытался выбраться. Интерьер напоминал поле боя. Пасть пса

была в пене. В общем, картина оказалась настолько душераздирающей, что Дженни не смогла даже закричать на Марли. Кроме того, инцидент был исчерпан, Марли бы и не понял, за что его наказывают. Тем не менее Дженни была настолько удручена варварской атакой на дом, к ремонту которого мы приложили столько сил, что не смогла заставить себя остаться с Марли. «Подождем, пока вернется твой папочка», – пригрозила она псу и закрыла за собой дверь.

За ужином Дженни и я пытались спокойно обсудить «приступ озверения», как мы решили назвать происшедшее. События с нашей точки зрения развивались следующим образом: как только началась гроза, одинокий и насмерть перепуганный Марли решил, что ему грозит смертельная опасность, и он сможет спастись только в том случае, если прокопает себе лазейку в дом. Наверное, эту идею подсказал ему древний инстинкт самосохранения, передавшийся от его предка волка. И он начал стремиться к своей цели с невероятным упорством. Я и представить себе не мог, что устроенный нашим псом погром возможен без использования машин и техники.

Когда мы доели ужин, то отправились в гараж, где Марли, придя в себя, уже схватил большую игрушку и начал прыгать вокруг нас, вызывая на игру в «перетягивание каната». Я придержал его, пока Дженни вытирала кровь с его шерсти. Затем Марли, виляя хвостом, наблюдал, как мы убираем устроенный им бардак. Мы выкинули все подстилки, со-

драли изорванный чехол с гладильной доски, подмели щепки, оставшиеся от дверной рамы, вымыли кровь на стенах и составили список материалов, которые требовалось купить, чтобы привести все в порядок. Впервые с тех пор, как у нас появился пес, мне пришлось заниматься ремонтом по его милости. И как показали дальнейшие события, это было во все не в последний раз. А сейчас Марли, как обычно, радовался нашему присутствию и пытался по-своему помочь нам в уборке.

– Тебе не стоит особо радоваться по этому поводу, – хмуро сказал я, забирая его на ночь в дом.

ГЛАВА 9

Мужские проблемы

Любой собаке нужен хороший ветеринар – опытный профессионал, который поможет ей оставаться здоровой и сильной и сделает нужные прививки. Ветеринар нужен каждому, кто впервые заводит собаку: в основном, чтобы было у кого спросить совета, поэтому в ветеринарных консультациях врачи тратят много времени на посетителей. У нас не сразу получилось выбрать специалиста для нашего пса. Одно было невозможно застать на рабочем месте, и мы встретились только с его 16-летним помощником; второй был настолько стар, что я боялся: он не сможет отличить чихуа-хуа от кошки. Третий обслуживал исключительно умещавшихся на ладони собачек богатых наследниц из Палм-Бич. И вот, наконец, мы нашли идеального ветеринара. Его звали Джей Батэн, для пациентов доктор Джей, и он был молодым, умным, классным и невероятно добрым. Доктор Джей понимал собак на уровне интуиции, как лучшие механики чувствуют машину. Он, бесспорно, обожал животных, но тем не менее придерживался разумных взглядов на их роль в нашей жизни. Первые месяцы мы постоянно держали его телефонный номер под рукой и обращались к нему с самыми глупыми вопросами. Когда у Марли на суставах лап появились мозоли,

покрытые коростой, я испугался, что это какое-то редкое и, видимо, заразное кожное заболевание. Но доктор Джей объяснил, что это всего лишь именно мозоли, образовавшиеся от того, что Марли лежит на полу. Однажды Марли широко зевнул, и я заметил у основания его языка странное фиолетовое пятно. «*О Господи*, – подумал я. – *Да у него же рак!* Саркома Капоши во рту». «Успокойтесь, – сказал доктор Джей, – это всего лишь родимое пятно».

В тот день мы с Дженни стояли в его кабинете, обсуждая прогрессирующую боязнь грозы у Марли. Мы надеялись, что неприятный инцидент в гараже останется единственным, но он оказался лишь началом того, что далее могло развиться в пожизненную фобию, сопровождающуюся агрессивным поведением. Несмотря на то, что у лабрадоров сложилась репутация охотничьих собак, наш пес до смерти боялся звуков более громких, чем хлопок вылетающей из бутылки пробки от шампанского. Треск фейерверков, тарыхтение мотоциклетных моторов, выстрелы – все это приводило его в ужас. Однако наибольший страх вызывал звук грома. Даже небольшая гроза заставляла Марли терять контроль над собой. Если в этот момент мы были дома, он начинал прижиматься к нам, его колотила дрожь, из пасти капала слюна, пес нервно стрелял глазами, прижимал уши и поджимал хвост. Если нас не было рядом, он превращался в разрушителя, ломая все, что стояло на пути к облюбованному им безопасному месту. Однажды, когда собиралась гроза, Дженни пришла до-

мой и увидела, что Марли с выпученными глазами отчаянно прыгает на стиральной машине, стуча когтями по поверхности. Как он оказался там и почему ему приспичило забраться именно туда, мы так и не узнали. Среди людей встречаются недееспособные психи и, как выяснилось, среди собак тоже.

Доктор Джей положил мне на ладонь пузырек с маленькими желтыми таблетками и сказал:

– Не сомневайтесь, пусть принимает.

Речь шла об успокоительном, которое, по словам доктора, должно было способствовать ослаблению патологического беспокойства Марли. Доктор Джей надеялся, что благодаря лекарству Марли сможет нормально воспринимать гром и в конце концов поймет, что это всего-навсего безобидный шум. Боязнь грома у собак, как нам объяснил доктор, не была необычным явлением, особенно во Флориде, где практически каждый день во время жаркого сезона случались сильнейшие грозы. Марли понюхал склянку, которую я держал, явно сгорая от нетерпения начать новую жизнь и впасть в наркотическую зависимость.

Доктор Джей почесал загривок Марли. Он покусывал губы, будто хотел сообщить нам что-то важное, но не знал, как это сделать.

– И, – наконец сказал он, – вам, наверное, пора задуматься о его кастрации.

– Кастрации? – с недоумением переспросил я. – Вы хотите сказать... – я взглянул на яички пса – до смешного огромные

шары, болтавшиеся между задних ног Марли.

Доктор Джей тоже посмотрел на них и утвердительно кивнул. Я, наверное, вздрогнул, а то и вообще схватился за сердце, потому что он быстро добавил:

– Это совершенно безболезненно, да и ему так будет гораздо комфортнее.

Доктор был в курсе проблем Марли. Он был нашим исповедником, и мы рассказывали ему все: и об ужасном опыте дрессировки, и о нелепых выходках собаки, и о потребности все разрушать, и о гиперактивности. И вот Марли, когда ему пошел седьмой месяц от роду, начал предпринимать попытки совокупиться со всем, что движется, в том числе и с нашими гостями.

– Мы просто избавим его от бьющей фонтаном сексуальной энергии и сделаем счастливой, более спокойной собакой, – сказал доктор Джей, пообещав, что результаты операции не изменят добродушного характера Марли.

– Боже, я прямо не знаю... – засомневался я. – Кажется, что это... приговор.

У Дженни же подобных сожалений не возникло.

– А давайтеотрежем эти отростки, – согласилась она.

– А как тогда быть с возможным приплодом? – спросил я. – Неужели он не продолжит свою родословную? – Уплывающие возможности прибыли замаячили у меня перед глазами.

И снова доктору Джею пришлось осторожно подбирать

слова.

– Думаю, вам стоит посмотреть на это дело более трезво. Марли – славный домашний пес, но мне кажется, что у него немного шансов стать производителем. – Он был максимально дипломатичен, но выражение лица выдавало его. Казалось он на самом деле орал на меня: *ради бога, мужик! Во имя будущих поколений мы должны ликвидировать эту генетическую ошибку любой ценой!*

Я сказал, что мы подумаем, и мы уехали домой с новым успокоительным средством.

Пока мы решали, лишать ли Марли мужского достоинства, Дженни начала предъявлять беспрецедентные требования к моим собственным. Доктор Шерман разрешил ей снова попытаться забеременеть. Она приняла вызов с готовностью спортсмена-олимпийца. Времена, когда она просто не принимала противозачаточные таблетки (будь что будет), давно миновали. В войне за оплодотворение Дженни перешла в наступление. И, конечно, для этого ей нужен был я, ключевой союзник, который снабжал ее амуницией. Как и большинство мужчин, с пятнадцати лет я всеми силами старался убедить противоположный пол, что я достойный партнер. Наконец-то я нашел ту, что с этим согласилась. Мне следовало бы прыгать от восторга. Впервые в жизни женщина хотела меня больше, чем я ее. Это был рай для мужчины. Никаких уговоров, никаких унижений. На меня наконец-то появился спрос, как на лучших породистых собак. Я должен

был пребывать в экстазе, но неожиданно все это превратилось в тяжелую и стрессовую работу. Дженни хотела от меня уже не просто любовных утех, она хотела ребенка. А это значило, что мне предстояло потрудиться. Начались серьезные дела. Самые радостные из ночных утех внезапно превратились в клинические опыты, составными частями которых были измерение температуры и изучение менструальных календарей и таблиц овуляций. Я чувствовал себя пажом всемогущей королевы.

Происходящее «вдохновляло» меня примерно так же, как визит в налоговую инспекцию. Дженни привыкла к тому, что я реагирую на малейший намек, и она не без оснований считала, что старые правила все еще оставались в силе. Скажем, я сижу, чиню мусорный бак, а она подойдет со своим календарем в руках и скажет: «Мой последний цикл начался семнадцатого, это значит, – и тут она делает паузу, подсчитывая дни, – что нам нужно сделать это прямо СЕЙЧАС!»

Мужчины из рода Грогэнов никогда не любили, чтобы на них давили, и я был не исключением. Совсем немного времени понадобилось, чтобы я пережил главное мужское унижение: неудачу в сексе. А коли это случилось, игра окончена. Моя уверенность пошатнулась, а нервозность возросла. Я знал, что если это произошло раз, то произойдет и второй. Одна неудача настраивала меня на другую. Чем больше я волновался за исполнение своих супружеских обязанностей, тем реже мне удавалось расслабиться и сделать то,

что ранее получалось само собой. Я старался избегать любых намеков на секс, чтобы, не дай бог, Дженни не пришли в голову ненужные мысли. Я жил в смертельном страхе того, что моя жена попросит сорвать с нее одежду и заняться любовью. Я уже начал думать, что жизнь отшельника в отдаленном монастыре – не самый худший вариант.

Но Дженни не собиралась так легко сдаваться. Она была охотницей, я был добычей. Однажды утром я работал в офисе своей газеты всего в десяти минутах ходьбы от дома, как вдруг она позвонила и поинтересовалась, не хочется ли мне встретиться с ней в обеденный перерыв. *«Ты имеешь в виду дома? Одним, без компании?»*

– Можно сходить куда-нибудь в ресторан, – предложил я. В какой-нибудь очень людный ресторан. Желательно, где будут несколько наших коллег. И свекровь с тещей.

– Да ладно тебе, – игриво ответила она. – Давай повеселимся.

Затем она понизила голос и почти шепотом добавила:

– Сегодня хороший день. Мне... кажется... что у меня... овуляция. – Волна ужаса накатила на меня. *О боже, нет. Только не это слово на букву «о».* Напряжение росло. Наступало время действовать или пропадать. То есть в буквальном смысле поднимать или опускать. *Пожалуйста, не заставляй меня,* хотел я попросить ее в телефонную трубку... Но вместо этого я сказал насколько мог равнодушно:

– Конечно. В полпервого, идет?

Когда я открыл входную дверь, Марли, как всегда, ждал меня, но Дженни нигде не было. Я позвал ее.

– Я в ванной, – крикнула она. – Через секунду выйду.

Я просмотрел почту, убивая время, и меня тем временем охватило чувство полной обреченности, которое, как мне казалось, знакомо людям, ожидающим результатов биопсии.

– Эй, морячок, – послышался голос сзади. Обернувшись, я увидел Дженни в шелковом бюстгальтере и трусиках.

Ее плоский животик был почти полностью обнажен, а лифчик держался на двух невероятно тонких ляпочках. Ее ноги никогда еще не выглядели длиннее.

– Ну что? Как я тебе? – спросила она, упирая руки в боки. Фантастически, подумал я. На ночь Дженни всегда надевала вместо пижамы мешковатую футболку, и я был уверен, что в этом соблазнительном белье она чувствует себя глупо. Но ожидаемый эффект был достигнут.

Она пробежала наверх в спальню, я за ней, и вскоре мы уже обнимались на расстеленных простынях. Я закрыл глаза, чувствуя, как мой спящий дружок зашевелился. Волшебство возвращалось. *Ты можешь это сделать, Джон.* Я старался вызвать самые грязные мысли, какие только мог. *Это должно сработать!* Я нащупал те самые тончайшие мелочи. Давай, Джон. *У тебя все получится.* Я чувствовал ее дыхание, горячее, влажное. И тяжелое. Горячее, влажное, тяжелое дыхание. *М-мм, как это сексуально.*

Но постой-ка. Что это за запах? Что-то в ее дыхании. Что-

то такое знакомое и в то же время чужеродное, не то чтобы неприятное, но и не очень соблазнительное. Я знал этот запах, но не мог точно определить его. Я сомневался. *Что ты делаешь, идиот? Забудь о запахе. Сосредоточься, приятель. Сосредоточься!* Но этот запах... я не мог выкинуть его из головы. *Ты отвлекаешься, Джон. Не отвлекайся.* Что же это такое? *Не останавливайся.* Любопытство постепенно овладело мной. *Давай, парень, давай!* Я начал принюхиваться. Еда, да, но что это за еда? Не печенье, не чипсы, не тунец. Я почти вспомнил. Это был... собачий корм?

Собачий корм! Вот что это было! Ее дыхание отдавало запахом корма. Но почему? Мне было интересно, и внутри меня тоненький голосок спрашивал: зачем Дженни есть собачий корм? К тому же я чувствовал ее губы у себя на шее... Как она могла целовать мою шею и дышать мне в лицо одновременно? Бессмысли...

О... Боже... мой.

Я открыл глаза. В нескольких сантиметрах от моего лица, закрывая мне весь обзор, лежала огромная морда Марли. Его подбородок покоился на матрасе, он пыхтел и пускал слюни на простыни. Его глаза были полуоткрыты, и он тоже выглядел влюбленным.

– Плохой пес! – резко крикнул я, перекатившись на другую сторону кровати. – Нет! Фу! Марш к себе! – яростно командовал я. – Иди спать! Иди ложись!

Но было уже слишком поздно. Волшебство пропало, вер-

нулась перспектива ухода в монастырь.

Вольно, солдат.

На следующее утро я позвонил врачу и назначил дату кастрации Марли. Я продумал все: если у меня не будет секса до конца моих дней, то и у него тоже не должно быть. Доктор Джей сказал, что мы можем завезти Марли к нему до начала рабочего дня, а забрать вечером по пути домой. Через неделю мы так и сделали.

Пока мы с Дженни собирались, Марли весело кидался на стены, предчувствуя предстоящую поездку. Ему любое путешествие приносило радость, независимо от того, куда мы направлялись и на сколько. Вывезти мусор? *Без проблем!* Сходить в магазин за молоком? *Я к вашим услугам!* Я начал испытывать угрызения совести. Бедный и не представлял, что мы ему уготовили. Он доверял нам, думая, что хозяева всегда поступают правильно, а мы тайком задумали лишить его мужской силы. Может ли предательство быть более вероломным?

– Иди сюда, – поманил я его, тут же перевернул на спину и энергично почесал его живот. – Все не так уж плохо. Ты потом поймешь. Секс слишком переоценивают. – Но даже я, все еще расстроенный собственными неудачами, что преследовали меня последние две недели, не верил себе. Кого я пытался одурачить? Секс – это потрясающе. Секс – это невероятно. Бедная псина скоро лишится самого замечательного удовольствия на свете. Бедная псина... Я чувствовал себя

ужасно.

Но я почувствовал себя еще хуже, когда на мой свист, как обычно, Марли выскочил из дома и запрыгнул в машину, слепо веря в то, что я не сделаю ему ничего плохого. Воодушевленный, он был готов к самому невероятному путешествию. Дженни села за руль, а я устроился на пассажирском сиденье. По привычке Марли балансировал на своих передних лапах на консоли, тыкаясь носом в зеркало заднего вида. Поэтому каждый раз, когда Дженни тормозила, он упирался мордой в лобовое стекло, что, однако, его совсем не беспокоило. Он ехал на переднем сиденье автомобиля с двумя своими лучшими друзьями. Может ли жизнь преподнести подарок лучше?

Я опустил стекло, Марли подвинулся вправо, наклонился надо мной, пытаясь уловить уличные запахи. Вскоре он полностью переместился ко мне на колени, поерзал и начал просовывать нос в узкую щелку приоткрытого стекла с таким усердием, что при каждом вдохе ему приходилось фыркать. *А, ну почему бы и нет,* подумал я. Это была его последняя поездка в качестве полноценного мужчины, и глоток свежего воздуха был самой незначительной услугой, которую я мог ему оказать. Я опустил стекло ниже, чтобы он мог высунуть в щель морду. Это доставило ему столько удовольствия, что я решил открыть окно еще шире. Вскоре он высунул наружу уже всю голову. Его уши хлопали на ветру, а язык свисал из пасти так, словно он хотел вылакать городской воздух. Боже,

он действительно был счастлив.

Пока мы ехали по Дикси-хайвэй, я рассказывал Дженни, как плохо мне из-за предстоящей операции Марли. Но только она заговорила о чем-то, наверняка не имевшем отношения к моим тревогам, я заметил, больше с любопытством, чем со страхом, что обе передние лапы Марли свесились из окна машины. Вот уже и его шея, и частично плечи тоже высунулись наружу. Ему не хватало только защитных очков и шелкового шарфа, а так – ни дать ни взять, пилот времен Первой мировой войны.

– Джон, я волнуюсь, – сказала Дженни.

– Он в порядке, – ответил я. – Он просто хочет подышать свежим...

В этот момент передние лапы Марли соскользнули, и стекло уперлось ему в подмышки.

– Джон, держи его! Держи его!

Прежде чем я успел что-то предпринять, Марли соскользнул с моих коленей и стал вылезать из открытого окна несущейся машины. Его зад повис в воздухе, а задние лапы болтались в поисках опоры. Он делал решающий рывок. Единственное, что мне удалось в этой ситуации, – ухватиться левой рукой за его хвост. Дженни резко затормозила, несмотря на оживленное движение. Пес вывалился почти полностью и повис вверх тормашками, удерживаемый за хвост. Я сидел в такой неудобной позе, что не мог задействовать вторую руку. Марли бешено перебирал передними лапами по асфаль-

ту, будто бежал по дороге.

Дженни остановилась, сзади образовалась пробка, слышались гудки.

– А теперь-то что?! – заорал я.

Я застрял. Я не мог втянуть его обратно в окно. Я не мог открыть дверь. Я не мог действовать правой рукой. И я не осмеливался отпустить Марли, потому что он наверняка бы прыгнул на дорогу под колеса кому-то из разозленных водителей. Я вцепился в хвост Марли, уткнувшись лицом в стекло всего в нескольких сантиметрах от его огромной трясущейся мошонки.

Дженни включила аварийку, подбежала к нам, схватила Марли и держала его за ошейник, пока я не вышел и не затолкал его обратно в машину. Наша маленькая драма разыгралась прямо перед заправкой, и как только Дженни снова завела автомобиль, я обернулся и увидел, что механики выскочили поржать над нашим шоу. Я думал, они обмочатся, – так громко они хохотали.

– Спасибо, ребята, – крикнул я им. – Рады, что повеселили вас с утра пораньше.

Мы добрались до клиники, и я повел Марли на коротком поводке на случай, если он решит предпринять еще одну попытку бегства. Чувство вины исчезло, а решимость возросла.

– Не увильнуть тебе от этого, дорогой мой евнух, – сказал я ему. Он пыхтел, фыркал и натягивал поводок, пытаюсь обнюхать других животных. В приемном покое ему удалось

напугать пару кошек и перевернуть рекламный стенд. Я подвел его к помощнику доктора Джея со словами:

– Успокойте его, пожалуйста!

Когда я вечером забирал Марли, то понял, что он изменился. Ему было больно в местах послеоперационных швов, и он двигался очень осторожно. Его глаза после анестезии стали грустными и красными, он еще был слаб. На том месте, где прежде горделиво болтались великолепные королевские драгоценности... не было ничего. Только маленький сморщенный кусочек кожи. Род неистового Марли официально и навеки был прерван.

ГЛАВА 10

Ирландское счастье

Со временем все чаще в нашей жизни на первое место выходила работа. Работа в газетах. Работа по дому. Работа в саду. Работа над беременностью. И почти круглосуточная работа по воспитанию Марли. Во многом он был почти ребенок, требовавший времени и внимания, и мы получили отчетливое представление об ответственности, которая будет на нас возложена, если нам удастся увеличить нашу семью. Но только частичное представление. Какими бы профанами мы ни были в воспитании детей, уверен, мы бы не стали запирать ребенка в гараже с миской воды, чтобы пойти погулять.

Не успели мы отметить вторую годовщину свадьбы, как почувствовали, насколько однообразна взрослая жизнь женатых ответственных людей. Нам нужно было развеяться. Нам был необходим отпуск, чтобы мы остались вдвоем, и никаких ежедневных обязанностей. Однажды вечером я сделал сюрприз Дженни, преподнеся ей билеты в Ирландию. Мы уедем на три недели, три недели без экскурсий, туров с гидами и достопримечательностями. Только машина напрокат, карта и справочник мотелей. Даже одни билеты на руках смогли облегчить нам жизнь.

Но прежде нужно было решить несколько проблем, и первым пунктом списка, конечно, был Марли. Мы сразу же исключили приют для собак: Марли был слишком молодым и буйным, чтобы сидеть взаперти в клетке двадцать три часа в день. Как и предполагал доктор Джей, кастрация не уменьшила активности Марли ни на йоту. Это не повлияло ни на его энергичность, ни на его неадекватное поведение. Исключая тот факт, что он больше не горел желанием оседлать все неодушевленные объекты подряд, он оставался тем же полумным псом. А когда его охватывала паника, он становился диким непредсказуемым разрушителем, так что за сохранность домов наших друзей мы поручиться не могли. Впрочем, как и за дома наших врагов. Нам требовалась собачья няня. Объективно за эту работу не взялся бы никто, особенно учитывая проблемы, которые создавал Марли. Нам нужен был ответственный, достойный доверия, *очень* спокойный и достаточно сильный человек, которому бы удалось удержать тридцать пять кило мчащегося лабрадора.

Мы составили список друзей, соседей и коллег по работе, всех, кого вспомнили, и начали вычеркивать одно имя за другим. Этот только по вечеринкам ходит. *Чирк*. Слишком рассеянный. *Чирк*. Терпеть не может собачью слюну. *Чирк*. Слишком пугливый, он и таксы испугается, не то что лабрадора. *Чирк*. У этого аллергия. *Чирк*. Не захочет убирать за собакой. *Чирк*. В итоге у нас осталось только одно имя. Кэти работала вместе со мной, жила одна, и ее не обременяли се-

рьезные обязанности. Она выросла на сельском Среднем Западе, любила животных и надеялась, что в один прекрасный день ей удастся обменять свою маленькую квартирку на домик с садом. Она была спортивной девушкой и любила гулять. Вообще-то она отличалась застенчивостью и излишней мягкостью и не смогла бы диктовать свои условия вожаку Марли, но в других отношениях она подходила идеально. А лучше всего было то, что она согласилась.

Я оставил ей подробнейшие инструкции. Трудно было составить их более детально и скрупулезно, даже если бы мы оставляли на ее попечение тяжелобольного ребенка. Памятка для Кэти, напечатанная через один интервал, заняла шесть страниц.

ПИТАНИЕ. Марли ест три раза в день, по две мерных миски каждый раз. Мерная миска находится в сумке. Пожалуйста, корми его, когда встаешь утром и когда возвращаешься с работы. В полдень его покормят соседи. Таким образом он получит шесть мисок в день, но если заметишь, что он сильно проголодался, дай ему еще одну. Как ты понимаешь, переваренная пища должна выходить из организма. См. «УБОРКА ОТХОДОВ» ниже.

ВИТАМИНЫ. Каждое утро мы даем Марли одну витаминку. Лучший способ заставить его проглотить ее – уронить на пол, притворившись, что это случайно. Если он решит, что таблетку брать запрещено, он тут же на нее накинется. Если по какой-то причине фокус не удастся, попробуй

подмешать ее в корм.

ВОДА. В жаркую погоду важно всегда иметь под рукой много чистой воды. Мы меняем воду в миске, которая находится рядом с его миской для еды, раз в день. Если он ее выпивает, мы подливаем. Маленькое предостережение: Марли любит опускать морду в воду и играть в подводника. После этого вокруг грязно. Еще у него за щеками умещается огромное количество жидкости, и она выливается на пол, когда он отбегаёт от миски. Если ты ему позволишь, он вытрет морду о твою одежду и о диваны. Последнее: после того как он попьёт, он обычно отряхивается, в результате чего слюни летят на стены, обои, абажур и т. п. Мы стараемся вытирать их, пока они не высохли, потому что в противном случае удалить следы почти невозможно.

БЛОХИ И КЛЕЩИ. Если ты заметишь что-либо подобное на шерсти, побрызгай Марли спреем, который мы оставили. Есть также инсектицид, которым можно опрыскать ковры и т. п., если это необходимо. Блохи – крошечные и быстрые существа, их сложно поймать, но, как выяснилось, они чрезвычайно редко кусают людей, поэтому я бы на твоём месте не беспокоился по этому поводу. Клещи больше по размеру и двигаются медленнее, время от времени мы замечали их на Марли. Если ты найдёшь клеща и не захочешь мириться с его присутствием, просто сними его, а потом раздави (лучше всего ногтями, потому что клещи необыкновенно живучие) или смой в раковине или в унитазе (что будет

лучше, если клещ уже напился крови). Наверное, ты читала о болезни Лайма, передающейся через клещей, и осложнениях, которые могут из-за нее появиться. Мы навели справки у ветеринаров, но они заверили нас, что опасность подцепить болезнь здесь, во Флориде, очень невелика. В качестве предосторожности тщательно вымой руки после удаления клеща. Удобней всего снять насекомое с Марли, когда он чем-то занят, поэтому сначала дай ему игрушку, которую можно жевать. Зажми его кожу одной рукой, а ногти другой используй как пинцет, чтобы подцепить клеща. Кстати о Марли: если от него слишком плохо пахнет и ты не боишься заразы, искупай его в детском бассейне, который именно для этой цели находится на заднем дворе, только надень купальник – ты точно вымокнешь до нитки!

УШИ. У Марли в ушах образуется очень много серы, и, если ее оставлять, может возникнуть заражение. Раз или два за время нашего отсутствия возьми ватные шарики и раствор синего цвета для чистки ушей и проведи обработку. Это довольно мерзкая и грязная работенка, поэтому во время процедуры надевай старую одежду.

ПРОГУЛКИ. Если Марли оставить без утренней прогулки, он примется озорничать в гараже. Для своего же спокойствия выведи его ненадолго и перед сном, но это не обязательно. Можно использовать сдерживающий поводок, когда выгуливаешь его, но ни в коем случае не оставляй поводок на нем, пока он без присмотра. Он может запутаться и за-

дохнуть, а зная Марли, я уверен, что он так и сделает.

ОСНОВНЫЕ КОМАНДЫ. С ним гораздо проще гулять, если ты добьешься, чтобы он шел рядом. Поэтому сначала посади его слева от себя, командуй «Марли, рядом!» и шагай с левой ноги. Если он бросится вперед, быстро дерни поводок на себя. У нас это обычно получается. (Он занимался на собачьей площадке!) Если Марли бежит без поводка, то он хорошо выполняет команды «Марли, ко мне!» Примечание: когда ты зовешь его, лучше не сиди на корточках, а стой.

ГРОЗЫ. Во время гроз и даже дождей у Марли слегка едет крыша. Мы оставляем успокоительное (желтые таблетки) в шкафу рядом с витаминами. Одна таблетка за полчаса до грозы (тебе придется слушать прогноз!) должна подействовать. Заставить Марли проглотить таблетку – это почти искусство. Он не станет есть лекарство, как витамины, даже если ты уронишь таблетку на пол и притворишься, что он не должен трогать ее. Проще всего посадить его и раздвинуть ему челюсти одной рукой. Свободной рукой нужно затолкать таблетку как можно дальше в глотку. Она должна находиться за пределами той зоны, откуда он сможет выплюнуть ее. Затем потри ему шею, пока он не проглотит лекарство. Конечно, после этого тебе захочется принять душ.

УБОРКА ОТХОДОВ. Под манговым деревом у меня лежит совок, предназначенный специально для уборки за Марли. Убирай за ним столько, сколько хочешь, в зависимости

от того, сколько времени ты планируешь проводить на заднем дворе. И смотри под ноги!

ЗАПРЕТЫ. Мы НЕ позволяем Марли следующее:

– забираться на мебель;

– грызть мебель, туфли, подушки и т. п.;

– пить из унитаза (лучше всегда опускать крышку, хотя и в этом случае будь осторожна: он научился поднимать ее носом);

– копать во дворе или вырывать с корнями растения и цветы. Как правило, он делает это, когда чувствует, что ему уделяют недостаточно внимания;

– залезать в мусорные баки (за этим придется особо строго следить);

– прыгать на людей, обнюхивать их там, где не нужно, или совершать другие действия, с точки зрения общества недопустимые. Особенно рьяно мы старались отучить его покусывать руки, что, как ты догадываешься, нравилось далеко не всем гостям. Но он все еще поступает по-своему. Мы разрешаем шлепнуть его по попе и твердо крикнуть: «Фу!»;

– кланчить еду со стола;

– наваливаться на стекло парадной двери или на любые другие стекла. (Обрати внимание, что некоторые уже несколько раз меняли).

Еще раз спасибо за то, что согласилась помочь, Кэти. Это неоценимая услуга. Я не знаю, что бы мы без тебя делали. Надеюсь, вы с Марли подружитесь, и ты будешь без ума от

него, как и мы.

Я показал инструкции Дженни, спросив, не забыл ли я чего. Несколько минут она читала, потом посмотрела на меня и сказала:

– О чем ты только думаешь? Ей нельзя показывать эту памятку! – Она помахала листками у меня перед носом. – Когда она это увидит, об Ирландии можно будет забыть. Кэти единственный человек из наших знакомых, кто согласился помочь, но если она прочтет это, все кончено. Она пустится наутек и остановится, только когда добежит до Ки-Уэст.

На случай, если первый раз я прослушал, она повторила:

– И о чем ты только думаешь?!

– Так тебе кажется, что это перебор? – спросил я.

Однако я всегда был убежден, что с самого начала нужно говорить всю правду, и сказал об этом Дженни. Кэти несколько раз вздрогнула, особенно когда мы показывали ей, как надо снимать клещей, но она оставила свои опасения при себе. Обескураженная и слегка побледневшая, она была слишком добра, чтобы пойти на попятный, и бодро сказала:

– Удачной поездки. С нами все будет хорошо.

Ирландия оказалась именно такой, какой мы себе ее представляли. Красивая, пасторальная, ленивая страна. Погода большую часть времени была восхитительной, солнечной, пугая местных жителей перспективами засухи. Как мы и планировали, у нас не было никаких целей и заранее намеченных походов. Мы просто ехали вдоль побережья, оста-

навливаясь, чтобы прогуляться, купить что-то, побродить, выпить по бутылке «Гиннеса» или просто полюбоваться океаном. Мы останавливались, чтобы поговорить с фермерами, собиравшими сено в стога, и сфотографироваться с отарями овец, переходившими дорогу. Если мы видели красивую дорогу, мы сворачивали на нее. Мы не могли потерять ее, ведь мы никуда конкретно не направлялись. Домашние обязанности стали далекими воспоминаниями.

Каждый день с приближением вечера мы начинали искать место для ночлега. Особенно нам нравились частные апартаменты. Ими заправляли симпатичные вдовы-ирландки, которые в нас души не чаяли: подавали чай, стелили постель и всякий раз начинали разговор с одного вопроса: «Ну что, скоро вы планируете пополнение в семействе?» А потом они оставляли нас в спальне, закрывая за собой дверь, и понимающе улыбались.

Мы с Дженни решили, что в Ирландии существует национальный закон, согласно которому все кровати для гостей должны находиться напротив огромного изображения либо Папы, либо Девы Марии. В некоторых домах присутствовало и то и другое. В одном месте даже нашлись огромные четки, они свисали с передней спинки кровати. Ирландский закон безбрачия для путешественников также гласил, что все кровати для гостей должны быть максимально скрипучими, чтобы поднимать тревогу, едва один из занимающих ее людей попытается хотя бы повернуться на другой бок.

Все было задумано так, чтобы обстановка была не более соблазнительной для любовных отношений, чем монастырь. Мы находились в чужом доме, – очевидно, доме ревностного католика – с тонкими стенами, скрипучей кроватью, статуями святых и непорочных дев и любопытной хозяйкой, которая, как мы могли поклясться, несла вахту с обратной стороны двери. Все это делало место нашего ночлега наименее подходящим в списке самых благоприятных мест для секса, что, естественно, с новой силой разбудило во мне страсть к жене.

Мы выключали свет, заползали под одеяло (пружины под нами нещадно скрипели), и я клал руку на грудь жены или гладил ее живот.

– Ни в коем случае! – шептала она.

– Почему нет? – удивлялся я в ответ.

– Ты что, рехнулся? Миссис О’Флаэрти находится прямо за стеной.

– Ну и что?

– Мы не можем!

– Конечно, можем.

– Она все услышит.

– Мы тихо.

– Ну да, конечно!

– Обещаю. Мы будем только двигаться.

– Ладно, давай только сначала закроем рубашкой или чем-то еще лицо Папы, – говорила она, наконец уступая. – Я не

могу, когда он пялится на нас.

И вдруг секс показался таким... таким противозаконным! Будто я снова учусь в школе и все делаю украдкой, а моя мать подозрительно смотрит на меня. Пойти на риск и заняться сексом в этой среде значило рискнуть и быть подвергнутым публичному унижению за общим завтраком на следующее утро. Это был риск увидеть, как миссис О'Флаэрти, подавая яичницу с помидорами, приподнимает бровь и того и гляди спросит с хитрой усмешкой: «Ну, как вам спалось?»

Вся территория Ирландии была Зоной сексуальных запретов. Это и стало нужным мне стимулом. Все путешествие мы спаривались, как кролики.

Однако Дженни не могла перестать волноваться за нашего оставшегося дома большого малыша. Каждые несколько дней она бросала пригоршню монет в телефон-автомат и звонила домой, чтобы выслушать отчет Кэти. Я стоял рядом с телефонной будкой и слушал реплики Дженни.

«Он правда это сделал?.. Серьезно?.. Прямо на дорогу?.. Но с тобой ведь все в порядке?.. Слава богу... Я бы тоже закричала... Что? Твои туфли?.. О нет! *Еще* и сумочку?.. Конечно, мы компенсируем... Вообще ничего не осталось?.. Конечно, купим новые... Что он?.. Жидкий цемент, говоришь? Да как такое вообще могло произойти?!»

И так далее в том же духе. Каждый звонок выливался в длинный перечень проступков Марли, один хуже другого, многие удивляли даже нас, закаленных бойцов собачьего

фронта. Марли был безнадежным учеником, а Кэти несчастной практиканткой. И ему это очень нравилось.

Когда мы вернулись домой, Марли выскочил нам навстречу. Измученная, уставшая Кэти стояла в дверях. На ее лице было отсутствующее выражение, как у контуженного после особенно безжалостной битвы солдата. На крыльце стояла ее собранная сумка, а в руке она держала ключ от машины, будто не могла дождаться момента, когда ей разрешат уйти. Мы вручили ей подарки, долго благодарили и велели не беспокоиться за съеденные Марли шторы и остальной ущерб. Она вежливо попрощалась и поехала к себе.

Как нам показалось, Кэти вообще не смогла оказать какое-либо давление на Марли, и пес совершенно вышел из-под контроля. А с каждой победой он становился все смелее. Он совершенно забыл команду «рядом» и тащил за собой Кэти куда ему заблагорассудится. Он отказывался бежать к ней. Он хватал все, что хотел, – туфли, сумочки, подушки – и не отдавал. Он таскал еду с ее тарелки. Он рылся в мусоре. Он даже пытался завладеть ее кроватью. Он решил, что пока «родители» в отъезде, он отвечает за дом, и не терпел, чтобы какая-то кроткая жиличка использовала служебное положение в личных целях и положила конец его веселью.

– Бедная Кэти, – сказала Дженни, – видок у нее был немного разбитый, тебе не кажется?

– Убитый, так точнее.

– Наверное, не стоит второй раз просить ее посидеть с

Марли.

– Да уж, – ответил я. – Это не самая лучшая идея. Повернувшись к Марли, я сказал:

– Медовый месяц закончился, Босс. С завтрашнего дня возобновляем тренировки.

На следующее утро мы с Дженни поехали на работу. Но сначала я надел на Марли сдерживающий поводок и вывел его гулять. Он немедленно рванул вперед, даже не пытаясь делать вид, что пойдет рядом.

– О, как все запущено, – протянул я, дернув поводок к себе со всей силы, и сбил Марли с ног. Он поднялся, откашлялся, виновато посмотрел на меня, словно пытаясь сказать: *Ладно, ладно, не сердись из-за ерунды. Просто Кэти не возражала против того, чтобы я тянул ее на буксире.*

– Привыкай, – ответил я, усадив его.

Я отрегулировал поводок так, чтобы он прикреплялся к ошейнику сверху, то есть с наибольшим эффектом.

– Итак, давай снова.

Он посмотрел на меня с холодным скептицизмом.

– Марли, рядом! – приказал я, бодро шагнув с левой ноги и держа пса на коротком поводке так, что моя левая рука почти касалась ошейника. Он двинулся вперед, пошатываясь, а я резко дергал, беспощадно затягивая регулируемый поводок.

– Так вот как ты пользовался слабостью несчастной женщины, – пробурчал я, – тебе должно быть стыдно.

К концу прогулки моя хватка была настолько сильной, что суставы пальцев побелели, зато я наконец-то убедил Марли, что мои намерения серьезны. Это была не игра, а скорее жизненно важный урок на тему о том, что каждое действие имеет свои последствия. Когда пес бросался вперед, поводок перекрывал ему кислород. Каждый раз, без исключений. Если он подчинялся и шел рядом, я ослаблял поводок, и Марли чувствовал, что цепочка свободно болтается вокруг его шеи. Вперед – удушье, рядом – дыхание. Это оказалось доступно даже Марли. Прогуливаясь по велосипедной дорожке, мы снова и снова повторяли последовательность. Вперед – удушье, рядом – дыхание. Постепенно до него стало доходить, что я хозяин, а он домашнее животное, и что впредь порядок будет именно такой. Когда мы повернули к дороге, мой непокорный пес уже трусил подле меня, – не идеально, но приемлемо. Впервые в жизни! Я поздравил себя с победой.

– О да, – радостно пропел я, – командир вернулся!

Через несколько дней Дженни позвонила мне на работу. Она только что вернулась от доктора Шермана.

– Ирландское счастье, – объявила она. – Мы снова сделали это.

ГЛАВА 11

Все, что он съел

Эта беременность была совсем другой. Выкидыш преподавал нам несколько важных уроков, и на этот раз мы не собирались повторять прежних ошибок. Прежде всего, мы с самого начала хранили тайну так, как будто бы это была дата важнейшей военной операции. За исключением врачей и медсестер Дженни, мы не доверились ни одной живой душе, даже родителям. Когда к нам приходили друзья, Дженни потягивала из винной рюмки виноградный сок, чтобы не вызвать подозрений. Помимо секретности, мы и сами стали более сдержанны в проявлениях своей радости, даже оставаясь наедине. В разговорах друг с другом мы начинали предложения не иначе как: «Если все пройдет нормально...» или «При условии, что все будет хорошо...», словно боялись сглазить беременность излишне сентиментальными излияниями. Мы не выпускали нашу радость наружу, опасаясь, что впоследствии она обернется несчастьем и больно ужалит нас.

Мы убрали все химикаты и пестициды, не собираясь наступать на те же грабли. Дженни стала приверженцем натуральных очистителей, таких как уксус, который сгодился даже на то, чтоб чистить стены от слюны Марли. Мы обнару-

жили, что борная кислота, белый порошок, смертельный для жуков и безопасный для человека, – прекрасное средство против блох. Если же все-таки требовалось применение химических средств, мы доверяли эту работу профессионалам.

Дженни вставала на рассвете и выводила Марли на прогулку к воде. Я просыпался, только когда они уже возвращались, принеся с собой соленый запах океана. Моя жена стала эталоном крепкого здоровья во всем, кроме одного. Каждый день, причем в течение всего дня, ее тошнило, и она боялась, что ее вот-вот вывернет наизнанку. Но Дженни не жаловалась, наоборот, казалось, она радуется каждому приступу тошноты, поскольку это был знак того, что важный процесс внутри нее протекает нормально.

И это было действительно так. На этот раз Эсси взяла мою видеопленку и записала первые, неясные, зернистые изображения нашего ребенка. Мы слышали, как бьется его сердце, как пульсируют четыре маленькие сердечные камеры. Мы увидели очертания его головки и сосчитали все четыре конечности. В кабинете УЗИ неожиданно появился сам доктор Шерман, огласивший, что все идет прекрасно. Он посмотрел на Дженни и своим раскатистым голосом спросил:

– Детка, ты чего плачешь? Ты должна радоваться! Эсси легонько стукнула его своим блокнотом:

– А ну-ка, ступайте отсюда, оставьте ее одну.

Затем она перевела взгляд на Дженни, будто бы говоря: «Ох уж эти мужчины, они совсем ничего не понимают!»

Что ж, когда дело дошло до совместной жизни с беременной женщиной, я действительно перестал что-либо понимать. Я не приставал к Дженни, сочувствовал ее тошноте и боли, старался не слишком явно гримасничать, когда она настаивала на том, чтобы почитать мне вслух книгу «В ожидании ребенка». Я говорил ей комплименты типа: «Ты выглядишь потрясающе. Правда. Как стройный маленький магазинный воришка, который засунул баскетбольный мяч под майку». Я даже делал все возможное, чтобы не замечать ее все более странного и неординарного поведения. Через некоторое время я был на короткой ноге с работниками ночной смены круглосуточного супермаркета, потому что мог в любое время суток заявиться, чтобы купить мороженого, яблок, пучок сельдерея или жевательную резинку с таким вкусом, о существовании которого я и не подозревал.

– Вы уверены, что это чесночный вкус? – спрашивал я. – Жена сказала, что надо обязательно со вкусом чеснока.

Как-то вечером, когда Дженни была на пятом месяце, ей взбрело в голову, что пора купить носочки для ребенка. Конечно, они нужны, согласился я, и, конечно, когда придет срок, мы купим все необходимое. Но она имела в виду не то, что они нам нужны через несколько месяцев, она сказала, что носочки нужны прямо сейчас.

– Нам нечего будет надеть малышу на ножки, когда мы повезем его из роддома, – произнесла она дрожащим голосом.

Не важно, что до окончания ее срока еще четыре месяца.

Не важно, что к тому времени на улице будут студеные плюс тридцать два. Не важно, что даже такой болван, как я, знает, что после выхода из материнского чрева ребенок будет с ног до головы закутан в пеленку.

– Милая, ну хватит, – сказал я. – Будь разумнее. Сейчас воскресный вечер, восемь часов. Где я должен искать носочки для малыша?

– Нам нужны носочки, – повторила она.

– У нас впереди куча времени, чтобы купить их, – стоял я на своем. – Недели, даже месяцы.

– Я так и вижу его голенькие крошечные пальчики, – захныкала она.

Спорить было бесполезно. Я долго колесил по окрестностям, ворча сквозь зубы, пока не нашел круглосуточный гипермаркет, где и купил пару веселеньких носочков, настолько смехотворно крохотных, что их можно было принять за грелки для больших пальцев. Когда я приехал домой и вытряхнул их из сумки, Дженни успокоилась. Наконец-то у нас были носки. Слава богу, мы успели отхватить последнюю пару, пока не иссяк государственный стратегический запас, что могло случиться в любой момент без предупреждения. Крошечные пальчики нашего ребенка теперь в безопасности. Можно было лечь спать.

По мере того как проходила беременность, я продолжал заниматься с Марли. Каждый день я работал с ним, и теперь сам уже мог повеселить друзей, крикнув «Лежать!» и про-

демонстрировав, как Марли, будто подкошенный, падает лапами кверху. Он правильно выполнял команды (если только не появлялся иной объект, поглощавший его внимание, например, другая собака, кошка, белка, бабочка, почтальон или плывущие по воде водоросли); он садился (если только ему не очень хотелось стоять) и держался рядом (пока не появлялось что-то настолько соблазнительное, что стоило маленького удушья ошейником, – собаки, кошки, белки, см. выше). Он делал успехи, но это не значило, что он повзрослел и стал спокойной, хорошо воспитанной собакой. Если я грозно возвышался над ним и решительно выкрикивал команды, он подчинялся, иногда даже с радостью. Тем не менее основные черты его характера оставались неизменными.

Вдобавок он с завидным аппетитом ел манго, которые кучами валялись на земле в нашем садике. Каждый плод весил полкило или даже больше и был настолько сладким, что после него начинали болеть зубы. Марли ложился на траву и, зажав спелый плод передними лапами, начинал выгрызать зубами мякоть. Большие куски у него в пасти походили на лепешки, но когда он окончательно выплевывал их, было похоже, что их подержали в кислотной ванне. Иногда он валялся в саду часами, полностью поглощенный своей фруктовой страстью.

Как и в случае с каждым любителем фруктов, кое-что в его организме начало меняться. И вскоре наш задний дворик оказался весь в огромных лепешках жидких, ярких соба-

чьих экскрементов. Единственным преимуществом этой ситуации являлось следующее: чтобы случайно наступить в эти лепешки, нужно было быть совершенно слепым. А когда поспел весь урожай манго, они стали напоминать цветом светоотражающие оранжевые указатели дорожных ремонтников.

Он ел и другие вещи, и они тоже выходили из него. Свидетельства я наблюдал каждое утро, когда убирал задний двор. Здесь пластмассовый солдатик, там резинка. В одном месте покоробившаяся пробка от бутылки содовой. В другом – изжеванный колпачок от ручки. «Так вот куда подевалась моя расческа!» – воскликнул я однажды.

Марли поедал банные полотенца, губки, носки и салфетки. Особенно он любил синие бумажные полотенца, которые, пройдя обработку в кишечнике, походили на голубые флаги, венчавшие каждую оранжевую горку.

Но не все съеденное выходило из Марли по доброй воле, поэтому его тошнило легко и часто, будто больного булимией. Мы слышали, как он издает громкое *гааак!* в соседней комнате, бросались туда, но к этому времени очередной предмет уже плавал в луже непереваренных манго и собачьего корма. Поскольку Марли был прекрасно воспитан, он никогда не блевал на деревянный пол или хотя бы на кухонный линолеум, если мог сдержаться. Он всегда целился на персидский ковер.

У нас с Дженни сформировалось дурацкое убеждение, что хорошо бы иметь собаку, которую можно оставлять дома од-

ну на короткое время. Запирать Марли в гараже каждый раз, когда мы уходим, становилось утомительно, к тому же, как сказала Дженни: «Какой смысл заводить собаку, если она не встречает тебя у дверей?» Мы знали, что нельзя оставлять его дома одного, если существовала хоть ничтожная вероятность грозы. Он доказал, что даже под действием собачьих успокоительных его энергии хватит, чтобы прорыть тоннель до Китая. Однако при ясной погоде не хотелось запирать его в гараже, если мы отсутствовали всего несколько минут.

Мы начали оставлять его одного, пока ходили в магазин или забегали к соседям. Иногда он вел себя хорошо, и, когда мы возвращались, все вещи в доме были целы. В такие дни мы сразу замечали черный нос Марли, высунутый из-под жалюзи: он смотрел в окно гостиной, ожидая нас. В другие дни он вел себя не так идеально, и мы знали, что нас ждут проблемы, еще до того, как открывали дверь: пес не встречал нас у окна, а где-то прятался.

Как-то, на шестом месяце беременности Дженни, мы отсутствовали час и, вернувшись, обнаружили Марли под кроватью. Он действительно должен был натворить что-то ужасное, чтобы суметь протиснуться туда при его размерах, например, насмерть загрызть почтальона. Чувство вины прямо-таки исходило от него волнами. На первый взгляд дом был цел, но мы знали: Марли скрывает от нас что-то нехорошее и ходили из комнаты в комнату, пытаясь прояснить, что же он натворил. И тут я заметил, что у одной из музы-

кальных колонок отсутствует пластиковый корпус. Мы везде его искали, но он исчез бесследно. Марли это могло «сойти с лап», если бы я не нашел неопровержимое доказательство его вины во время уборки в саду следующим утром. Остатки корпуса колонки выходили из него не один день.

Во время следующей нашей отлучки Марли, как заправский хирург, удалил из той же колонки динамик. Сама колонка не была опрокинута или хоть как-то повреждена, динамик просто пропал, будто его отрезали лезвием бритвы. Чуть позже Марли проделал то же самое и с другой колонкой. А однажды, придя домой, мы обнаружили, что наша четырехногая табуретка стала теперь трехногой, причем остатков пропавшей ножки – ни единой щепки – не обнаружилось нигде.

Мы могли поклясться, что в Южной Флориде не может пойти снег, но однажды, распахнув дверь гостиной, увидели настоящий буран. В воздухе летали мягкие, пушистые хлопья. Сквозь них мы разглядели Марли, который сидел возле камина, наполовину зарывшись в пуховый сугроб, и неистово тряс из стороны в сторону большую пуховую подушку, будто бы это был страус, которого он только что поймал.

В жизни каждого собаководы хоть раз случается нечто, в результате чего из-за собаки страдают фамильные реликвии. По большей части мы смотрели на причиненный ущерб философски. Только однажды я готов был в буквальном смысле вскрыть Марли, чтобы достать то, что по праву принадле-

жало нам.

Я подарил Дженни на день рождения изысканную цепочку из 18-каратного золота с крошечным замочком, которую она тотчас же надела. Однако через несколько часов она коснулась шеи рукой и вскрикнула:

– Цепочка! Она пропала!

Наверное, замок сломался или же он изначально был ненадежным, подумал я.

– Не расстраивайся, – успокоил я ее. – Мы не выходили из дома. Она должна быть где-то здесь.

Мы начали прочесывать дом, комнату за комнатой. И чем дальше мы искали, тем сильнее мне бросалось в глаза, что Марли был более возбужденным, чем обычно. Я посмотрел на него. Он извивался ужом и, как только заметил, что завладел моим вниманием, попытался убежать. «*О нет*, – подумал я, – мамба Марли!» Танец мог означать только одно.

– Что это, – спросила Дженни, и в ее голосе зазвучали панические нотки, – болтается у него изо рта?

Это что-то было тонким и изящным. И золотым.

– Вот черт! – прошипел я.

– Не делай резких движений, – приказала она, понизив голос до шепота. Мы оба замерли.

– Ладно тебе, песик, все нормально, – начал я уговаривать его, чувствуя себя в роли спецназовца, освобождающего заложников. – Мы на тебя совсем не сердимся. Иди сюда. Мы всего лишь хотим получить назад цепочку.

Медленно двигаясь, мы с Дженни начали окружать его. Словно Марли лежал на минном поле, и одно неверное движение могло привести к взрыву.

– Спокойно, Марли, – сказала Дженни ровным тоном. – Спокойно. Выплюнь ее, и никто не пострадает.

Марли подозрительно смотрел то на меня, то на Дженни. Мы загнали его в угол, но он знал: у него есть то, что нам позарез необходимо. Я наблюдал за тем, как он взвешивает свои шансы, возможно, обдумывает требования выкупа. *Оставьте двести новеньких игрушечных косточек в обыкновенном бумажном пакете или вы никогда больше не увидите свою драгоценность.*

– Выплюнь ее, Марли, – прошептал я, сделав еще один маленький шаг вперед. Пес задрожал. Я постепенно подкрадывался ближе. Незаметно заходила со своего фланга и Дженни. Мы вышли на ударную позицию. Не произнося ни слова, мы переглянулись, зная что нужно делать. Бесчисленное множество раз мы осуществляли процедуру «возврата ценностей». Дженни прыгала с тыла, прижимая задние лапы Марли к полу, чтобы предотвратить побег. Я хватал голову, стараясь разжать его челюсти и изъять контрабандный товар. Если удача была на нашей стороне, мы справлялись за несколько секунд. Таким был наш план, и Марли видел, что мы готовы перейти к его исполнению.

До Марли оставалось около полуметра. Я кивнул Дженни и, не шевеля губами, промычал: «На счет три». Однако за

миг до того, как мы рванулись с места, пес запрокинул голову назад и громко причмокнул. Конец цепочки, свешивавшийся у него из пасти, исчез.

– Сейчас проглотит! – закричала Дженни. Мы прыгнули одновременно: Дженни схватила его за задние лапы, а я за морду. Я разжал его челюсти и засунул руку в глотку по локоть. Я ощупал все стенки и все щели, но везде было пусто.

– Слишком поздно, – сказал я. – Проглотил.

Дженни принялась хлопать его по спине с криком: «А ну схаркни ее, черт тебя подери!» Но все было бесполезно. Единственное, что ей удалось из него выбить, была громкая благородная отрыжка.

Возможно, Марли выиграл первое сражение, но мы знали, что, в конце концов, победа будет за нами. Зов природы был на нашей стороне. Рано или поздно все, что вошло внутрь, должно выйти наружу. Какой бы противной ни казалась эта мысль, я знал, что, если потратить достаточно времени и исследовать содержимое его экскрементов, цепочка найдется. Будь это, скажем, серебряная или хотя бы позолоченная вещь, чувство отвращения, наверное, пересилило бы, но цепочка из чистого золота обошлась мне в приличную сумму. Так что мучило меня от подобной перспективы или нет, но настроен я был решительно.

Я приготовил Марли его любимое слабительное – огромную миску переспелых порезанных манго – и запасся терпением. Три дня я ходил за ним по пятам с совком, когда

выпускал во двор, с нетерпением готовясь подхватить иско-
мое. Вместо того чтобы выбрасывать наложенную кучку под
забор, я осторожно перекидывал каждую на широкую дос-
ку, удерживал ее веточкой и поливал из шланга, постепен-
но смывая переваренное в траву и выбирая все инородные
предметы. Я чувствовал себя золотоискателем с ситом в ру-
ках и то и дело находил среди проглоченных Марли пред-
метов настоящие клады, от шнурков до гитарных струн. Од-
нако цепочки все не было. Где же, черт подери, она застря-
ла? Пора бы ей уже появиться! Мне начинало казаться, что я
пропустил ее и по ошибке смыл в траву – а уж там она зате-
рялась навсегда. Но разве я мог просмотреть золотую цепоч-
ку длиной 50 сантиметров? Дженни, сидя на веранде, следи-
ла за моими поисками с величайшим интересом и даже ча-
стенько обращалась ко мне новым, выдуманном ею по слу-
чаю прозвищем. «Эй, Ассенизатор, ну как успехи?» – кри-
чала она.

На четвертый день моя настойчивость принесла резуль-
тат. Я собрал последнюю кучку Марли, повторяя свой еже-
дневный рефрен: «Не могу поверить, что я этим занима-
юсь!» – и принялся разрывать и поливать ее. Кучка таяла, а я
все искал следы цепочки. Тщетно. Я уже был готов сдать-
ся, как вдруг заметил что-то странное: маленький коричневый
комоч размером примерно с фасолину. Он никоим образом
не соответствовал размеру утраченной драгоценности, но и
не походил ни на один известный мне предмет. Наколов ко-

мок на прутик-зонд, который я официально окрестил дерьмовой палкой, я хорошенько полил его из шланга. По мере того, как вода смывала лишнее, таинственный предмет начинал блестеть все ярче. Эврика! Я нашел золото!

Цепочка была возмутительно мала, во много раз меньше той, какую я покупал. Складывалось такое впечатление, что ее засосала какая-то неведомая враждебная сила, похожая на космическую черную дыру. На самом деле это предположение не было далеко от истины. Сильная струя воды размягчила затвердевшую кучку, и постепенно золотой комочек показался целиком, распутанный и невредимый. Как новенький. Нет, вообще-то гораздо лучше, чем новый. Я понес цепочку в дом показать Дженни: она пришла в полный восторг, несмотря на довольно сомнительное путешествие, которое проделало украшение. Мы оба поражались, как ослепительно блестело теперь украшение, гораздо более ярко, чем прежде. Желудочные кислоты Марли проделали удивительную работу. Это было самое яркое изделие из золота, которое я когда-либо видел.

– Боже мой, – присвистнул я. – Нам надо открыть пункт чистки ювелирных изделий.

– Сорвем куш с богатых вдовушек Палм-Бич, – согласилась Дженни.

– О да, милые дамы, – начал попугайничать я, имитируя приторный тон продавцов, – наш секретный запатентованный процесс уникален! С помощью метода Марли мы при-

дадим вашим драгоценностям такой ослепительный блеск, о котором вы и не мечтали.

– У нас хорошие шансы, – усмехнулась Дженни и отправилась дезинфицировать спасенный подарок.

Она носила цепочку многие годы, и каждый раз, когда я ее видел, в воображении живо вспыхивало воспоминание о моей короткой и удивительно успешной карьере в сфере чистки золотых изделий. Ассенизатор и его надежная дерьмовая палка сделали то, что еще не удавалось никому. И не удастся.

ГЛАВА 12

Добро пожаловать в родильное отделение для нищих

Первый ребенок в семье рождается не каждый день, так что когда в больнице Святой Марии, что в Вест-Палм-Бич, нам предложили доплатить за родильную палату более высокого класса, мы согласились. Эти палаты были похожи на гостиничные номера люкс – просторные, светлые, обставленные прекрасной мебелью, имитирующей натуральное дерево, с красивыми обоями с цветным рисунком, занавесками, джакузи и специальным удобным диваном для будущих пап, который легко раскладывался. Вместо стандартного больничного меню пациенткам здесь предлагали широкий выбор деликатесов. Можно было даже заказать бутылку шампанского, хотя эта привилегия относилась только к отцам, ибо кормящим матерям разрешалось сделать лишь один символический глоток в честь новорожденного.

– Ого, мы будто в отпуске! – отметил я, пружиня на «отцовском» диване. Мы заехали осмотреть палату за несколько недель до предположительной даты родов.

Палаты предназначались для преуспевающих бизнесменов и приносили больнице немалые прибыли: парочки, которые были в состоянии заплатить больше стандартной стра-

ховой выплаты по ведению родов, были рады занять здесь место. Излишество, согласились мы, но почему бы и нет?

Однако, когда в назначенный час мы, нагруженные сумками, приехали в больницу, нам сказали, что есть маленькая проблема.

– Проблема? – переспросил я.

– Похоже, сегодня благоприятный день для рожениц, – весело отозвалась медсестра. – Все родильные палаты заняты.

Заняты? Это же самый важный день в нашей жизни! А как же удобный диванчик, романтический ужин для двоих, шампанское и тост?

– Мы ведь забронировали палату несколько недель назад! – возмутился я.

– Мне очень жаль, – ответила женщина с полным отсутствием и проблеска сожаления на лице. – Мы же не можем точно знать, когда у какой пациентки начнутся роды.

Медсестра привела весомый довод, и, похоже, спорить было бессмысленно. Она проводила нас на другой этаж, где находились стандартные больничные палаты. Но когда мы добрались до родильного отделения, медсестра, которая дежурила там, обескуражила нас еще сильнее.

– Вы не поверите, но все до единой палаты заняты, – сказала она. Нет, не может быть. Дженни вроде бы спокойно приняла эту новость, но я вспылил:

– И что вы предлагаете? Рожать на автостоянке? Медсестра, глядя на меня, спокойно улыбалась – видимо, была хоро-

шо знакома с эксцентричными выходками будущих отцов:

– Не волнуйтесь, мы найдем для вас место.

Она сделала несколько телефонных звонков, и, наконец, мы пошли по длинному коридору вниз, пройдя несколько двойных дверей. В итоге мы оказались в родильном отделении, зеркальном подобии того, которое только что покинули: здесь пациентками были явно не консервативные зажиточные члены общества. Мы слышали, как медсестры говорили с роженицами на испанском и видели застывших в нервном ожидании загорелых до черноты мужчин, тербящих соломенные шляпы мозолистыми руками. Округ Палм-Бич – место отдыха неприлично богатых людей, но мало кто знает, что это также и район ферм, расположенных на некогда заболоченных землях. Каждый год тысячи сезонных рабочих, особенно из Мексики и Центральной Америки, приезжают в Южную Флориду для сбора урожая перца, помидор, салата и сельдерея. Зимой все это поставляется на Восточное побережье. Похоже, мы обнаружили, где появлялись на свет дети этих мигрантов. Время от времени мучительный женский крик пронзал тишину, за ним следовали ужасные стоны. Все это напоминало фильм ужасов. Дженни побледнела, как привидение.

Медсестра проводила нас в небольшое помещение, где стояли одна кровать, один стул и куча электроники, и подала Дженни сменную одежду.

– Добро пожаловать в родильное отделение для нищих, –

примчавшись через несколько минут, весело пробасил доктор Шерман. – И не смущайтесь тем, что здесь только стены да потолок.

В палатах стояло самое современное оборудование и там работали опытнейшие акушерки больницы. Поскольку бедные женщины часто не имели возможности позаботиться о себе, их роды были самыми трудными.

– Вы попали в хорошие руки, – уверял нас доктор Шерман, пока осматривал Дженни. А потом он исчез так же быстро, как появился.

В самом деле, когда рассвело и у Дженни начались регулярные схватки, мы поняли, что действительно попали в хорошие руки. Медсестры оказались опытными профессионалами. Они излучали уверенность, заботливо относились к роженице, проверяя пульс ребенка и помогая Дженни. Я беспомощно стоял в стороне, стараясь поддержать жену, но из этого мало что выходило. Один раз Дженни прорычала на меня сквозь сжатые зубы: «Если ты еще раз спросишь у меня, как дела, я ВРЕЖУ ТЕБЕ ПО МОРДЕ!» Наверное, я выглядел очень уязвленным, потому что одна из медсестер подошла ко мне, с сочувствием потрепала по плечу и сказала: «Добро пожаловать на роды, папочка. Все приходит с опытом».

Иногда я выходил из комнаты, присоединяясь к другим мужчинам, ожидавшим в холле. Каждый из нас, прижав ухо к двери той палаты, где рожала его жена, слушал ее крики и

стоны. Я чувствовал себя немного глупо в своей спортивной рубашке цвета хаки с короткими рукавами и легких туфлях, но вроде бы работники ферм ничего против меня не имели. Вскоре мы уже по-братски улыбались и кивали друг другу. Они не говорили по-английски, а я по-испански, но это не имело значения. Мы переживали эти моменты вместе.

Или почти вместе. В тот день я узнал, что в Америке обезболивающее – роскошь, а не необходимость. Тем, кто мог себе это позволить (или чья страховка покрывала эти расходы, как было в нашем случае), делались инъекции обезболивающих. Примерно через четыре часа после начала родов к Дженни приехал анестезиолог: он ввел инъекционный шприц и прикрепил его к капельнице. Через несколько минут нижняя половина тела Дженни онемела, и она удобно устроилась на кровати. Мексиканкам, лежавшим в соседних палатах, повезло меньше. Им приходилось рожать старым бабкиным способом, так что их дикие крики продолжали звенеть в воздухе.

Шли часы. Дженни тужилась. Я поддерживал ее. Наконец, когда на улице стемнело, я вышел в коридор, держа на руках нечто, похожее на крошечный футбольный мячик, замотанный в кучу пеленок. Я поднял своего новорожденного сына над головой, и мои новые друзья, увидев его, прокричали: «Es el niño!»² Другие папаши тоже широко улыбались и поднимали вверх большие пальцы в знак одобрения, понят-

² Вот и малыш! (исп.) – Прим. пер.

ный на любом языке. В отличие от наших жарких баталий по поводу клички для собаки, мы легко и почти мгновенно подобрали имя нашему первенцу. Мы назвали его Патриком, по имени первого Грогэна, прибывшего в Соединенные Штаты из ирландского графства Лимерик. К нам зашла медсестра, сообщив, что послеродовая палата наверху освободилась. Казалось, сейчас менять комнату было бессмысленно, но сестра помогла Дженни сесть в кресло-коляску, положила ей на руки нашего сына и быстро увезла обоих. Деликатесы нам, в общем-то, и не понадобились.

В те недели, которые оставались до родов Дженни, мы с ней проводили долгие стратегические совещания по поводу, как лучше всего приучить Марли к присутствию новорожденного, который сразу же отнимет у собаки неоспоримую доселе роль любимца семьи. Не хотелось сильно расстраивать пса. Мы уже наслушались историй про то, что собаки при появлении детей становятся жутко ревнивыми и действуют недопустимым образом: описывают подарки ребенка, переворачивают его кроватку или даже проявляют открытую агрессию, в результате от собаки приходится просто избавляться. Когда мы переоборудовали свободную спальню в детскую, мы предоставили Марли полный доступ к детской кроватке и всем принадлежностям. Он нюхал их, пачкал слюной и лизал до тех пор, пока его любопытство не было удовлетворено. За те 36 часов после родов, что Дженни предстояло оставаться в больнице, я частенько навещал

Марли, вооружившись пеленками или другими предметами с запахом ребенка. Однажды я даже притащил ему использованный подгузник, который он обнюхал с таким вниманием, что я испугался: вдруг он всосет содержимое через ноздри и потребуются дорогостоящее медицинское вмешательство.

Когда я, наконец, привез мать и сына домой, Марли уже успел все забыть. Дженни положила малыша Патрика, заснувшего в люльке, на середину нашей кровати и пошла со мной в гараж поздороваться с Марли. Нас ждала шумная встреча. Когда Марли успокоился и перешел от безумного буйства к просто высшей стадии счастья, мы привели его в дом. В наш план входило заниматься своими делами, не указывая ему на ребенка в открытую. Мы просто будем болтаться рядом, позволяя ему самому постепенно обнаружить новоприбывшего.

Марли пошел за Дженни в спальню, засовывая свой нос в ее сумку, пока она распаковывалась. Ясное дело, он понятия не имел, что на нашей кровати находится живое существо. И тут Патрик едва пошевелился и издал тихий звук, напоминающий писк птенца. Уши Марли поднялись, и он замер. *Откуда этот звук?* Патрик снова пискнул, и Марли приподнял одну лапу, как охотничья собака. Боже мой, он сделал стойку на нашего ребенка, словно перед ним была... добыча. В этот момент я вспомнил перьевую подушку, которую пес порвал с такой жестокостью. Он ведь не мог быть настолько тупым, чтобы принять ребенка за фазана, правда?

И тут он рванулся вперед. Но это не был свирепый бросок с целью «убить врага», он не оскалился и не зарычал. Но и на прыжок – приветствие новому приятелю это тоже не было похоже. Он ударился грудью о матрас с такой силой, что кровать поехала по полу. Патрик проснулся и широко открыл глазки. Марли попятился и снова прыгнул вперед, на этот раз его морда оказалась в считанных сантиметрах от пальчиков ног новорожденного. Дженни бросилась к ребенку, а я метнулся к Марли и обеими руками стал оттащить его за ошейник назад. Пес был вне себя, он всеми силами старался добраться до нового создания, которое непонятным образом попало в нашу святая святых. Он поднимался на задние лапы, и мне приходилось тянуть его за ошейник, чувствуя себя одиноким ковбоем из одноименного сериала рядом со своей верной Сильвер. «Ладно, все прошло не так уж плохо», – сказал я.

Дженни взяла Патрика на руки, я зажал Марли коленями и крепко взял его за ошейник обеими руками. Но даже Дженни видела, что Марли не собирался причинять малышу вред. Он все пыхтел со своей дурацкой улыбкой на морде, его глаза сияли, а хвост энергично вилял. Пока я удерживал Марли, Дженни постепенно подходила все ближе, сначала позволяя псу понюхать пальчики ребенка, потом ножки, памперс и попку. Бедному крохе исполнилось всего полтора дня от роду, а он уже подвергся атаке со стороны пасти-пылесоса. Когда Марли добрался до подгузника, казалось, он перешел

на другой уровень сознания, впал в какой-то транс, вызванный запахом памперса. Он попал в рай. Собака определенно была в эйфории.

– Марли, одно неверное движение, и я тебя отлуплю, – предупредила Дженни с твердым намерением осуществить задуманное.

Если бы он выказал хоть намек на агрессию по отношению к ребенку, он бы действительно превратился в отбивную. Но ничего подобного не произошло. Скоро мы поняли, что проблема была не в том, как не дать Марли причинить вред нашему очаровательному малышу, а в том, как удержать его подальше от бачка с использованными подгузниками.

Шли дни, недели, месяцы, и вот Марли начал признавать в Патрике своего лучшего друга. Как-то раз я выключал в доме свет перед сном и не мог нигде найти Марли. В конце концов я догадался заглянуть в детскую. Он действительно был там, лежал, растянувшись возле кровати Патрика: оба посапывали в унисон, как родные братья. Марли, наш горячий дикий жеребец, преображался рядом с Патриком. Казалось, он понимал, что перед ним хрупкий, беззащитный маленький человек, поэтому, когда они находились вместе, пес двигался осторожно и нежно облизывал его личико и ушки. Когда Патрик начал ползать, Марли спокойно ложился на пол, позволяя малышу взбираться на себя, как на скалу, тянуть за уши, тыкать в глаза и вырывать кусочки шерсти. Ничто из перечисленного его не раздражало – Марли просто застывал,

как изваяние. Рядом с Патриком он был нежным великаном, добродушно и покорно приняв роль второй скрипки.

Однако далеко не все одобряли нашу слепую веру в собаку. Люди видели в Марли дикого, непредсказуемого и мощного зверя – а вес его приближался уже к пятидесяти килограммам – и считали, что мы опрометчиво полагаемся на него, оставляя рядом с беззащитным ребенком. Моя мама твердо занимала эту позицию и не стесняясь говорила об этом нам. Ей было больно смотреть, как Марли облизывает ее внука. «Да ты хоть представляешь, где побывал этот язык?!» – вопрошала она риторически. Хмурясь, она предупреждала, чтобы мы никогда не оставляли собаку и ребенка в одной комнате наедине. Древний охотничий инстинкт может внезапно пробудиться. Если бы решение принимала она, то Марли и Патрика навсегда разделила бы бетонная стена.

Однажды, когда мама приехала из Мичигана навестить нас, я услышал из гостиной пронзительный крик. «Джон, сюда! – кричала она. – Собака кусает ребенка!» Полураздетый, я вылетел из спальни, но, прибежав в гостиную, увидел, что Патрик всего лишь весело качается на качельках. Марли лежал под ним. Пес действительно лязгал зубами на малыша, но все было совсем не так, как представила себе моя мама-паникерша. Марли помещался аккуратно по траектории полета Патрика и, уткнувшись носом в его подгузник, просто качал ребенка, подталкивая его под попку. Патрик визжал от удовольствия. «О, мам, все в порядке, – сказал я. – Просто

Марли очень нравится запах памперсов».

У нас с Дженни началась рутина. Ночью жена вставала каждые несколько часов, чтобы покормить и убаюкать Патрика, а в шесть утра его кормлением занимался я, чтобы она могла выспаться. Полусонный, я вынимал сына из кровати, менял подгузник и готовил молочную смесь в бутылочке. За этим следовал непосредственно процесс кормления: я сидел на веранде, прижимая к себе его крошечное, теплое тельце, а он в это время сосал бутылочку. Бывало, я склонял свою голову к его макушке и подремывал, пока он с аппетитом чмокал. Иногда я слушал радио и наблюдал, как утреннее небо превращается из розово-фиолетового в голубое. Когда Патрик наелся и отрыгивал, я одевался сам и одевал его, свистом подзывал Марли, и мы шли на утреннюю прогулку к океану. Мы купили легкую детскую коляску с тремя большими велосипедными колесами, которые позволяли нам проезжать где угодно, даже по песку и через бордюры. Наша троица представляла собой презабавное зрелище каждое утро! Марли бежал впереди коляски, словно шел в собачьей упряжке, я был в тылу, сдерживая активную собаку, а Патрик посредине радостно поднимал ручки вверх, будто полицейский, регулирующий уличное движение. К нашему возвращению Дженни уже просыпалась и ставила кофе. Мы сажали Патрика на высокий детский стульчик и насыпали ему на подносик немного сухого завтрака в виде колечек. Стоило нам отвернуться, как Марли клал голову боком на

этот поднос и языком, как лопатой, зачерпывал еду. *Ворует еду у ребенка*, думали мы, *как низко он падет в дальнейшем?* Однако Патрика, казалось, необыкновенно забавляла вся эта картина, и вскоре он научился кидать колечки вниз и смотреть, как Марли ползает по полу и съедает их. А если он ронял колечки себе на коленки, Марли совал голову под столик и пихал его в живот, пытаясь найти упавшее колечко и вызывая у ребенка взрывы смеха.

Мы поняли, что отцовство и материнство нам удаются. Мы вошли в роль родителей, наслаждались простыми семейными радостями и улыбались огорчениям, понимая, что даже неудачные дни вскоре превратятся в драгоценные воспоминания. У нас было все, чего мы только могли пожелать. Наш бесценный малыш. Наша собака-тупица. Маленький домик на побережье. И главное – все мы любим друг друга. В ноябре моя газета повысила меня до ведущего рубрики, желанной должности, благодаря которой мне три раза в неделю выделяли место на передних полосах, где я мог рассуждать на любые темы. Жизнь была прекрасна. Когда Патрику исполнилось девять месяцев, Дженни вслух поинтересовалась, когда мы начнем думать о втором ребенке.

– Господи, даже не знаю, – ответил я.

Мы всегда знали, что хотим иметь больше одного малыша, но я совершенно не задумывался о временных границах. Повторять еще раз все, через что мы прошли, казалось настоящим безумием.

– Предлагаю снова отказаться от противозачаточных, а там посмотрим.

– Ага, – кивнула Дженни с пониманием. – Старый добрый способ планирования семьи «будь что будет».

– Эй, не отвергай его, – сказал я. – Он же сработал!

Так мы и поступили. Мы посчитали, что если Дженни забеременеет не раньше следующего года, то все должно пройти нормально. Когда Дженни произвела вычисления, она сказала:

– Предположим, у нас будет полгода, чтобы зачать ребенка, плюс еще девять месяцев, чтобы выносить. Тогда разница в возрасте детей составит ровно два года.

Такая перспектива мне понравилась. Два года – это долгий путь. Два года казались почти вечностью. Два года были чем-то почти нереальным. Теперь, когда я уже показал, что способен исполнить мужскую обязанность по оплодотворению, давление было снято. Никаких забот, никаких стрессов. Будь что будет.

Через неделю Дженни залетела.

ГЛАВА 13

Крик в ночи

К вновь забеременевшей Дженни вернулась странная потребность есть по ночам. Один раз она заказала овощной сок, другой раз грейпфрут.

– А у нас есть сникерсы? – спросила она однажды около полуночи.

Похоже, мне снова предстояла изнурительная поездка в круглосуточный супермаркет. Я свистом подозвал Марли, прицепил поводок и отправился с ним в магазин. На автостоянке нам бросилась в глаза молодая блондинка с красивой прической, сочными бледно-лиловыми губами, на самых высоких каблуках, которые я когда-либо видел.

– О, он такой миленький! – проворковала она. – Привет, щеночек. Как тебя зовут, милашка?

Марли, само собой, был более чем счастлив завязать дружбу, но я с силой потянул его к себе, чтобы он ненароком не запачкал ее фиолетовую мини-юбку и белый топ.

– Ты просто хочешь поцеловать меня, собачка, правда? – сказала она, причмокнув несколько раз губами.

Пока мы болтали, я задавался вопросом, что эта привлекательная девушка делает на автостоянке по Дикси-хайвэй одна в такой час. Вроде бы у нее не было машины. И вроде бы

она не собиралась в магазин и не выходила из него. Она просто стояла там, словно привратник, который радостно приветствовал незнакомцев и их собак. Но почему она вела себя так дружелюбно? Красивые женщины никогда не знакомятся сами, по крайней мере, на автостоянках в полночь. Тут рядом притормозила машина, и водитель, человек средних лет, опустил стекло. «Ты Хизер?» – спросил он. Она одарила меня великолепной улыбкой, словно говоря: *«Тебе нужно чем-то заниматься, чтобы быть в состоянии платить за квартиру»*.

– Мне пора, – сказала она, прыгая в машину. – Пока, щечечек.

– Не особо влюбляйся, Марли, – предостерег я его, когда они отъехали. – Ты не сможешь себе ее позволить.

Через несколько недель в десять часов утра в воскресенье, когда я прогуливался с Марли до того же магазина за газетой *Miami Herald*, к нам снова подошли, на этот раз две девушки, скорее подростки.

Было видно, что они напряжены и нервничают. Они не отличались яркой внешностью, да и не прикладывали усилий, чтобы выглядеть лучше, чем на самом деле. Вид у обеих был совершенно отчаявшийся, по-видимому, им не удалось заработать на очередную порцию наркотика.

– Гарольд? – обрательась ко мне одна из них.

– Не-а, – ответил я, подумав в тот момент: неужели вы действительно думаете, что какой-нибудь парень отправится

снимать девочек, взяв с собой лабрадора? Каким же извращенцем представляли меня эти соплюшки! Когда я взял газету из автомата перед магазином, подъехала машина – думаю, это был Гарольд, – и увезла девчонок прочь.

Я был не единственным свидетелем активной торговли телом по Дикси-хайвэй. Когда к нам приехала моя старшая сестра, одетая скромно, как монашка, она решила погулять в обед, ее дважды пытались «снять» какие-то мужики в автомобилях. В другой раз гость, приехавший к нам на автомобиле, сообщил, что какая-то женщина, стоящая на обочине шоссе, показала ему свои груди без всякого на то повода с его стороны.

В ответ на жалобы жителей мэр пообещал публиковать в газетах имена мужчин, арестованных за пользование услугами проституток, и полиция начала прочесывать улицы и расставлять на каждом углу переодетых женщин-агентов, ожидая, что потенциальные клиенты клюнут. Эти полицейские в юбках были самыми невзрачными проститутками, которых я когда-либо видел, – почти как переодетый бывший директор ЦРУ Дж. Эдгар Гувер, но это не мешало мужчинам обращаться за их услугами. Один полицейский налет произошел прямо на обочине возле нашего дома, перед камерой группы телевизионщиков.

Если бы дело ограничивалось проститутками и их клиентами, мы могли бы жить спокойно, но криминальная активность набирала обороты. Наш район становился опаснее с

каждым днем. Однажды, когда мы бродили по побережью, Дженни стало плохо, ее мучило от токсикоза, и она решила пойти домой одна, оставив нас с Патриком и Марли еще немного погулять. Пока она шла по боковой улице, она услышала, что сзади ползет машина. Ее первой мыслью было, что это едет кто-то из соседей, чтобы поздороваться, или заблудившийся водитель, который хочет уточнить маршрут. Но когда она обернулась, то увидела, что за рулем сидит голый мужчина и мастурбирует. Поняв, что его заметили, он дал задний ход и быстро уехал. Дженни даже не смогла разглядеть номер машины.

Когда Патрику не исполнилось еще и года, в нашем районе снова произошло убийство. Как и в случае с миссис Недермайер, жертвой оказалась одинокая пожилая женщина. Ее дом был первым после поворота на Черчилль-роуд с Дикси-хайвэй, он находился непосредственно позади круглосуточной автоматической прачечной. Я не был знаком с ней лично, просто махал ей рукой, когда проезжал мимо. Но, в отличие от убийства миссис Недермайер, теперь нам не удалось представить себе дело так, будто это семейные разборки. Жертва была выбрана наугад, а напал на нее незнакомец, пробравшийся в дом в субботу днем, когда хозяйка развешивала на заднем дворике выстиранное белье. Когда она вернулась, он связал ее запястья телефонным проводом и запихнул несчастную под матрас, а сам начал обыскивать дом в поисках денег. Он сбежал с награбленным, а наша слабая

здоровьем соседка тем временем задохнулась под матрасом. Полицейские быстро вычислили преступника, он был опять замечен возле прачечной, и его арестовали. Когда его карманы вывернули, оказалось, что добыча составила всего шестнадцать долларов плюс мелочь. Цена человеческой жизни.

Преступная деятельность, разворачивавшаяся вокруг, заставила нас почувствовать благодарность к Марли за его более чем необходимое присутствие в доме. Ну и что, если он был общепризнанным пацифистом, чьей самой грозной стратегией нападения осталась слюнявая атака? Какая разница, что при виде незнакомца он первым делом хватал теннисный мячик в надежде, что с ним поиграют! Незванным гостям было необязательно все это знать. Когда к нам кто-то приходил, мы больше не запирали пса, открывая дверь. Мы перестали уверять всех, какой Марли на самом деле безобидный. Вместо этого мы бросали неясные зловещие предупреждения вроде: «Он становится таким непредсказуемым в последнее время» или «Уж и не знаю, сколько его прыжков еще выдержит эта дверь».

У нас уже рос один ребенок, второй был на подходе. Теперь мы не столь опрометчиво и беспечно судили о личной безопасности. Мы с Дженни часто размышляли, как поступит Марли, если кто-то попытается причинить вред нам или сыну. Я склонялся к варианту, что он просто обезумеет от счастья и начнет тявкать и пыхтеть. Дженни доверяла Марли больше. Она была уверена, что его необыкновенная верность

нам, особенно своему новому другу Патрику, подкармливающему его колечками от сухих завтраков, в кризисной ситуации породит в сердце пса жестокое примитивное желание защитить нас любой ценой. «Быть не может, – возражал я. – Он сунет нос в ширинку негодяя, этим дело и кончится». Но, как бы там ни было, люди боялись нашего пса, и нам это определенно нравилось. От его присутствия зависело, будем ли мы чувствовать себя защищенными в своем собственном доме. Даже когда мы долго оспаривали эффективность Марли на посту охранника, мы со спокойной душой засыпали, зная, что он рядом. А однажды ночью он сам разрешил наш спор раз и навсегда.

Стоял октябрь, а погода все не менялась. Ночи были знойными, мы закрывали окна и включали кондиционер. После одиннадцатичасового выпуска новостей я выпустил Марли во двор, проверил кровать Патрика, выключил свет и заполз в постель рядом с уснувшей Дженни. Марли, как всегда, глубоко вздохнув, свалился на пол возле меня. Я уже задремал, как вдруг услышал это – пронзительный, непрерывный, пронизывающий насквозь звук. Я мгновенно проснулся, равно как и Марли. Навострив уши, он замер в темноте возле кровати. Звук повторился, он проникал через закрытые окна и был громче жужжания кондиционера. Крик. Женский визг, громкий и отчетливый. Первой моей мыслью было, что на улице дурачились тинейджеры, – ничего удивительного. Но это был далеко не радостный крик того, кто

боится щекотки. В нем звучало отчаяние, настоящий ужас, и до меня постепенно стало доходить, что кому-то угрожает серьезная опасность.

– Пошли, малыш, – прошептал я, выползая из кровати.

– Не ходи туда, – раздался из темноты голос Дженни. Я не знал, что она проснулась и все слышала.

– Звони в полицию, – сказал я. – Я буду осторожен. Держа Марли за сдерживающий поводок, я вышел на крыльцо в своих широких трусах и увидел бегущего к побережью человека. Крик раздался снова, но с противоположной стороны. Под открытым небом, где не было стен и стекол, которые могли бы заглушить его, голос женщины разносился по воздуху удивительно четко – подобное я наблюдал только в фильмах ужасов. На верандах других домов тоже защелкали выключатели. Два молодых человека, которые снимали дом напротив нас, выскочили в одних плавках и бросились на крик. Я осторожно последовал за ними, держа Марли на поводке. Я видел, как они пробежали до газона очередного дома, а потом вдруг развернулись и устремились навстречу мне.

– Иди к девчонке, – крикнул один из них, показывая, где лежит жертва. – Ее пырнули ножом.

– А мы – за ним! – крикнул другой, и они босиком помчались по улице в том направлении, куда побежал преступник. Моя соседка Барри, бесстрашная одинокая женщина, купившая и отремонтировавшая ветхое бунгало рядом с до-

мом мисс Недермайер, прыгнула в машину и присоединилась к погоне.

Я ослабил поводок Марли и побежал на крик. Через три дома по нашей улице я обнаружил на подъездной дорожке нашу семнадцатилетнюю соседку. Она согнулась в три погибели, рыдая и всхлипывая от боли и держась руками чуть ниже груди. Я заметил, как на ее блузке расплывается кровавое пятно. Это была стройная, миловидная девочка со светлыми волосами, ниспадавшими на плечи. Она жила с разведенной матерью, приятной женщиной, которая работала ночной сиделкой. Я несколько раз разговаривал с ней, но дочке всегда только махал рукой. Я даже не знал, как ее зовут.

– Он приказал не кричать, а не то пырнет меня, – проговорила она, всхлипывая и хватая ртом воздух. Голос срывался, и слова с трудом слетали с губ. – Но я закричала, закричала, и он пырнул меня.

Словно опасаясь, что я не поверю ей, она подняла блузку, и я увидел рваную рану в области грудной клетки.

– Я просто сидела в машине и слушала радио, и тут непонятно откуда появился он.

Я положил руку девочке на плечо, чтобы успокоить ее, но как только я сделал это, ее колени подогнулись и она упала в мои объятия. Видимо, она уже не могла стоять на ногах. Я бережно усадил ее на тротуар и попытался успокоить. Теперь ее голос звучал мягче, спокойнее, она пыталась не закрывать глаза.

– Он приказал мне не кричать, – твердила она. – Он зажал мне рот и велел не кричать.

– Ты правильно поступила, – похвалил я. – Ты его так напугала, что он убежал.

Я наконец-то понял, что она в шоке, а я понятия не имел, что нужно делать в таких случаях. Ну, давай же, «скорая», ты где? Я подбадривал девочку, как своего ребенка: гладил по волосам, по щеке, вытирал слезы. Ей становилось хуже, но я продолжал говорить, чтобы она держалась, что помощь сейчас будет.

– С тобой все будет хорошо, – повторял я, и сам не верил своим словам. Ее кожа стала мертвенно-бледной. Казалось, что мы просидели вдвоем на тротуаре несколько часов, а на самом деле, как сообщили позже полицейские, всего три минуты. И только сейчас я подумал о Марли. Когда я оглянулся, то увидел его в трех метрах от нас. Он стоял в решительной позе разъяренного быка. Таким я никогда не видел его прежде. Это была боевая стойка. Мышцы у шеи взбугрились, челюсти сжались, а шерсть на загривке поднялась дыбом. Все его внимание было сосредоточено на улице, и, казалось, он готовился к прыжку. В то мгновение я понял, что Дженни была права. Если бы вооруженный противник вернулся, сначала ему пришлось бы обойти мою собаку. В тот момент у меня не было ни тени сомнения, что Марли боролся бы с этим типом не на жизнь, а на смерть, и не позволил бы ему добраться до нас. Я сильно расчувствовался от

того, что эта девочка, возможно, умирает у меня на руках. И вид Марли, который так нехарактерно для себя, так величественно и свирепо охранял нас, вызвал у меня слезы умиления. Лучший друг человека? Черт возьми, именно так!

– Со мной ты в безопасности, – сказал я девочке, но подразумевал: с нами в безопасности. – Полиция уже едет. Держись, пожалуйста, только держись.

Перед тем, как ее веки сомкнулись, она прошептала:

– Меня зовут Лиза.

– А меня Джон.

Как-то глупо было знакомиться при таких обстоятельствах, будто мы приехали на пикник. Я чуть не рассмеялся ввиду абсурдности ситуации. Но вместо этого я поправил прядь ее волос и сказал еще раз:

– Ты в безопасности, Лиза.

Словно ангел, спустившийся с небес, к нам подошел офицер полиции. Я свистнул Марли и крикнул:

– Все в порядке, малыш. Он хороший.

И этим свистом я словно вывел его из состояния транса. Мой бестолковый, добродушный пес теперь бегал кругами вокруг нас, пытался и старался всех обнюхать. Какой бы древний инстинкт ни был заложен в глубинах его сознания, он снова вернулся в свое обычное состояние. Вскоре вокруг нас столпилось еще больше полицейских, а потом приехала и «скорая», санитары притащили носилки и бинты. Я отошел в сторону, рассказал полиции все, что знал, и направил-

ся домой. Марли бежал впереди.

На крыльце меня встретила Дженни, и мы вместе постояли у окна, наблюдая за окончанием драмы, разыгравшейся на улице. Наш район стал похож на декорации полицейского сериала. В окнах мелькали отблески красных мигалок. Полицейский вертолет завис над проезжей частью, освещая задние дворики и аллеи. Полицейские организовали посты на дороге и начали прочесывать район. Их усилия будут напрасны, того субъекта никогда не найдут, как никогда не узнают, что заставило его напасть на жертву. Соседи, которые преследовали преступника в ту ночь, позже расскажут мне, что им не удалось даже увидеть его, не то что догнать. В конце концов мы с Дженни легли в постель и долго не могли заснуть.

– Ты можешь гордиться Марли, – сказал я. – Это было так странно. Он каким-то образом понял, насколько все серьезно. Наверно, знал. Он почувствовал опасность и превратился в совершенно другую собаку.

– Я об этом тебе и говорила, – ответила она. Да, так все и было.

Пока вертолет с шумом летал над улицей, Дженни повернулась на бок и, прежде чем заснуть, добавила:

– Еще одна веселая ночка в нашем квартале. – Я опустил руку вниз и погладил шерсть Марли, лежавшего рядом на полу.

– Ты все сегодня сделал правильно, большой пес, – шептал

я, почесывая его за ухом. – Сегодня ты заработал свой ужин. Положив руку ему на спину, я заснул.

О значительном уровне преступности в Южной Флориде говорит тот факт, что о ранении девочки-подростка, которая спокойно сидела в машине перед своим домом, написали всего шесть предложений в утреннем выпуске газеты *Sun-Sentinel*. Отчет о преступлении вышел под заголовком «Мужчина напал на девочку» в разделе «Коротко о разном» на третьей странице.

В заметке ничего не было сказано про меня, Марли и тех парней, которые полуголыми бросились в погоню за преступником. Там ничего не говорилось о нашей соседке Барри, которая преследовала негодяя на своей машине. И обо всех соседях, которые включили свет на верандах и набрали номер 911, тоже ничего не написано. Драма в нашем районе казалась представителям власти незначительным происшествием в хронике жестоких преступлений криминального мира Южной Флориды. Нет смертей, нет заложников, значит, все в порядке.

Нож преступника задел легкие Лизы, и она провела пять дней в больнице и еще несколько недель пролежала дома. Ее мама рассказывала соседям о состоянии дочери, но девочка оставалась дома, и ее никто не видел.

Меня беспокоили психические травмы, которые могли остаться у нее после нападения. Сможет ли она в будущем комфортно чувствовать себя, покинув крепкие стены дома?

Наши жизни пересеклись всего на три минуты, а я уже чувствовал ответственность за нее, почти как брат за младшую сестренку. Я не стремился нарушать ее уединения, и в то же время мне хотелось увидеть ее и убедиться, что с ней все в порядке.

Как-то в субботу, когда я мыл машину на подъездной дорожке, а привязанный Марли сидел рядом со мной, я случайно поднял глаза и увидел ее. Она была красивее, чем мне казалось. Загорелая, сильная, атлетическая – то есть выздоровевшая. Она улыбнулась и спросила:

– Помните меня?

– Так-так, – сказал я, делая вид, что мучительно пытаюсь вспомнить. – Вроде бы мы встречались раньше, но где? Не ты на концерте Тома Петти никак не могла усесться и загоразивала мне обзор?

Она засмеялась, и тогда я спросил:

– Как у тебя дела, Лиза?

– Все хорошо, – ответила она. – Я уже почти поправилась.

– Выглядишь великолепно, – похвалил я. – Намного лучше, чем при последней нашей встрече.

– Да уж! – усмехнулась она, опустив глаза. – Ну и ночка выдалась.

– Ну и ночка, – повторил я.

На этом мы закрыли тему. Она рассказала мне о больнице, врачах, о следователе, который взял у нее показания, о нескончаемых корзинках с фруктами, которые ей приноси-

ли в больницу, о том, как скучно ей было сидеть дома одной столько времени. Она избегала разговора о нападении, как и я. Есть вещи, о которых лучше не вспоминать.

Тем вечером Лиза оставалась у нас долго – бегала за мной по саду, пока я собирал собачьи кучки, играла с Марли, перекидывалась со мной короткими фразами. Я чувствовал, что она хочет мне что-то сказать, но никак не может решиться. Ей было всего семнадцать, я и не ждал, что у нее отыщутся нужные слова. Наши жизни пересеклись неожиданно – два незнакомца, столкнувшиеся в результате необъяснимого насилия. У нас не было времени для обычных условностей, не было времени для выяснения отношений. Наши сердца тогда бились в унисон, тот момент объединил нас, папашу в семейных трусах и девочку в блузке, пропитанной кровью, и мы крепко держались друг за друга в надежде на лучшее. И сейчас между нами установилась близость, а как ее могло не быть? Но были и растерянность, и легкое смущение, потому что в тот момент мы забыли о дистанции в общении. Слова были излишни. Я знал, что она благодарна мне за мое участие в ее судьбе; знал, что она оценила мои усилия, когда я подбадривал ее как умел. Она со своей стороны знала: в глубине души я за нее переживал и желал ей добра. Той ночью между нами произошло что-то особенное, это был один из тех коротких, скоротечных моментов чистоты, которые затмевают все остальное в жизни, и его мы оба забудем еще не скоро.

– Я рад, что ты заглянула, – сказал я.

– Я тоже рада, – ответила Лиза.

У меня осталось приятное впечатление об этой девочке. Она была сильной и решительной. Ей будет многое по плечу. Спустя годы я узнал, что она сделала карьеру телеведущей, и понял, что не ошибся.

ГЛАВА 14

Раннее прибытие

Сквозь пелену сна я постепенно осознавал, что меня зовут.

– Джон, Джон, проснись, – это была Дженни, она трясла меня. – Джон, мне кажется, что ребенок уже идет.

Я облокотился на кровать и протер глаза. Дженни лежала на своей половине, поджав колени к животу.

– Ребенок что?

– У меня начались сильные схватки. Я уже некоторое время пытаюсь регулировать их. Нужно позвонить доктору Шерману.

Теперь уж я окончательно проснулся. *Начинаются роды?* Я с ума сходил от ожидания нашего второго ребенка, мальчика, как мы узнали после УЗИ. Однако срок был совершенно неподходящим. Шла лишь двадцать первая неделя, только закончилась первая половина сорок недельного срока. В книгах о беременности были фотографии высокого разрешения, демонстрировавшие рост зародыша каждую неделю. Всего несколько дней назад мы, читая одно пособие, рассматривали снимки зародыша на двадцать первой неделе и удивлялись тому, как растет ребенок. На двадцать первой неделе развития зародыш помещается на ладони. Он весит

меньше полукилограмма. Его глаза еще не раскрылись, его пальчики похожи на хрупкие маленькие прутики, а легкие развиты недостаточно для того, чтобы забирать из воздуха кислород. Едва ли в двадцать одну неделю зародыш жизнеспособен. Его шанс выжить вне матки без последующих серьезных проблем со здоровьем крайне мал. Не зря он должен развиваться в матке девять долгих месяцев. На двадцать первой неделе риск необычайно велик.

– Возможно, ничего страшного, – сказал я. Но пока я быстро набирал номер приемной женской консультации, мое сердце колотилось. Через пару минут перезвонил доктор Шерман, его голос тоже дрожал.

– Не исключено, что это просто газы, – сказал он. – Но лучше провести осмотр.

Он велел немедленно привезти Дженни в больницу. Я забегал по дому, бросая нужные вещи в сумку, разводя смесь в бутылочках, собирая запас подгузников. Дженни позвонила своей подруге и коллеге Сэнди, еще одной новоиспеченной мамаше, которая жила в нескольких кварталах от нас, и спросила, можно ли нам забросить к ней Патрика. Марли тоже был на ногах, потягиваясь и зевая. *Да это же ночное путешествие!*

– Прости, Мар, – извинился я перед ним, отведя в гараж и заметив нескрываемое разочарование на его морде. – Придется тебе нести вахту в наше отсутствие.

Я выгреб Патрика из кровати, посадил в детское сиде-

ние, не разбудив, и мы устремились в темноту ночи.

В отделении интенсивной терапии больницы Святой Марии медсестры быстро приступили к работе. Они переодели Дженни и начали измерять силу схваток и пульс ребенка. Действительно, у Дженни каждые шесть минут начиналась новая схватка. Определенно, это были не кишечные газы.

– Ваш ребенок хочет появиться на свет, – сказала одна из медсестер. – Мы сделаем все возможное, чтобы этого не произошло.

Доктор Шерман по телефону попросил посмотреть, раскрыта ли шейка матки. Одна из медсестер ввела Дженни палец в перчатке и сообщила, что шейка расширена на один сантиметр. Даже я понимал, что в этом нет ничего хорошего. Если шейка расширяется полностью, до 10 см, то при нормальных родах мать начинает освобождаться от бремени. С каждой болезненной схваткой приближалось непоправимое. Доктор Шерман назначил капельницу с физраствором и велел ввести лекарство, тормозящее роды. Схватки прекратились, но менее чем через два часа возобновились еще сильнее, что потребовало второго укола, а потом и третьего.

Следующие две недели Дженни оставалась в больнице, исколотая шприцами, подвергнутая бесконечным осмотрам специалистов отделения пренатальной диагностики, подсоединенная к различным аппаратам и внутривенной капельнице. Я взял отпуск и, оставшись единственным родителем при Патрике, старался управиться со всем – со стиркой,

кормлением ребенка, счетами, работой по дому, уборкой садика. О да, чуть не забыл, и еще с одним живым существом в нашем доме. Рейтинг бедного Марли стремительно упал с позиции второй скрипки до бедолаги, отчисленного из оркестра. Даже когда я не обращал на него никакого внимания, он пытался сохранить свой статус, не упуская меня из виду. Он преданно следовал за мной, пока я летал по дому с Патриком под мышкой, свободной рукой в это время пылесосил, носил белье или стряпал. Вот я иду на кухню, чтобы поставить грязные тарелки в посудомоечную машину, а Марли бредет сзади и, сделав несколько кругов, выбирает идеальное место и валится на пол. Однако вскоре я уже мчался перекладывать вещи из стиральной машины в сушилку. Он снова следовал за мной, кружил, трогал лапой половики, пока они не разглаживались в соответствии с его запросами, а потом плюхался на них. Но я уже бежал в гостиную за газетами. Так мы и жили. Если ему везло, я делал перерыв в своем сумасшедшем графике и трепал его за уши.

Однажды ночью, после того как Патрик заснул, я в изнеможении свалился на диван. Марли прыгнул ко мне и, пристроив свою игрушку мне на колени, уставился на меня огромными карими глазами.

– Ох, Марли, – сказал я. – Я устал до смерти.

Тогда он положил морду под игрушку и принялся подбрасывать ее в воздух, ожидая, что я попытаюсь поймать ее.

– Извини, приятель, – ответил я. – Не сегодня.

Он нахмурился и поднял морду. Его прежняя жизнь неожиданно разлетелась в пух и прах. Его хозяйка загадочно исчезла, хозяин не хотел с ним играть, и вообще все переменялось. Он тихо заскулил, и я увидел, что он пытается понять: «Почему Джон не хочет играть? Что случилось с ежедневными утренними прогулками? Почему мы больше не проводим бои на полу? И где именно находится Дженни? Она ведь не могла сбегать с тем далматинцем из соседнего квартала, правда?»

Впрочем, новая жизнь Марли не была напрочь лишена радостей. С одной стороны, я быстро вернулся к своему добрачному (читай: неряшливому) образу жизни. Полномочиями, возложенными на меня как на единственного взрослого в доме, я отменил кодекс домашней жизни женатой пары и провозгласил отмененные когда-то холостяцкие правила обязательными на подвластной мне территории. Пока Дженни лежала в больнице, рубашки можно было надевать дважды, даже трижды, пока на них не появлялись яркие пятна от кетчупа; молоко можно было пить прямо из пакета, а сиденья унитаза оставлять в поднятом положении, пока кому-то не понадобится на них сесть. К величайшему удовольствию Марли, я совсем перестал закрывать дверь в ванную. В конце концов, в доме остались одни мужчины. А раз так, то имело смысл разрешить пить из крана в ванной. Дженни ужаснулась бы, но с моей точки зрения такой вариант точно был лучше варианта с унитазом. Теперь, когда окончательно

но была принята политика поднятого сиденья (и, как следствие, политика поднятой крышки тоже), мне нужно было предложить Марли достойную альтернативу привлекательному фарфоровому бассейну с водичкой, то есть унитазу, где так и хочется поиграть в подводную лодку.

У меня появилась привычка не до конца закрывать кран в ванной после умывания, чтобы у Марли была возможность слизать несколько капель прохладной свежей воды. Пес не пришел бы в большой восторг, даже если бы я построил ему точную копию аттракциона «Водные горки». Он выгибал шею вверх и всасывал воду, стуча хвостом по раковине. Жажда его была безгранична, так что я сделал вывод, что в прошлой жизни он был верблюдом. Впрочем, вскоре я понял, что создал себе ванного монстра: через некоторое время Марли начал ходить в ванную и без меня. Он стоял там и, пожирая несчастным взглядом кран, лизал его в ожидании хоть маленькой капельки, тыкал носом ручку крана, пока у меня не лопалось терпение и я не отправлялся включать ему воду. Поить его из миски оказалось не нужно.

Следующим шагом на пути нашей деградации до уровня варваров стало принятие душа. Марли понял, что может просовывать голову через занавеску ванны и ловить уже не струйку, а целый водопад. Я мылился, и тут его большая рыжевато-коричневая морда неожиданно возникала передо мной и Марли утолял жажду брызгами душа. «Только нашей мамочке не говори», – предупреждал я его.

Я старался провести Дженни и заставить ее поверить, что мне удастся без особых усилий держать все под контролем. «О, мы там отлично ладим!» – говорил я и, поворачиваясь к Патрику, добавлял: «Не так ли, дружок?» На это он давал стандартный ответ: «Пяпя», а потом, показывая на вентилятор на потолке: «Витиятл!»». Но Дженни все поняла. Однажды, когда мы с Патриком приехали со своим ежедневным визитом, она долго смотрела на нас с недоверием и, наконец, спросила:

– Христа ради, что ты с ним сделал?

– Что ты имеешь в виду? – ответил я вопросом на вопрос. – С ним все отлично. Да, сынок?

– Пяпя! Витиятл!

– Но его одежда, – сказала Дженни. – Какого черта...

Только тогда я сообразил. Что-то было неправильно в единственной детали его туалета, или «однушке», как мы, мужественные папашки, любим называть комбинезончики. Его пухленькие ножки были, как я теперь увидел, протеты в отверстия для рук, которые были такими узкими, что могли затруднить циркуляцию крови. Воротничок свешивался между ножек, словно вымя. Сверху, из расстегнутой ширилки, торчала голова Патрика, а его ручки терялись где-то в широких штанинах. Это было нечто.

– Олух! – воскликнула Дженни. – Ты неправильно его одел.

– Ну, тебе виднее, – ответил я.

Однако игре пришел конец. Не вылезая из кровати, Дженни взяла трубку. Через пару дней, как по мановению волшебной палочки, на пороге нашего дома с чемоданами в руках появилась моя дорогая и любимая тетушка Анита. Медсестра на пенсии, она еще в юности приехала в Америку из Ирландии, а теперь жила в соседнем штате. Тетушка весело принялась наводить порядок. Холостяцкие правила канули в Лету.

Когда Дженни, наконец, выписали, врачи наложили массу строжайших запретов. Если она хочет родить здорового малыша, она должна соблюдать постельный режим как можно дольше. Ей разрешили подниматься, только чтобы выйти в ванную комнату. Раз в день короткий душ, а потом снова в постель. Никакой готовки, никаких смен подгузников, никаких походов за почтой, не поднимать ничего тяжелее зубной щетки (в том числе не поднимать и Патрика). Последний запрет оказался самым тяжелым для нее. Строгий постельный режим, без обмана. Врачам Дженни удалось успешно предотвратить угрозу преждевременных родов, теперь их целью было не дать подобному повториться еще в течение как минимум трех месяцев. К тому времени зародышу было бы 35 недель: на таком сроке он немного слаб, но полностью развит и готов самостоятельно выжить в окружающем мире. Все это означало, что Дженни фактически обречена застыть неподвижно, как ледник. Тетушка Анита, благослови Господь ее милосердную душу, осталась с нами на-

долго. Присутствие нового партнера для игр доставило Марли несказанное удовольствие. Вскоре он приучил и тетушку Аниту поворачивать кран и оставлять для него воду.

Через несколько дней к нам пришла медсестра. Она вставила катетер в бедро Дженни, прикрепив его к маленькому насосу, работающему от батареек. Последний в свою очередь она прикрепила ремешком к ноге жены. Теперь насос постоянно подавал лекарства, сдерживающие роды, в кровь Дженни. Кроме того, на живот Дженни эластичным бинтом прикрепили огромную присоску, похожую на орудие пыток, с клубком проводов, подсоединенных к телефону. Это была система постоянного контроля за состоянием беременной. С ее помощью медсестра в больнице три раза в день снимала показания пульса ребенка. Я сбегал в книжный магазин и вернулся с огромным количеством книг, которые Дженни проглотила буквально за три дня. Она старалась сохранять присутствие духа, но скука и постоянное беспокойство за здоровье своего не родившегося ребенка удручали ее. Хуже всего было то, что ей, матери 15-месячного сына, запретили подходить к нему, брать его на руки, кормить, когда он был голоден, купать, когда он пачкался, и утешать, когда он плакал. Я клал сына на нее, когда она лежала, и он принимался таскать ее за волосы и совать пальцы в рот. Он показывал на вращающиеся лопасти вентилятора над кроватью и говорил: «Мямя! Витилятл!» Это заставляло Дженни улыбнуться, но такого общения явно было недостаточно.

Она медленно сходила с ума.

Конечно, Марли постоянно составлял Дженни компанию. На полу возле ее кровати валялась целая куча игрушек и замшевых косточек, которые Марли приносил на случай, если Дженни вдруг захочет поиграть и выпрыгнет из постели. Так он и дежурил днями и ночами. Когда я возвращался с работы, тетушка Анита на кухне готовила обед, Патрик сидел рядом с ней на своем стульчике. Затем я шел в спальню и обнаруживал, что Марли стоит возле кровати, положив на нее подбородок, и виляет хвостом, уткнувшись носом в шею Дженни, пока она читает, дремлет или просто смотрит в потолок, положив руку ему на спину. Я зачеркивал каждый день в календаре, чтобы она видела: дело движется, но это привело только к тому, что каждая минута, каждый час тянулись для нее еще медленнее. Некоторые люди были бы счастливы провести жизнь в ленивом безделье, но Дженни к их числу не относилась. Она была рождена для того, чтобы постоянно спешить, и вынужденная праздность незаметно, шаг за шагом разрушала ее. Она напоминала моряка, попавшего в штиль и с надеждой ожидающего хоть слабого намека на ветер, который наполнит паруса и позволит продолжить путешествие. Я старался подбодрить ее, говоря что-то вроде: «Через год мы будем вспоминать все это и смеяться», но сам чувствовал неубедительность своих слов. Иногда взгляд Дженни был совсем отрешенным.

Когда Дженни остался ровно месяц постельного режима,

тетушка Анита собрала чемоданы и попрощалась с нами. Она прожила у нас сколько могла и даже неоднократно откладывала отъезд, но у нее дома остался муж, который, как она сама полушутя говорила, имел все шансы превратиться в дикаря в результате постоянного общения с телевизором и чрезмерной любви к круглосуточным спортивным каналам. Мы снова остались одни.

Я делал все возможное, чтобы удержать корабль на плаву, вставал утром, чтобы искупать и одеть Патрика, покормить его сухим завтраком и пюре из моркови и выйти с ним и Марли хотя бы на короткую прогулку. Затем я оставлял Патрика у Сэнди на время работы и забирал вечером. Я приходил домой в обед, чтобы покормить Дженни и принести ей почту – пожалуй, это было самое яркое событие за день в ее жизни, – играл с Марли и пытался убирать в доме, который постепенно принимал запущенный вид. Трава не скошена, белье не постирано, стеклянная дверь веранды разбита, после того как Марли, будто герой мультфильма, вылетел через нее в погоне за белкой. Зато теперь пес мог входить в дом и покидать его, когда ему заблагорассудится, проводя долгие часы рядом с прикованной к постели Дженни. «Я почию дверь, – каждый раз обещал я. – Сегодня же». Но тревожный взгляд жены останавливал меня. Ей приходилось призывать всю свою волю, чтобы не вылезти из кровати и не начать приводить дом в порядок. Когда ночью Патрик засыпал, я бегал в магазин, а иногда гулял в парке. Мы пи-

тались продуктами, доставляемыми на дом, и макаронами. Дневник, который я вел годами, пришлось забросить. У меня просто не оставалось ни времени, ни сил на него. Одна из моих последних коротких записей гласила: «У меня просто ни на что не остается времени».

И вот когда подошел 35-недельный срок Дженни, к нам из больницы приехала медсестра и сказала: «Поздравляю, девочка моя! Ты сделала это. Теперь ты снова свободна». Она отключила насос, убрала катетер, упаковала монитор, отслеживавший состояние ребенка, и сообщила указания врача. Дженни могла вернуться к своему привычному образу жизни. Никаких ограничений. Больше никаких медикаментов. Мы даже могли заняться сексом. Ребенок теперь был полностью жизнеспособен. Если начнутся роды – замечательно! «Радуйся, – добавила медсестра. – Ты это заслужила».

Дженни подбросила Патрика над головой, поиграла с Марли в саду и с головой окунулась в работу по дому. Той ночью мы отметили победу походом в индийский ресторан и просмотром шоу в местном клубе. На следующий день мы втроем продолжили праздновать в греческом ресторане. Но раньше чем нам подали десерт, у Дженни начались сильные схватки. Вообще-то, они начались еще прошлой ночью, когда она ела ягненка в соусе карри, но она не обратила на них внимания. Она не собиралась из-за нескольких схваток отказаться от заслуженного таким трудом праздника. Но теперь она согнулась пополам от боли. Мы бросились домой,

где Сэнди была уже готова посидеть с Патриком и приглядеть за Марли. Дженни ждала в машине, стараясь ровно дышать, пока я собирал ее сумку. Когда мы приехали в больницу и жену обследовали, оказалось, что шейка матки Дженни раскрылась до 7 см. Не прошло и часа, как я уже держал новорожденного сына на руках. Дженни целовала его пальчики на ручках и ножках. Взгляд ребенка была живой, а щечки розовыми.

– Ты сделала это, – объявил доктор Шерман. – Он безупречен.

Конор Ричард Грогэн родился 10 октября 1993 года и при рождении весил 2 кг 632 г. Я был так счастлив, что даже не заметил иронии судьбы: на этот раз нас поместили в одну из самых роскошных палат, но времени насладиться удобствами не было. Если бы роды начались раньше, Дженни пришлось бы рожать прямо на заправке. У меня не было времени даже растянуться на диванчике для пап.

Учитывая, через что нам пришлось пройти, чтобы малыш появился на свет здоровым, мы считали рождение ребенка огромным событием, впрочем, не столь значительным, чтобы местные средства массовой информации осветили его. Тем не менее под окном нашей палаты на стоянке образовалось скопление грузовиков телевизионных компаний с устремленными ввысь спутниковыми тарелками. Я видел, как репортеры с микрофонами готовились к своим репортажам перед камерами.

– Милая, – сказал я, – за тобой приехали папарацци. Медсестра, которая наблюдала за ребенком, заметила:

– Вы можете в это поверить? Там внизу в холле Дональд Трамп.

– Дональд Трамп? – переспросила Дженни. – Я и не знала, что он в положении.

Сделавший свое многомиллионное состояние на продажах недвижимости, Трамп наделал много шума, когда несколько лет назад переехал в Палм-Бич и обосновался в обширном поместье, ранее принадлежавшем Марджори Мерриуэзер Пост, единственной наследнице империи своего отца Чарли Уильяма Поста по производству сухих завтраков. Поместье получило название Mar-a-Lago, что в переводе означает «От моря к озеру». Оно занимало территорию площадью почти 7 гектаров от побережья океана до Берегового канала. Там даже была площадка для гольфа с девятью лунками. Если мы встали бы в конце нашей улицы и посмотрели на другой берег канала, то увидели бы возвышающиеся над пальмами построенные в мавританском стиле остроконечные башенки особняка с 58 спальнями. Трампы и Грогэны были практически соседями.

Я щелкнул по кнопке телевизора и узнал, что Дональд и его девушка Марла Мэплз стали счастливыми родителями девочки, которую называли Тиффани; она родилась немного позже, чем Конор.

– Нам надо пригласить их, чтобы наши дети поиграли вме-

сте, – сказала Дженни.

Из окна мы наблюдали за тем, как суетились телевизионщики, чтобы поймать Трампов с новорожденной на руках при выходе из больницы. Марла с притворной застенчивостью улыбалась, глядя на малышку и стараясь, чтобы выражение ее лица запечатлели камеры; Дональд махал рукой и бойко подмигивал.

– Я чувствую себя великолепно! – крикнул Трамп репортерам, и они уехали в роскошном лимузине.

На следующее утро, когда пришел наш черед отбывать домой, миловидная пенсионерка, которая бесплатно работала в больнице, вывезла Дженни и Конора в кресле-каталке через вестибюль и автоматические двери на залитое солнечным светом крыльцо. Не было уже ни телевизионных групп, ни грузовиков со спутниковыми тарелками, ни звукового сопровождения, ни репортажей в прямом эфире. Только мы и пожилая волонтерка. Пусть никто и не спрашивал меня, но я тоже чувствовал себя великолепно. Не один Дональд Трамп был готов лопнуть от гордости за своего отпрыска.

Волонтерка и Дженни с ребенком подождали, пока я подгоню машину. Прежде чем положить новорожденного сына в детское сидение, я поднял его высоко над головой, чтобы малыша увидел весь мир (если кто-нибудь наблюдал за нами), и произнес:

– Конор Грогэн, каждая твоя частичка настолько же уникальна, как у Тиффани Трамп, никогда не забывай об этом.

ГЛАВА 15

Ультиматум Дженни

Эти дни должны были стать счастливейшими в нашей жизни, и во многом они стали таковыми. У нас было два сына, которые родились с разницей в семнадцать месяцев: один новорожденный и второй, который уже начинал ходить. Они подарили нам глубочайшую радость. Тем не менее депрессия, одолевшая Дженни во время долгого лежания в кровати, никуда не исчезла. Несколько недель она находилась в прекрасном расположении духа, с легкостью справляясь с новой ситуацией, ведь теперь она несла ответственность за две жизни, полностью зависевшие от нее. Но временами она без повода становилась угрюмой и подавленной, словно погрузалась в туман грусти, который не исчезал дни напролет. Мы оба измучились от недосыпания. Патрик все еще будил нас по крайней мере один раз за ночь, а Конор часто плакал, чтобы его укачали или покормили. Редко нам удавалось урвать себе больше двух часов сна кряду. Бывали ночи, когда мы становились похожи на зомби и бесшумно ходили по дому со стеклянными глазами, не замечая друг друга: Дженни к одному ребенку, я к другому. Мы вставали в полночь, и в два, и в полчетвертого, и еще раз в пять. А потом всходило солнце, возвещавшее о начале нового дня, который приносил новые

надежды и усталость до боли в суставах, и все повторялось сначала. Из конца коридора доносился сладкий, радостный голос проснувшегося Патрика: «Мямя! Ппя! Витилятл!» – и как бы мы ни старались повернуть время вспять, мы знали, что сон, отведенный на эту ночь, был уже позади. Я начал варить более крепкий кофе и появляться на работе в мятых рубашках и с пятнами от детской отрыжки на галстуках. Однажды утром в кабинете я поймал на себе взгляд одной симпатичной молодой сотрудницы. Она пристально смотрела на меня. Польщенный, я ей улыбнулся. *Эй, я сейчас, положим, уже дважды отец, а женщины все еще обращают на меня внимание.* Но тут она подошла и спросила: «Вы в курсе, что у вас на голове детская наклейка?»

Еще больше хаоса, чем отсутствие сна, в нашу жизнь вносило постоянное беспокойство за новорожденного. Вес Конора был недостаточным для его возраста, и ребенок плохо переваривал пищу. Единственным предметом, занимавшим все мысли Дженни, стало его крепкое здоровье, но он, казалось, имел не меньшую решимость сокрушить материнские надежды. Она предлагала ему грудь, и он с жадностью сосал молоко. Но потом одним глубоким выдохом Конор срыгивал все, что съел. Дженни снова брала его на руки, и он опять жадно сосал, а потом освобождал желудок. Снова и снова программа повторялась по тому же сценарию, доводя Дженни до иступления.

Врачи поставили диагноз «рефлюкс» и направили к спе-

циалисту, который дал нашему ребенку успокоительное и протолкнул ему в горлышко зонд, чтобы сделать гастроскопию. В конце концов Конор справился с недомоганием и набрал нужный вес, но долгих четыре месяца мы были поглощены беспокойством за него. Дженни от страха, стресса и разочарования, усугубленных отсутствием сна, просто сходила с ума. Она практически все время держала Конора на руках и беспомощно смотрела, как он срыгивал молоко. «Я чувствую себя ненужной, – говорила она. – Ведь матери всегда должны быть в состоянии дать своим детям все необходимое». Она была как натянутая струна, и малейшее нарушение порядка – оставленная открытой дверца серванта или крошки на столе – могли послужить искрой, за которой следовал взрыв.

Хорошо еще, что Дженни никогда не переносила своего беспокойства на Патрика. Она кормила обоих своих детей с почти навязчивой заботой и терпением. Она отдавала им каждую частичку себя. Плохо было то, что она направляла свое разочарование и гнев на меня и в еще большей степени на Марли. Она потеряла с ним всякое терпение. Он стал для нее козлом отпущения и все делал не так. Каждый его проступок, а таковых было много, подталкивал Дженни еще на один шаг ближе к истерике. Не сознавая, что происходит, Марли продолжал гнуть свою линию с присущей ему комичностью, постоянными оплошностями и безграничным энтузиазмом. Я купил цветочный кустик и посадил его в са-

ду, чтобы отметить рождение Конора. Марли вырвал его с корнями в тот же день и сжевал. Когда я, наконец-то, нашел время для замены разбитой двери, Марли, к этому времени привыкший выходить через образовавшееся отверстие, тут же разбил ее снова. Однажды он исчез, а когда вернулся, в его зубах мотались женские трусики. Я даже не стал ломать голову над вопросом, откуда он их принес.

Несмотря на действие прописанных доктором успокоительных, которые Дженни давала ему все чаще – больше для своего же блага, боязнь гроз становилась сильнее и сильнее с каждым днем. Теперь даже легкий дождик обращал Марли в паническое бегство. Если мы были дома, он просто приклеивался к нам, нервно слюнявя нашу одежду. Если нас не было, он искал укрытия своими привычными методами: делая подкопы под двери, срывая штукатурку и линолеум. Чем больше я чинил, тем больше он ломал. Я не мог угнаться за ним. Это должно было доводить меня до бешенства, но я знал, что Дженни злится на нас обоих в равной степени. Поэтому я начал маскировать его деятельность. Если я находил изжеванные туфлю, книгу или подушку, я прятал улики, прежде чем она их находила. Когда Марли врывается в наш маленький дом, как слон в посудную лавку, я следовал за ним, расправляя ковры на полу, поправляя журнальные столики и вытирая слюну, которую он разбрызгивал по стенам. Прежде чем Дженни успевала что-то заметить, я хватал пылесос и убирал щепки в гараже, где он снова пытался вы-

ломать дверь. Я не ложился до глубокой ночи, латая дыры и отчищая грязь, чтобы к тому времени, как утром проснет-ся Дженни, малейшее повреждение было исправлено. «Ради бога, Марли, ты что, смерти себе хочешь? – спросил я его как-то ночью, когда он стоял рядом, виляя хвостом и обли-зывая мое ухо, пока я пытался скрыть очередное разруше-ние. – Завязывай с этим делом».

И вот однажды вечером произошел открытый конфликт. Я открыл входную дверь и увидел, что Дженни бьет Марли кулаками. Она истошно рыдала и молотила его изо всех сил, как будто бухала по живой литавре, равномерно по всей по-верхности.

– Почему? Ну почему ты все это делаешь? – орала она. – Ну почему ты все ломаешь?

В этот момент я увидел, в чем провинился Марли. Диван-ная подушка была разорвана, а вся набивка вывалилась на-ружу. Марли стоял, опустив голову и расставив ноги, словно переживая ураган. Он не старался улизнуть или увернуться от ударов; он стоял перед Дженни и сносил каждый удар без стонов и жалоб.

– Эй-эй-эй! – закричал я, хватая ее за запястья. – Ну же, остановись. Стоп. Стоп.

Она всхлипывала и тяжело дышала.

– Стоп, – повторил я.

Я встал между ней и Марли и заглянул Дженни в глаза. На меня будто смотрел незнакомец. Я не узнавал ее взгляда.

– Уведи его отсюда, – произнесла она ровным голосом, в котором слышались отголоски недавней вспышки. – Уведи его отсюда сейчас же.

– Хорошо, я уведу его, – сказал я, – но ты успокоишься.

– Уведи его отсюда и пусть он здесь больше не появляется, – повторила она решительно.

Я открыл входную дверь, и Марли выскочил на улицу. Как только я собрался взять его поводок, Дженни добавила:

– Я больше не могу. Я хочу, чтобы он исчез. Я хочу, чтобы он навсегда ушел отсюда.

– Ну хватит, – отмахнулся я. – Сама не понимаешь что говоришь.

– Я этого хочу, – настаивала она. – С этой собакой все кончено. Или ты найдешь ему новый дом, или я это сделаю сама.

Она не могла этого хотеть. Она любила Марли. Она обожала его, несмотря на длинный список его недостатков. Да, она была расстроена, стресс владел ею, она была на грани срыва. Но она передумает. В тот момент мне показалось, что лучше всего дать ей время остыть. Я вышел, не сказав ни слова. Марли носился перед домом, взмывая в воздух и лязгая челюстями, стараясь вырвать поводок у меня из рук. Он был прежним весельчаком, и его настроение явно не ухудшилось после избиения. Я знал, что Дженни не причинила ему вреда. Честно говоря, я временами лупил его еще сильнее, когда мы играли с ним, и ему это нравилось, поэтому он даже

требовал добавки. Отличительной чертой его породы была терпимость к боли – он весь состоял из мышц и сухожилий. Однажды, когда я мыл машину на подъездной дорожке, он сунул голову в ведро с мыльной водой. Его морда застряла. Перепугавшись, пес вслепую бросился бежать по газонам и не останавливался, пока со всего маху не врезался в бетонную стену. Однако это не причинило ему вреда. Но стоило в приступе гнева легонько хлопнуть его по заду ладонью или даже строго поговорить с ним – и он выглядел глубоко уязвленным. Для тупоголового дурачка, каким являлся Марли, у него была необычайно чувствительная натура. Дженни не нанесла ему никакого физического урона, но она оскорбила его нежные чувства. Дженни была для него все, одним из лучших друзей в мире, и вот только что она внезапно изменила свое отношение к нему. Она была его хозяйкой, а он ее верным слугой. Если она считала нужным ударить его, он покорно принимал эти побои. По сравнению с другими собаками он не был идеален, но чего у него не отнять, так это преданности. И теперь мне предстояло улаживать конфликт.

На улице я прицепил поводок к ошейнику и приказал: «Сидеть!» Он сел. Я поднял сдерживающий поводок повыше, чтобы подготовить его к прогулке. Прежде чем сделать первый шаг, я положил руку на голову Марли и помассировал ему шею. Он поднял нос и посмотрел на меня. Его язык свешивался вниз, аж до середины шеи. Инцидент с Дженни, казалось, был для него исчерпан, и мне оставалось надеять-

ся, что и для нее тоже. «Что же мне теперь с тобой делать, дурачок?» – спросил я его. Он подпрыгнул вверх, словно на пружине, и лизнул мои губы.

Тем вечером мы с Марли нагуляли несколько километров, и когда я, наконец-то, открыл дверь, он готов был тихо свалиться в изнеможении в углу. Дженни кормила Патрика из баночки с детским питанием, Конор лежал у нее на коленях. Она была спокойна и, казалось, вернулась в свое обычное расположение духа. Я отцепил поводок Марли, и он долго пил воду, пуская небольшие волны к краям миски. Я вытер пол, бросив взгляд в направлении Дженни: она казалась невозмутимой. Наверное, кризис миновал. Наверное, она передумала. Наверное, ей уже стыдно за недавнюю вспышку ярости и она ищет слова, чтобы извиниться. Но когда я прошел мимо нее (Марли следовал по пятам), она сказала спокойным, тихим голосом, не глядя на меня:

– Я говорила серьезно. Я больше не хочу его здесь видеть.

В следующие дни она повторила ультиматум еще несколько раз, чтобы я в конце концов понял, что это не пустые слова. Она не просто выпускала пар, и вопрос не сходил с повестки дня. Мне стало нехорошо. Как бы пафосно это ни звучало, у нас с Марли была настоящая мужская дружба. Он был недисциплинированным, непокорным, инакомыслящим, политически некорректным свободным художником, каким всегда хотел быть я, только смелости недоставало, поэтому я радовался его необузданной живости. Неважно, ка-

кой сложной стала жизнь, он напоминал мне о ее простых радостях. Независимо от того, сколько ожиданий было возложено на меня, он никогда не давал забыть, что сознательное непослушание иногда дорогого стоит. В мире, полном начальников, он был сам себе хозяин. От мысли, что с ним придется расстаться, мне становилось плохо. Но ведь сейчас у меня было двое детей, о которых требовалось заботиться, и жена, в которой я нуждался. Мы все были связаны тончайшими нитями. Если уход Марли был так важен для жены, как я мог не уважать ее желание?

Я принялся зондировать почву, напрямую спрашивая друзей и коллег, не хотят ли они взять очаровательного энергичного двухлетнего лабрадора. От кого-то из знакомых я узнал, что по соседству с нами живет человек, который обо-жает собак и не может бросить их в беде. Но даже он ответил отказом. К сожалению, дурная слава Марли шагала впереди него.

Каждое утро я штудировал специализированные разделы газет, как будто мог найти там удивительное объявление: «Ищу дико энергичного, неконтролируемого лабрадора с множеством фобий. Разрушительные способности не помеха. Заплачу кругленькую сумму». Я находил бойкие предложения о продаже молодых подрощенных щенков, которых почему-то никто не брал. Многие из них были чистокровками, за которых хозяева несколько месяцев назад выложили несколько сотен долларов. Теперь же их отдавали за жалкие

гроши или вообще бесплатно. Подозрительное количество этих никому не нужных собак являлись лабрадорами.

Объявления публиковались почти каждый день и были одновременно и душераздирающими и смешными. Со своей выгодной позиции опытного человека я распознал попытки скрыть истинную причину продажи собак. Объявления пестрели солнечными эвфемизмами, описывавшими типы поведения, которые я знал слишком хорошо. «Живой... любит людей... ему нужен большой сад... нужно место, чтобы мог резвиться... энергичный... горячий... мощный... уникальный». В итоге получался портрет собаки, которую невозможно контролировать. Собаки, которая стала помехой нормальной жизни. Собаки, от которой отрекается ее собственный хозяин.

Я улыбнулся про себя: объявления были комичны в своей попытке обмануть. Когда я читал «неистово преданный», я понимал, что продавец имеет в виду «кусается». «Верный товарищ» означало «страдает боязнью разлуки», а «хорошая сторожевая собака» переводилось как «громко и постоянно лает». Когда я видел надпись: «лучшая цена», я знал, что отчаявшийся собаковод на самом деле спрашивал: «Сколько нужно доплатить, чтобы вы избавили меня от этого субъекта?» Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Я не пасовал перед трудностями и не верил, что всегда оптимистичная Дженни изменилась. Мы были не из тех, кто излагает свои проблемы в рекламных объявлениях. Несомнен-

но, с Марли у нас возникали трудности. Он был абсолютно не похож на тех величественных собак, рядом с которыми прошло наше детство. У него была масса вредных привычек и плохих манер. Этот вердикт вынес бы ему любой присяжный. Но он был уже не тем глупым щенком, которого мы привезли домой два года назад. Со своей стороны, он тоже старался. В наши обязанности как его хозяев входило вышколить его согласно нашим запросам, но, с другой стороны, необходимо было научиться принимать Марли таким, какой он есть. И не просто принимать, а ценить его и его неукротимый собачий дух. Мы принесли в свой дом живое, сопящее существо, а не модный аксессуар, чтобы поставить в угол. Хороший или плохой, он был нашей собакой. Он был частью нашей семьи и, несмотря на все его недостатки, стократно вернул нам нашу доброту. Подобную преданность невозможно купить ни за какие деньги.

Я не был готов бросить его.

Пока я ни шатко ни валко подыскивал Марли новый дом, я продолжал с рвением работать с ним. Моя личная «Миссия невыполнима» заключалась в следующем: перевоспитать эту собаку и доказать Дженни, что наш пес достоин остаться. Проклиная недосып, я начал подниматься на рассвете, усаживал Патрика в прогулочную коляску и направлялся на побережье, чтобы подвергнуть Марли новому испытанию. Сидеть. Замри. Лежать. Рядом. Мы повторяли команды снова и снова. В моем голосе звучало отчаяние, и Марли, казалось,

это чувствовал. Сейчас ставки были слишком высоки, все было по-настоящему. Когда он не совсем понимал это, я произносил следующую фразу, не смягчая ни слова: «Мы пришли не ради того, чтобы тратить время впустую, Марли. Понимаешь? Давай-ка». И мы отработывали все команды заново, а мой помощник Патрик хлопал ручонками и кричал своему большому палевому другу: «Пиятиль! Уэээ-о!»

К тому времени, когда я снова записал Марли на занятия, он уже перестал быть тем малолетним преступником, с которым я показался там в первый раз. Он все еще был диким, как кабан, но теперь он уже знал, что я его начальник, а он мой подчиненный. На этот раз почти не было рывков к другим собакам, никаких неконтролируемых побегов и обнюхиваний. Все восемь занятий я держал его рядом на коротком поводке, а он был счастлив до небес работать совместно. На нашем последнем занятии инструктор – спокойная женщина, полная противоположность мисс Строгий Взгляд, – вызвала нас вперед. «Итак, – сказала она, – покажите, что вы умеете».

Я приказал Марли сесть, и он аккуратно опустился на землю. Я поднял сдерживающий поводок на его шею твердым рывком ведущего и приказал ему идти рядом. Мы пробежались трусцой до автостоянки и обратно. Марли трусил рядом, его плечо терлось о мою ногу, как и требовалось по книге. Я снова приказал ему сесть, встав прямо перед ним и указывая пальцем ему на лоб. «Сидеть», – сказал я уверенно и

отпустил поводок. Я отошел на несколько шагов назад. Его большие карие глаза внимательно следили за мной, ожидая малейшего знака того, что я его освобождаю, но он оставался прикован к асфальту. Я обошел вокруг. Марли трепетал от возбуждения и поворачивал голову, следя за мной, но не прыгал вперед. Вновь оказавшись перед ним, ради смеха я щелкнул пальцами и крикнул: «Ко мне!» Он взвился с места так, словно увидел вкусную косточку. Инструктор прыснула со смеху, это был хороший знак. Я повернулся к нему спиной и отошел на три метра. Я чувствовал, как его взгляд прожигает мне спину, но он держался. Когда я повернулся к нему, он весь дрожал. Вулкан готовился к извержению. Затем, расставив ноги пошире, я принял боксерскую стойку и произнес: «Марли... – тут я сделал паузу, – ко мне!» Он бросился ко мне со всех ног, и я приготовился. В последний момент я ловко отступил в сторону с грациозностью тореадора, и он пронесся мимо, затем повернул назад и пихнул меня сзади носом.

– Хороший мальчик, Марли! – вырвалось у меня, и я опустился на колени. – Молодец, молодец, молодец, мой мальчик! Хороший мальчик!

Он танцевал вокруг меня, будто мы только что вместе взобрались на Эверест.

Чуть позже инструктор подозвала нас и выдала Марли диплом. Собака прошла базовый курс дрессировки и заняла седьмое место в группе. Какая разница, что занятия посе-

щали всего восемь собак, и восьмым стал питбуль-психопат, который, казалось, при первой возможности убьет человека? Меня вполне устраивало, что Марли, мой безнадежный, недисциплинированный пес, которого невозможно было вышколить, сдал экзамен. Я был так горд, что мне хотелось плакать от радости, и я бы на самом деле прослезился, не подпрыгни Марли и не проглоти свой диплом в мгновение ока.

На пути домой я в полный голос распевал *We Are the Champions*. Марли, почувствовавший мою радость и гордость, облизал мое ухо. В кои-то веки я не имел ничего против.

Тем не менее я еще не всему научил Марли. Мне нужно было искоренить наихудшую из его привычек – привычку наскакивать на людей. Неважно, был ли это приятель или незнакомец, ребенок или взрослый, электрик, снимающий показания счетчика, или шофер службы курьерской доставки. Марли приветствовал всех одинаково – несся на полной скорости к двери, скользил по полу, подпрыгивал и клал передние лапы на грудь или плечи, одновременно облизывая лицо гостя. То, что умиляло, когда он был милым щеночком, теперь стало несносным, даже ужасающим для некоторых объектов его навязчивой симпатии. Он сбивал с ног детей, пугал гостей, пачкал рубашки и блузки наших знакомых и однажды почти сбил с ног мою слабую маму. Никому это не нравилось. Я безуспешно пытался отучить его прыгать, используя стандартные методы дрессировки. Пес не понимал.

И вот один уважаемый мною опытный собаковод посоветовал:

– Если хочешь отучить его от этого, в следующий раз, когда он прыгнет на тебя, дай ему легонько коленкой под дых.

– Но я не хочу причинять ему боль, – возразил я.

– Ты и не сделаешь ему больно. Несколько хороших тычков коленкой, и я тебе гарантирую, что прыгать он перестанет.

Это был тяжелый период. Марли предстояло или измениться, или уйти от нас. Вернувшись на следующий вечер с работы, я специально крикнул, стоя в дверях: «Я дома!» Как обычно, Марли на полной скорости полетел по деревянному полу, чтобы поприветствовать меня. Последние метры он прокатился, как по льду, потом поднялся, чтобы упереться лапами мне в грудь и чмокнуть меня в нос. Как только он коснулся меня лапами, я легонько ударил его коленкой, целясь под дых. Он заскулил и соскользнул на пол, глядя на меня обескураженным взглядом, стараясь понять, что на меня нашло. Он наскакивал на меня всю жизнь, что еще за атака исподтишка?

Следующим вечером я повторил наказание. Он прыгнул, я толкнул его коленом, он упал на пол, откашливаясь. Я чувствовал себя немного тираном, но если это было единственным способом спасти Марли, то требовалось довести дело до конца. «Прости, приятель, – извинился я, наклонившись к нему, чтобы он мог облизать меня стоя всеми четырьмя

лапами на земле. – Это для твоего же блага».

На третий день он выбежал мне навстречу из-за угла и, приближаясь, начал свое коронное скоростное скольжение. Однако в этот раз Марли изменил привычке. Вместо того чтобы прыгнуть, он, не отрывая лап от пола, врезался головой в мои колени, почти опрокинув меня. Я расценил это как победу. «Ты сделал это, Марли! Ты сделал это! Хороший мальчик! Ты не прыгнул!» И я опустился на четвереньки, чтобы он мог облизнуть меня, не рискуя получить предательский удар под дых. Я был потрясен. Марли поддался искусству убеждения.

Однако проблема не была решена полностью. Возможно, он перестал наскакивать на меня, но это не значило, что он так же поступит с остальными. Пес был достаточно умен, чтобы понять: только я представляю для него реальную угрозу, а на других представителей рода человеческого он может и дальше прыгать безнаказанно. Я должен был закрепить урок, и с этой целью вызвал своего коллегу и близкого друга, корреспондента Джима Толпина. Джим был спокойным лысеющим книголюбом в очках, не очень крепкого телосложения. Если и был человек, на кого Марли мог прыгать без всяких последствий, так это Джим. Однажды в офисе я изложил ему свой план. Он должен был прийти ко мне после работы, позвонить в дверь и войти. Когда Марли прыгнет на него, чтобы поцеловаться, Джим даст ему максимально возможный отпор. «И не стесняйся, – учил его я. – Когда дело

касается Марли, никаких нежностей».

Джим позвонил в дверь тем же вечером. Естественно, Марли попался на удочку и понесся на него так, что уши прижимались к голове. Как только он оторвался от земли, чтобы прыгнуть на Джима, тот с непритворным рвением последовал моему совету. Опасаясь прослыть слабаком, он нанес сокрушающий удар коленкой прямо в солнечное сплетение Марли и чуть не выбил из того дух. Гулкий звук удара был слышен даже в комнате. Марли издал громкий стон и, закатив глаза, свалился на пол.

– О боже, Джим, – сказал я. – Ты разве изучал кунг-фу?

– Ты же сам просил: никаких нежностей, – ответил он.

И он оказался прав. Марли поднялся, отдышался и поприветствовал Джима должным для собаки образом, стоя на всех четырех лапах. Если бы он мог говорить, клянусь, он бы сейчас вслух признал себя побежденным. Больше Марли никогда ни на кого не бросался, по крайней мере, в моем присутствии, и больше никто никогда не бил его коленкой в грудь или куда бы то ни было.

Однажды утром, вскоре после того как Марли распрощался со своей привычкой прыгать на людей, я проснулся и увидел, что моя прежняя жена вернулась. Моя Дженни, женщина, которую я любил и которая скрылась в том густом тумане грусти, вновь была со мной. Послеродовая депрессия ушла так же неожиданно, как и накатилась. Дженни словно прогнала своих демонов. Они исчезли. Ушли, к нашей радо-

сти. Она была сильной, она была оптимисткой, она не просто справлялась со всеми обязанностями молодой матери двух детей, она шла вперед. Марли снова пользовался ее благоклонностью. Держа обоих детей на руках, она наклонялась поцеловать его. Она кидала ему палки и выливали в его миску подливку от бифштекса. Она танцевала с ним по комнате под хорошую музыку. Иногда ночью, когда Марли успокаивался, я видел, как она лежит рядом с ним на полу, положив голову ему на шею. Дженни вернулась. Слава богу, она снова здесь.

ГЛАВА 16

Кинопроба

Некоторые вещи в жизни слишком невероятны, чтобы быть ложью, поэтому когда Дженни позвонила мне на работу и сказала, что Марли приглашают на кинопробы, я знал, что она не могла это выдумать. Тем не менее я отнесся к новости с недоверием.

– Куда приглашают? – переспросил я.

– На кинопробы.

– Это как? Сниматься в фильме, да?

– Да, сниматься в фильме, дурачок, – ответила она. В полнометражном фильме.

– Марли? В полнометражном фильме?

Некоторое время разговор продолжался в том же духе, потому что я пытался привести в соответствие образ нашего туповатого пожирателя гладильных досок с образом последователя знаменитой Лэсси, спасающей детей из горящих зданий.

– Нашего Марли? – спросил я еще раз, чтобы окончательно удостовериться.

Эта была правда. Оказалось, неделю назад нам позвонила начальница Дженни и сказала, что у нее есть подруга, которая хочет попросить нас об услуге. Этой подругой оказалась

местный фотограф Колин Мак-Гарр, которую нью-йоркская киностудия Shooting Gallery привлекла к работе над фильмом. Его изначально хотели снять в Лейк-Уорт, городке, расположенном к югу от нас. В обязанности Колин входило найти «типичное семейство Южной Флориды» и сфотографировать каждую деталь, каждую бытовую мелочь: книжные полки, магниты на холодильнике, даже шкафы – в общем, все, что есть, чтобы помочь режиссерам привнести в фильм больше реализма.

– Съёмочная группа состоит из веселых и милых людей, – сказала Дженни ее начальница. – Они хотят показать, как живут местные семейные пары с детьми.

– Что-то вроде социологического исследования, – подметила Дженни.

– Именно.

– Идет, – согласилась Дженни, – если только к их приезду мне не придется убирать дом.

Колин приехала к нам и принялась фотографировать, причем не только наше имущество, но и нас самих. Как мы одевались, какие прически мы носили, как растягивались на диване. Она запечатлела зубные щетки на умывальнике. Она щелкнула детей в кроватках. Она не пропустила и «типичного» для семейной пары кастрированного пса. Как она потом заметила, «он яркое пятно в вашей жизни».

Марли, конечно, был в восторге. Впервые после рождения наших детей его желание быть в центре внимания (незави-

симо от того, что с ним вытворяют) нашло отклик. Любительница крупных животных, Колин не боялась «слюнных ливней» и уделяла псу достаточно времени, даже боролась с ним, стоя на коленях.

Пока Колин фотографировала, я размечтался. Мы не просто предоставили создателям картины данные о жизни нашей семьи. Фактически нам устроили кинопробу. Я слышал, что всех актеров второго плана и участников массовых сцен будут набирать среди местных жителей. Что, если режиссер заметит настоящую звезду среди кухонных магнитов и плакатов? Случаются вещи и более удивительные.

Я представлял себе режиссера, во многом напоминавшего Стивена Спилберга, склонившегося над столом, по которому разбросаны сотни фотографий. Он переворачивает их с нетерпением, бормоча: «Мусор! Мусор! Это никуда не годится». И вот он замирает, глядя на очередной снимок. На нем самый обычный женатый мужчина чистит ковер. Режиссер тычет в фотографию и кричит своим помощникам: «Приведите мне этого человека! Он должен сыграть в моем фильме!» Когда они, наконец, находят меня, я, будучи человеком скромным, сначала пребываю в нерешительности и только через некоторое время соглашаюсь на главную роль. В конце концов, шоу должно продолжаться.

Колин поблагодарила за гостеприимство и ушла. Она не дала нам никакого повода надеяться, что с нами свяжется кто-то из имеющих отношение к миру кино. Мы, со своей

стороны, сделали для нее все, что смогли. Тем не менее, когда всего через несколько дней Дженни позвонила мне на работу и сообщила: «Я только что положила трубку после звонка Колин Мак-Гарр, и ты НЕ поверишь, что она сказала», у меня и тени сомнения не было, что моя звезда взошла. Сердце выпрыгивало из груди.

– Не поверю чему? – спросил я.

– Она говорит, что режиссер хочет попробовать Марли.

– Марли? – переспросил я, будто ослышался. Но она вроде бы не заметила смятения в моем голосе.

– Именно! Он ищет огромного, глупого, чудаковатого пса на роль домашнего животного, и Марли его заинтересовал.

– Чудаковатого? – переспросил я.

– Так передала его слова Колин. Огромный, глупый и чудаковатый.

Что ж, в таком случае режиссер точно обратился по адресу.

– А Колин не говорила случайно, режиссер упоминал обо мне?

– Нет, – ответила Дженни. – С какой стати?

Колин забрала Марли на следующий же день. Понимая важное значение первого выхода на съемочную площадку, пес бросился через всю гостиную, чтобы радостно поприветствовать ее, остановившись только для того, чтобы схватить зубами ближайшую подушку, – ведь никогда не знаешь, когда занятой режиссер захочет поспать, и, если это произой-

дет, Марли будет тут как тут.

Как только его лапы коснулись деревянного пола, он полностью перешел в режим скольжения, которое продолжалось, пока Марли не впечатался в журнальный столик. Он оторвался от земли, врезался в стул и, приземлившись на спину, покатился, корректируя траекторию, что закончилось лобовым столкновением с ногами Колин.

– Вы точно не хотите, чтобы мы дали ему успокоительное? – спросила Дженни.

Режиссер хочет видеть его непринужденным, в естественном состоянии, настаивала Колин, поэтому она сразу отправилась с нашим бесконечно счастливым псом на пробы, посадив его на переднее сиденье своего огромного красного джипа.

Через два часа Колин и компания вернулись со следующим вердиктом: Марли прошел кинопробу. «Да ну! – воскликнула Дженни. – Не может быть!» Наш восторг не угас, даже когда Колин сказала, что Марли был единственным претендентом на роль, и даже когда она добавила, что его роль будет единственной неоплачиваемой в фильме.

Я спросил ее, как прошла кинопроба.

– Я посадила Марли в машину и всю дорогу чувствовала себя, как в джакузи. Он облизывал все, что там было. К тому времени, как мы добрались, я промокла насквозь.

Съемочная группа размещалась в отеле Gulf Stream, обветшавшей туристической достопримечательности прежних

эпох, которая возвышалась над Береговым каналом. Марли произвел неизгладимое впечатление на команду, потому что, выпрыгнув из автомобиля, он так начал носиться по стоянке, словно вот-вот должна была начаться бомбардировка.

– Он просто пришел в бешенство, – заключила Колин. – Полный псих.

– Да он всего лишь немного перевозбудился, – встал я на защиту Марли.

В какой-то момент, по словам Колин, Марли выхватил чекovou книжку из рук одного из членов съемочной группы и бросился наутек, выписывая серию восьмерок. Очевидно, он полагал, что таким образом выбьет себе ставку.

– Мы называем его лабрадор-бегун, – извинилась Дженни с улыбкой, на которую способна только гордая мать.

Наконец Марли достаточно успокоился, чтобы убедить всех: он способен справиться с ролью, сводившейся в основном к тому, чтобы играть самого себя. Фильм назывался «Последняя пробежка на базу», это была фантазия на тему бейсбола, в которой 79-летний обитатель дома престарелых на пять дней превращается в 12-летнего мальчишку, чтобы осуществить свою мечту – сыграть в лиге детских бейсбольных команд. Марли играл гиперактивную собаку из семьи тренера одной из команд лиги, а на роль самого тренера пригласили ушедшего из спорта кетчера высшей лиги Гэри Картера.

– Они действительно хотят, чтобы Марли снялся в филь-

ме? – все еще недоверчиво спросил я.

– Он всем понравился, – ответила Колин. – Он идеален.

В оставшиеся до съемки дни мы заметили едва заметную перемену в поведении Марли. На него снизошло странное спокойствие. Как будто факт, что он прошел пробы, придавал ему уверенности. В его манере держаться появилось что-то королевское. «Может, ему просто было необходимо, чтобы кто-то в него поверил?» – спросил я у Дженни.

Вы не поверите: моя жена совершенно изменилась. Теперь она была Дженни – Мать Выдающегося Актера. Перед первым днем съемок она искупала Марли, расчесала его, подрезала когти и почистила ему уши.

В то утро, когда начинались съемки, выйдя из спальни, я увидел Дженни и Марли. Они сплелись в единый клубок, прыгавший по комнате, словно сошлись в смертельном бою. Дженни зажала пса ногами, плотно обхватив его ребра, и одной рукой крепко держала за ошейник. Марли брыкался и извивался. Казалось, в гостиной проходит родео.

– Ради бога, что ты делаешь? – спросил я.

– А на что похоже? – ответила она вопросом на вопрос. – Я чищу ему зубы!

Действительно, в руке у нее была зажата зубная щетка, и Дженни изо всех сил старалась отчистить его крупные белые зубы, а Марли, пуская из пасти удивительное количество пены, делал все возможное, чтобы эту щетку проглотить. Определенно, в тот момент он выглядел, как бешеный пес.

– Ты что, зубную пасту используешь? – поинтересовался я, а потом задал еще один, более важный вопрос:

– А как именно ты собираешься заставить его сплюнуть?

– Пищевая сода, – ответила Дженни.

– Слава богу, – обрадовался я. – Значит, это не бешенство? Через час мы выехали в отель Gulf Stream; мальчишки сидели на детских сиденьях, а Марли, пыхтя по обыкновению, между ними, и дыхание у него было непривычно свежим. Нам сказали приехать ровно к девяти утра, но через квартал мы попали в пробку. Дорога впереди была перекрыта, и полицейский отводил движение подальше от отеля. Съёмки освещались в прессе на полную катушку – это же было величайшее событие для сонного Лейк Уорта со времен фильма «Жар тела», который сняли пятнадцать лет назад. Рядом собралось огромное количество зевак. Полиция сдерживала их как могла. Мы ползли с черепашьей скоростью, и когда, наконец, подъехали к полицейскому, я высунулся из окна и сказал:

– Нам надо проехать.

– Туда нельзя, – был ответ. – Продолжайте движение. Вперед.

– Но мы из съёмочной группы, – возразил я.

Он скептически оглядел нас, парочку, сидящую в машине с двумя детьми, которые только начинают ходить, и собакой впридачу.

– Я сказал: двигай! – рявкнул он.

– Но наш пес снимается в фильме, – сказал я.

Тут он посмотрел на меня с неподдельным уважением.

– Так у вас собака? – спросил он. Собака у него в списке была.

– Да, у меня собака, – сказал я. – Собака Марли.

– В роли себя самого, – вставила Дженни. Полицейский повернулся и торжественно засвистел в свой свисток.

– У него собака, – крикнул он полицейскому, стоявшему на полквартала дальше. – Собака Марли!

И тот коп крикнул еще кому-то: «У него собака! Собака Марли прибыла!»

– Пропустить! – крикнул издали третий полицейский.

– Пропустить! – отозвался второй.

Полицейский подошел к заграждению, знаком показывая, что мы можем проехать.

– Вот сюда, – вежливо показал он. Я чувствовал себя королем. Когда мы проезжали мимо, он повторил, словно никак не мог в это поверить: «У него собака».

На автостоянке возле отеля съемочная группа уже всю готовилась. По тротуару тянулись провода, стояли штативы камер, повсюду виднелись микрофоны. На лесах были установлены прожекторы. На вешалках в трейлерах висели костюмы. Для съемочной группы и артистов в тени были накрыты два стола с закусками и напитками. С очень важным видом суетились люди в темных очках. Режиссер Боб Госс поздоровался с нами и кратко описал снимаемую сцену. Ми-

ни-вэн останавливается на обочине, хозяйка Марли, которую играла актриса Лиза Харрис, сидит за рулем. Ее дочь, на роль которой взяли милую девушку по имени Дэниел из местной школы актерского мастерства, и сын, тоже подающий надежды актер примерно восьми лет от роду, сидят на заднем сиденье со своим домашним любимцем, то есть с Марли. Дочка открывает дверь машины и выпрыгивает, ее брат следует за ней, держа Марли на поводке. Они проходят мимо камеры. Конец сцены.

– Все довольно просто, – сказал я режиссеру. – Он вроде в состоянии справиться с этим, никаких проблем не возникнет.

Я отвел Марли в сторону, дожидаясь команды режиссера усадить его в фургон.

– Итак, ребята, слушайте сюда, – сказал Госс съемочной группе. – Пес немного необычный, понятно? Но пока он полностью не выполнит задачу как надо, будем делать дубли.

Он объяснил свое видение сцены: Марли – типичная семейная собака, и цель оператора – заснять поведение типичной семейной собаки на типичном семейном пикнике. Никакой игры или наставлений не требовалось, только чистая киношная правда.

– Просто дайте псу расслабиться, – сказал он, – и постоянно работайте с ним.

Когда все были готовы приступить к работе, я усадил Марли в фургон и передал нейлоновый поводок мальчику, кото-

рый, видимо, боялся пса.

– Он очень дружелюбный, – успокоил я его, – просто хочет облизать тебя, видишь? – Чтобы проиллюстрировать это, я сунул свою руку по запястье Марли в пасть.

Дубль первый. Мини-вэн останавливается на обочине. В то мгновение, когда дочка открывает дверь, огромный ком палевой шерсти вылетает из машины, как из пушки, и проносится перед камерами, а сзади развевается красный поводок.

– Стоп!

Я побежал за Марли на автостоянку и приволок его обратно.

– Так, народ, попробуем еще раз, – сказал Госс. Наклонившись к мальчику, он объяснил:

– Собака довольно дикая. Постарайся в этот раз держать поводок крепче.

Дубль два. Мини-вэн останавливается. Дверь открывается. Только дочка начинает выходить, Марли пыхтя высовывает голову, перепрыгивает через девочку, на этот раз таща за собой еще и бледного от страха мальчика с побелевшими суставами пальцев.

– Стоп!

Дубль три. Мини-вэн останавливается. Дверь открывается. Дочка выходит. Затем, держа поводок, выходит мальчик. Пока он удаляется от машины, поводок натягивается, но собаки нет. Мальчик начинает изо всех сил дергать поводок.

Ничего не происходит. Тикают длинные, до боли пустые секунды. Мальчик гримасничает и оборачивается на камеру.

– Стоп!

Я заглянул в мини-вэн и увидел, что Марли, согнувшись, лижет себя там, где ни один мужчина ничего лизать не должен. Он поднял голову и посмотрел на меня, словно говоря: *Ты, что, не видишь, я занят?*

Дубль четыре. Я помещаю Марли на заднее сиденье мини-вэна вместе с мальчиком и закрываю дверь. Прежде чем крикнуть «Мотор!», Госс объявляет перерыв на несколько минут, чтобы посоветоваться с помощниками. В конечном счете, сцену начинают снимать. Мини-вэн останавливается. Дверь открывается. Дочка выходит. Мальчик выходит, но со странным выражением лица. Он смотрит прямо в камеру и демонстрирует свою руку, в которой зажата половина облюбованного и перегрызенного поводка.

– Стоп! Стоп! Стоп!

Мальчик рассказал, что пока он ждал команды в машине, Марли начал грызть поводок. Съемочная группа и актеры смотрели на истерзанный поводок с недоверием, со смещением благоговейного страха и ужаса на лицах, как будто они только что стали свидетелями какого-то великого и загадочного природного явления. А вот я был удивлен меньше всех. Марли отправил на свалку больше поводков и веревок, чем я мог сосчитать, ему даже удалось перегрызть покрытый слоем резины стальной кабель, в рекламке которого говори-

лось, что он «используется авиакомпаниями для буксировки самолетов». Вскоре после рождения Конора Дженни принесла домой новый ошейник для перевозки собак, который позволял прицепить Марли к ремню безопасности в машине, чтобы он не разгуливал по движущемуся автомобилю. В первые же девяносто секунд применения нового устройства Марли удалось не только перегрызть сам ошейник, но и ремень безопасности совершенно нового автомобиля.

– О’кей, народ, давайте сделаем перерыв, – крикнул Госс. Повернувшись ко мне, он спросил удивительно спокойным голосом:

– Как быстро можно достать новый поводок?

Я мог себе представить, во сколько ему обходится каждая минута, пока актеры и съемочная группа сидят без дела.

– Отсюда метров восемьсот до зоомагазина, – сказал я. – Я вернусь через пятнадцать минут.

– И на этот раз принесите что-нибудь, что он не сможет перегрызть, – добавил режиссер.

Я вернулся с громоздкой цепью, которая походила на те, что используют дрессировщики львов, и съемки продолжились, один неудачный дубль за другим. Каждая новая попытка была хуже предыдущей. В какой-то момент Дэниел, которая играла девочку-подростка, испустила пронзительный крик отчаяния и воскликнула с неподдельным ужасом в голосе:

– О Господи! Он выставил свою штуку!

– Стоп!

В другой сцене Марли так громко пыхтел у ног Дэниел, когда она звонила своему приятелю, что инженер звукозаписи с отвращением снял наушники и вслух пожаловался:

– Я ни слова не слышу из того, что она говорит. Только собачьи тяжелые вздохи. Прямо как озвучка для порнофильма.

– Стоп!

Так прошел первый день съемок. Марли был сущим бедствием. С одной стороны, я защищал его – *а чего же они ждали за бесплатно? Лэсси?* – но, с другой, был обижен. Я смотрел на съемочную группу и актеров и ясно читал на их лицах: *«Откуда взялось это чудовище и как его выпроводить вон?»* В конце дня один из ассистентов с блокнотом на планшетке сообщил, что расписание съемок на завтрашнее утро еще не утверждено.

– Не утруждайте себя, не приезжайте завтра, – сказал он. – Если Марли понадобится, мы позвоним. – И чтобы никаких сомнений не осталось, он добавил: – Так что пока вас не пригласят, не появляйтесь. Ясно?

Да ясно, ясно как божий день. Госс послал своего подчиненного сделать грязную работу. С актерской карьерой Марли было покончено. И я не имел права никого винить. Марли, очевидно, был настоящим кошмаром для кинорежиссеров. Никто не знает, сколько тысяч долларов пропали из-за ненужных пауз по его вине и из-за его ужасной игры. Он перепачкал бесчисленное количество костюмов, совершил набег

на стол с закусками и чуть не опрокинул камеру стоимостью \$30000. Убрав нас с площадки, они уберегли себя от новых потерь. Я хорошо понимал, что означают слова: «Не звоните нам, мы сами перезвоним».

– Марли, – сказал я, когда мы добрались до дома, – какой был шанс, а ты упустил его.

На следующее утро, когда я все еще сожалел о крушении своих надежд стать знаменитостью, зазвонил телефон. Это был помощник режиссера, который попросил как можно скорее привезти Марли в отель.

– Вы хотите сказать, что берете его обратно? – спросил я.

– Именно так, – ответил он. – Боб хочет, чтобы он снялся в следующем эпизоде.

Я приехал через полчаса, все еще не веря, что нас пригласили еще раз. Госс был крайне взволнован. Он посмотрел отснятый накануне материал и пришел в полный восторг.

– Очень смешной пес! – выпалил он. – Невероятно веселый. Настоящий сумасбродный гений!

Я почувствовал, как спина моя распрямляется, а грудь раздувается от гордости.

– Мы всегда знали, что он самородок, – сказала Дженни.

Съемки в Лейк-Уорт продолжались еще несколько дней, и Марли был в них успешно задействован. Мы слонялись за кулисами вместе с родителями и поклонниками актеров, беседуя, общаясь и резко замолкая каждый раз, когда рабочий сцены выкрикивал: «Приготовиться к съемке!» Когда же

раздавалось «Стоп!», общение продолжалось. Дженни даже удалось взять автографы у Гэри Картера и Дэйва Уинфилда (последний был включен в свое время в Зал славы бейсбола, его сняли в эпизоде); они подписали мячи для наших сыновей.

Марли купался в лучах славы. Члены съемочной группы, особенно женщины, ласкали его. Стояла страшная жара, и одному из помощников была поручена эксклюзивная миссия бегать за Марли с миской и бутылкой воды и поить его, когда он захочет. Казалось, что абсолютно все давали ему закуски со стола. Я оставил его со съемочной группой на пару часов, чтобы появиться на работе, а когда вернулся, обнаружил, что Марли развалился на земле как король, лапами кверху, а одна очень красивая гримерша нежно почесывает его живот. «Он такой лапочка!» – ворковала она.

У меня тоже началась звездная болезнь. Я представлялся как Хозяин собаки Марли и бросал фразочки вроде: «Мы надеемся, что в следующем фильме ему достанется роль лающего пса».

Как-то во время перерыва между съемками я пошел в вестибюль отеля, чтобы позвонить из автомата. В нескольких метрах от меня Марли, который был без поводка, обнюхивал мебель. Консьерж, ошибочно принявший мою кинозвезду за бездомного пса, попытался вытолкать его из холла. «А ну-ка иди, откуда пришел! Фу!» – пугал он.

– Эй, – заступился я, прикрыв ладонью телефонную труб-

ку и смерив консьержа испепеляющим взглядом. – Вы вообще представляете, с кем говорите?

Мы провели на съемках четыре полных дня, и к тому времени как нам сказали, что все эпизоды с Марли отсняты и его услуги больше не требуются, я и Дженни уже чувствовали себя сотрудниками компании Shooting Gallery. Единственными, кто не получил за съемки денег, но все же сотрудниками. «Мы любим вас, ребята! – крикнула Дженни всем, кто мог услышать, пока мы загоняли Марли в машину. – Ждем не дождемся фильма!»

Ждали мы очень долго. Один из продюсеров попросил нас перезвонить им через восемь месяцев. Они обещали отправить нам копию фильма до премьеры. Но когда я позвонил, секретарь попросила подождать, а через несколько минут сообщила: «Попытайтесь-ка лучше еще через пару месяцев». Я ждал и пытался, ждал и пытался, но меня неизменно просили перезвонить позже. Я начал чувствовать себя настырным преследователем, и мне легко было представить секретаршу в приемной, которая прикрывает трубку рукой и шепчет Госсу, сидящему рядом за монтажным столом: «Это опять тот чокнутый парень с собакой. Что ему сказать на этот раз?»

В конце концов, я перестал звонить, смирившись с тем, что никогда не увижу «Последнюю пробежку на базу», убежденный, что никто ее не увидит, что проект забросили, оставили на полке в монтажной комнате, поскольку нужно было вырезать проклятую собаку из каждой сцены. Только через

два года у меня появилась возможность оценить актерские способности Марли.

Однажды я зашел в видеопрокат и вдруг неожиданно для самого себя спросил о фильме «Последняя пробежка на базу». Оказалось, этот фильм есть в прокате. И по счастливой случайности кассета была в наличии.

Чуть позже я узнал всю грустную историю целиком. Компания Shooting Gallery не смогла привлечь общенационального дистрибьютора для проката картины, и у нее не оставалось выбора, кроме как передать дебютную картину Марли сразу в видеопрокат. Таким образом, судьба ее была незавидной. Но мне было все равно. Я помчался домой и крикнул Дженни и детям, чтобы все быстро собрались у видека. Марли мелькал на экране не более двух минут, но, надо сказать, это были самые лучшие сцены. Мы смеялись! Мы плакали! Мы веселились!

– Пиятиль, это ты! – кричал Конор.

– Мы знамениты! – вторил ему Патрик.

Но Марли, который никогда ни на что не претендовал, это не впечатлило. Он зевнул и забрался под журнальный столик. К тому времени, как пошли титры, он спал глубоким сном. Мы же с замиранием сердца следили, как ползут по экрану имена актеров. На минуту мне подумалось, что наша собака не будет упомянута. Но вот на экране появилась надпись большими буквами: «Пес Марли... в роли себя самого».

ГЛАВА 17

В стране Бокахонтас

Через месяц после окончания съемок фильма мы попрощались с Вест-Палм-Бич. В пределах квартала от нашего дома произошло еще два убийства, но на самом деле даже не эти происшествия, а шумиха вокруг них способствовала принятию решения покинуть наш маленький домик на Черчилль-роуд. Багажа, большую часть которого составляли детские игрушки, у нас набралось буквально до самого потолка, и наш домик стал похож на склад игрушечной фабрики. Марли к тому времени весил 44 кг и не мог повернуться, не опрокинув что-нибудь. В доме было две спальни, и мы ошибочно надеялись, что мальчики прекрасно уживутся в одной комнате. Однако когда они начали будить друг друга, удваивая наши ночные хлопоты, мы переместили Конора в узкий коридорчик между кухней и гаражом. Официально он считался моим «кабинетом», где я играл на гитаре и планировал семейный бюджет. Тем не менее никого из тех, кто это видел, картина не умиляла: фактически мы поселили нашего ребенка в коридоре. Это звучало ужасно. Коридор, кстати, располагался рядом с гаражом, который, в свою очередь, был скорее собачьей конурой. И что же это за родители, поместившие ребенка в собачью конуру? В коридорах,

как правило, сквозняки, грязь, уличные туфли, аллергены, насекомые. Вдобавок здесь мы ставили миски с водой и едой для собаки даже после того, как Конор обосновался там, и не потому, что так было удобно, а из-за привычки Марли.

Вышеприведенное описание звучит по-диккенсовски, но на самом деле наша детская-коридор была не такой уж плохой, скорее даже очаровательной. Изначально здесь был проход под открытым небом между домом и гаражом, но несколько лет назад предыдущие владельцы сделали крышу. Перед тем как оборудовать детскую, я заменил старые прохудившиеся ставни на современные плотно пригнанные окна. Я также заменил шторы и заново покрасил стены. Дженни постелила на пол мягкие коврики, повесила веселые рисунки, а с потолка теперь свешивались причудливые вертушки. И все же как это выглядело? Наш сын спал в коридоре, и пес полностью распоряжался спальней хозяина.

Кроме того, Дженни теперь работала на полставки, в основном дома, пытаясь совместить карьеру и воспитание детей. Для нас определенно имело смысл переехать поближе к моему месту работы. Мы приняли решение сменить место жительства.

Жизнь полна маленьких сюрпризов, и одним из них был тот факт, что после нескольких месяцев поисков мы остановились на доме в том городке Южной Флориды, над которым я чаще всего открыто глумился. Это был Бока Ратон, что в переводе с испанского дословно означает «Рот Крысы». И

ротик был что надо!

Бока Ратон представлял собой оплот состоятельных республиканцев, заселенный в основном недавними обитателями Нью-Джерси и Нью-Йорка. Все они обогатились сравнительно недавно и понятия не имели, как потратить большие суммы, не выставив себя дураками. Бока Ратон был районом роскошных седанов, красных спортивных машин. Здесь на небольшом клочке земли сгрудились особняки, покрытые штукатуркой розового цвета; встречались также участки с высокими оградами и с охранниками у ворот. Мужчины предпочитали льняные брюки и итальянские кожаные туфли, которые носили без носков, и тратили немеренное количество денег на якобы важные звонки друг другу по мобильным телефонам. Женщины щеголяли загаром цвета любимых кожаных сумок Gucci, оттеняя кожу крашеными волосами пугающих серебристых и платиновых оттенков.

Город буквально кишел пластическими хирургами: у них были самые большие дома и самые широкие улыбки. Для хорошо сохранившихся женщин Боки силиконовые имплантаты стали неотъемлемой частью существования. Женщины помоложе делали только операции на груди, а женщины постарше – операции на груди и подтяжку лица. Удаление жира с ягодич, складок с живота, операции по выпрямлению носа и татуаж сделали ненужными косметические средства, придав женскому населению города вид пеших солдат армии анатомически идеальных надувных кукол. Как я написал в

стишке для карикатуры в газете, «липосакция и силикон – лучшие друзья девушек в Бока Ратон».

В своей колонке я нередко высмеивал образ жизни в Боке, начиная с самого названия города. Жители Бока Ратон на самом деле никогда не называли свой город полным именем. Они просто заменяли название привычным Бока. Но они произносили это слово не так, как предписывает словарь, с долгим «о»: БО-ка. Скорее их произношение напоминало произношение в Джерси, назальное, с легким придыханием. Слово произносили как БОХОУ-ка, например: «О, как красивы подстриженные кусты в БОХОУ-ке!»

Как раз в то время в кинотеатрах шел диснеевский мультфильм «Покахонтас», и я написал пародию под названием «Бокахонтас». Моя главная героиня, одетая в золото, была туземной принцессой из пригорода. Она водила розовый БМВ, а ее твердые, как скалы, увеличенные хирургическим путем груди, упирались в руль, позволяя ездить без помощи рук. Во время поездки в солярий она в одной руке держала мобильник, а другой поправляла свои волосы, смотрясь в зеркало заднего вида. Бокахонтас жила в спроектированном модным дизайнером вигваме пастельного цвета, каждое утро начинала с занятий в тренажерном зале племени, но, конечно, только в том случае, если находила место для парковки не дальше, чем за три метра от двери. Все вечера она проводила за шопингом, выискивая меха диких животных с верным другом – картой American Express в руке в охотни-

чьем заказнике, известном как Центральный городской мегамаркет.

«Похороните мою карту Visa в Мицнер-парке, самом фе-шенебельном месте для шопинга!» – торжественно поет Бокахонтас в одной из моих колонок. В другой заметке она поправляет свой лифчик из оленьей кожи и ратует за то, чтобы пластическая хирургия была исключена из налогооблагаемой суммы.

Моя пародия была жестокой, но преувеличивал я несущественно. Реальные Бокахонтас были верными поклонницами этих колонок и постоянно старались угадать, с кого из них я срисовал вымышленную героиню на этот раз. (А я никогда не признавался.) Меня нередко приглашали выступить перед социальными и общественными объединениями, и неизменно кто-нибудь вставал и спрашивал: «За что вы так ненавидите БОХОУ-ку?» Во мне нет ненависти к Боке, отвечал я, просто для ее изображения используется мой излюбленный литературный прием – высокий фарс. И ни к одному другому месту на свете он бы не подошел лучше, чем к милому розовому Крысиному Ротику.

Мы с Дженни остановили свой выбор на доме, расположенном в забытом жителями Боки месте, – между поместьями, стоявшими вдоль побережья восточного Бока Ратона, и надменными, отгородившимися от всех заборами жителями западного Бока Ратона (который не входит в список городов округа Палм-Бич; именно поэтому я вдоволь насладился их

тревогой по поводу почтового индекса). Наш новый район представлял собой одну из немногих частей города, где обитал средний класс, и его жители любили шутить, что они живут в бедном квартале. Кроме того, здесь проходили две железные дороги: одна определяла восточную границу района, а другая западную. Ночью можно было услышать шум товарных поездов, направляющихся в Майами.

– Ты что, с ума сошла? – сказал я Дженни. – Мы не можем ехать в Боку! Меня отправят из города по железной дороге, а мою голову используют в качестве органического удобрения.

– Прекрати, – ответила она. – Ты, как всегда, преувеличиваешь.

Моя газета *Sun-Sentinel* была лидером продаж в Бока Ратон, намного опережая по тиражу *Miami Herald*, *Palm Beach Post* и даже местную *Boca Raton News*. Мои статьи читали весь центр и западные новые районы, а поскольку моя фотография обязательно печаталась над моей колонкой, меня часто узнавали. Так что не думаю, что я сильно преувеличивал.

– Они заживо сдерут с меня кожу и повесят мой скелет перед ювелирным магазином Tiffany's, – добавил я.

Но мы провели несколько месяцев в поисках, и это был первый дом, который отвечал всем нашим запросам. Он был нужного размера, стоял в нужном месте и продавался по нужной цене, стратегически располагаясь между обоими офисами, куда я мотался. Средние школы здесь были не хуже, чем в Южной Флориде, а что касается окружающей сре-

ды, город Бока Ратон располагал прекрасной системой парков, а также самыми чистыми пляжами во всем районе Майами-Палм-Бич. Я с трепетом и дрожью согласился на покупку, чувствуя себя не до конца засекреченным агентом, внедрившимся в лагерь врага. Непримируемый противник Боки вот-вот ворвется, и этот варвар может испортить вечеринку. И кто осудил бы их за то, что они не хотели меня видеть?

Когда мы только переехали, я буквально крался по городу, убежденный, что все взгляды прикованы ко мне. Я представлял, как люди перешептываются, проходя мимо меня, и мои уши пылали. После того как я в своей колонке написал сам себе пригласительное письмо (чувствуя себя при этом более чем неловко), я получил кучу писем, в которых говорилось что-то вроде: «Вы смешали наш город с грязью, а теперь хотите жить здесь? Что за постыдное лицемерие!» Надо признать, они были правы. Мой коллега, горячий защитник Боки, теперь вдоволь поиздевался надо мной. «Итак, – возвестил он ликующим тоном, – ты решил, что вульгарная Бока в конечном счете не такое уж и дурное место, да? Парки, налоги, школы, пляжи, деление на районы – все это не так плохо, когда собираешься купить здесь дом, правда?» Мне оставалось только отвернуться и признать себя побежденным.

Вскоре я обнаружил, что большинство моих соседей, проживающих на островке между железными дорогами, были вполне благожелательными читателями моих письменных нападок на Боку, в частности соглашались со мной в вопросе

о «бестактности и вульгарности в нашей среде». Очень скоро я почувствовал себя как дома.

Мы поселились в старомодном доме постройки 1970-х гг. В нем было четыре спальни, а по площади он вдвое превосходил наше прежнее жилище. Но поскольку дом не был столь же очарователен, мы постепенно начали облагораживать его. Мы содрали грубое ковровое покрытие и заменили его на дубовые полы в гостиной и итальянскую плитку в остальных комнатах. Мы поменяли уродливые раздвижные стеклянные двери на лакированные застекленные створчатые. Медленно, но верно преображался заброшенный сад перед домом. Я посадил имбирь и другие экзотические растения, которые привлекали внимание бабочек и прохожих.

Оба главных преимущества нового места жительства никак не были связаны с самим домом. Из окна гостиной открывался вид на маленький городской парк с детскими площадками под высокими соснами. Дети его обожали. А на заднем дворе прямо за новыми дверьми находился бассейн. Сначала он нам был не нужен, потому что мы беспокоились за сыновей, которые только начали ходить. Когда риелтор предложила наполнить бассейн водой, Дженни так грозно посмотрела на нее, что той стало не по себе. Первое, что мы сделали в день новоселья, – огородили бассейн метровой решеткой, достойной самой надежной тюрьмы. Мальчиков – трехлетнего Патрика и полуторагодовалого Конора – тянуло к воде, как пару дельфинов. Парк неподалеку от дома был

для нас чем-то вроде садика позади нашего прежнего дома, а бассейн, как мы поняли позже, существенно скрашивал кажущиеся бесконечными жаркие летние месяцы.

Но никто не любил бассейн на заднем дворе больше, чем наш водоплавающий пес, этот горделивый потомок собак рыбаков, бороздивших просторы океанов вдоль берегов Ньюфаундленда. Если решетка бассейна была открыта, Марли бросался в воду, начиная разбег из гостиной. Он летел через застекленную дверь и, одним прыжком преодолевая вымощенный кирпичом дворик, плюхался в бассейн с громким шлепком, от которого в воздух извергался фонтан, а по поверхности воды расходились большие волны. Плавание вместе с Марли представляло угрозу для жизни, как плавание рядом с океанским лайнером. Молотя передними лапами по воде, он мог на полной скорости врезаться в человека. Ты ждешь, что он в последний момент изменит курс, а он просто налетает и пытается забраться на тебя. Если же ты высывал голову из воды, он начинал топить тебя. «Ну и на кого я теперь похож? На мокрую курицу?» – спрашивал я, удерживая пса руками, чтобы он перевел дух. Пока Марли слизывал капельки с моего лица, его передние лапы все еще продолжали загребать воображаемую воду.

Одна из проблем заключалась в том, что в нашей новой обители не было «марлиустойчивого» бункера. Бетонный одноместный гараж в старом доме считался почти несокрушимым. К тому же в нем было два окна, и даже в разгар лета

внутри сохранялась прохлада. У дома в Боке стоял двухместный гараж, но он не годился для Марли или любого другого живого существа, которое не переносит температуру выше +60 °С. В этом гараже не было окон, и там стояла жара и духота. К тому же стены из пеноблоков (а не бетонные), как мы знали по опыту, Марли умел разносить вдребезги. А между тем, несмотря на успокоительные, его приступы паники, связанные с грозами, становились все сильнее.

Впервые мы заперли его дома одного, снабдив подстилкой и большой миской воды, в подсобке рядом с кухней. Когда несколько часов спустя мы вернулись, он уже успел исцарапать дверь. Ущерб был минимальным, но мы только что заложили наши жизни на следующие тридцать лет, чтобы выкупить дом, так что в этом не было ничего приятного.

– Может, он просто привыкает к новой обстановке, – предположил я.

– Сейчас на небе ни облачка, – скептически подметила Дженни. – Что же будет, когда начнется гроза?

В следующий раз оставив пса взаперти, мы получили ответ на свой вопрос. Увидев, что собирается гроза, мы поспешно прервали свою прогулку, ринулись домой, но было слишком поздно. Дженни шла немного впереди и, едва открыв дверь подсобки, тут же замерла на месте со словами: «О боже мой». Она сказала это так, будто только что увидела труп, висящий на люстре. И еще раз: «О... боже... мой». Я заглянул через ее плечо в комнату: все оказалось хуже, чем я

думал. Марли стоял посередине и тяжело дышал. По лапам и из пасти у него текла кровь. Повсюду валялись клоки шерсти. Разгром, учиненный Марли на этот раз, не шел ни в какое сравнение с тем, что он делал раньше. Целая стена была снесена, уничтожена полностью, до потолка. Повсюду валялись щепки, обломки пластика и сломанные когти. На полу лежал оголенный электрический провод, а сам пол и стены были запачканы кровью. Сцена выглядела так, словно здесь только что в кого-то в упор выстрелили из дробовика.

– О боже мой, – выдавила в третий раз Дженни.

– О боже мой, – повторил за ней я. Это было все, что мы могли сказать.

После того как мы безмолвно простояли несколько секунд, созерцая поле битвы, я, наконец, сказал:

– Ладно, мы справимся. Все это можно починить.

Дженни недоверчиво посмотрела на меня: она знала, как я умею чинить.

– Я вызову мастера, и он все починит, – уточнил я. – Сам даже не стану браться за эту работу.

Я сунул Марли таблетку успокоительного, в глубине души тревожась, как бы последние события не загнали Дженни в депрессию, подобную той, что поглотила ее после рождения Конора. Однако та апатия была далеко позади. Дженни на удивление философски отнеслась к инциденту.

– Несколько сотен баксов, и комната будет как новенькая, – прочирикала она.

– Полностью с тобой согласен, – отозвался я. – Я организую свои дополнительные выступления, чтобы подзаработать. Так и заплатим за ремонт.

Через несколько минут Марли успокоился. Его веки отяжелели, а глаза покраснели – так было всегда, когда на него действовали лекарства. Сейчас он напоминал поклонников рок-группы Grateful Dead. Я не мог видеть его в таком состоянии – просто терпеть не мог, поэтому всегда возражал против приема таблеток. Но лекарства помогали ему преодолеть ужас, преодолеть надуманную смертельную угрозу. Если бы Марли был человеком, я бы назвал его клиническим психопатом. Он страдал бредовыми состояниями, паранойей и верил в существование какой-то темной злой силы, которая спускается с неба, чтобы забрать его. Он свернулся на коврик перед раковиной на кухне и глубоко вздохнул. Я опустился рядом с ним на колени и погладил собачью шерсть, перемазанную запекшейся кровью. «Ну что, песик, – сказал я. – Что же нам с тобой делать?» Не поднимая головы, он посмотрел на меня своими налитыми кровью, стекленеющими глазами, самыми печальными, которые я когда-либо видел. Как будто он хотел сказать мне что-то важное, что мне необходимо было понять. «Я знаю, – проговорил я. – Я знаю, что ты не можешь сдержаться».

На следующий день мы с Дженни взяли мальчиков, пошли в зоомагазин и купили гигантскую клетку. Там были разные размеры, но когда я описал габариты Марли, продавец под-

вел нас к самой большой.

Она была настолько огромной, что даже лев мог стоять и поворачиваться в ней. Сделанная из тяжелой стали, она имела два засова, чтобы дверь была надежно закрыта, и тяжелый стальной лоток на полу. Это был наш ответ Марли, наш переносной карцер. Конор и Патрик забрались внутрь, я задвинул засовы, заперев их на минуту.

– Ну что, ребята? Как вы думаете, удержит эта клетка нашего суперпса? – спросил я.

Конор покачал дверь клетки, просовывая пальцы сквозь прутья решетки, словно бывалый заключенный, и сказал:

– Я в тюйме.

– Пяитиль будет нашим заключенным! – вступил в общий разговор Патрик, перспектива ему понравилась.

Вернувшись домой, мы поставили клетку рядом со стиральной машиной. Переносной карцер сразу занял около половины площади подсобки.

– Марли, иди сюда, – позвал я, когда мы окончательно установили клетку. Я кинул игрушку, и он с удовольствием бросился за ней. Пока он ее грыз, не подозревая о новом жизненном испытании (нечто подобное психиатры называют «принудительным вмешательством»), я закрыл за ним дверцу и запер ее на засов.

– Это место будет твоим домом в наше отсутствие, – весело пояснил я.

Марли стоял все там же, довольно пыхтя, без всякого сле-

да озабоченности на морде; потом он вздохнул и улегся.

– Хороший знак, – сказал я. – Очень хороший знак.

В тот вечер мы решили испытать в деле собачью тюрьму строгого режима. На этот раз мне даже не понадобилось заманивать Марли. Я просто открыл дверцу, свистнул, и он сам забежал туда, стуча хвостом по металлическим прутьям.

– Будь хорошим мальчиком, Марли, – сказал я. Когда мы посадили сыновей в мини-вэн, чтобы съездить пообедать, Дженни сказала:

– Знаешь, что?

– Что? – спросил я.

– Первый раз за все время, что мы оставляем Марли одного, у меня не ноет под ложечкой, – призналась она. – До сегодняшнего дня я не осознавала, насколько это раздражает.

– Понимаю, о чем ты, – сказал я. – Обычно мы всегда гадали, что же Марли разрушит на этот раз.

– Да, или во сколько же нам обойдется этот коротенький вечер в кино.

– Это была русская рулетка.

– Мне кажется, клетка – наша самая полезная покупка, – добавила она.

– Нам надо было купить ее намного раньше, – согласился я. – Душевное спокойствие бесценно.

Мы прекрасно пообедали, а потом остались смотреть закат на пляже. Мальчишки плескались в волнах, бегали за чайками, бросали горсти песка в воду. У Дженни был непри-

вычно умиротворенный вид.

Тот факт, что Марли сидит в безопасности в карцере, то есть там, где он не может нанести вред ни себе, ни чему-либо другому, действовал на нас как исцеляющий бальзам.

– Что за чудесный пикник мы устроили! – улыбнулась Дженни, когда мы подъезжали к дому.

Я собирался согласиться с ней, как вдруг заметил боковым зрением что-то странное. Я повернул голову и посмотрел в окно около входной двери. Жалюзи были закрыты, как всегда, когда мы уходили куда-нибудь. Но чуть выше подоконника пластины жалюзи были подняты, и сквозь них что-то просовывалось наружу.

Что-то черное. И мокрое. И прижатое к стеклу.

– Какого... – начал я. – Как мог... Марли?

Едва я открыл дверь, навстречу мне, естественно, бросился наш пес. Он вился ужом в прихожей, по уши счастливый, что хозяйева снова дома. Мы прочесали весь дом, проверяя каждую комнату, каждый шкаф на предмет следов типичного поведения оставленного без присмотра Марли. Дом оказался в порядке, имущество не пострадало. Мы зашли в подсобку. Дверь клетки была распахнута, будто бы тайный сообщник Марли прокрался в дом и выпустил заключенного. Я присел на корточки, чтобы осмотреть замки. Засовы были отодвинуты, и с них капала собачья слюна.

– Это сделали изнутри, – заключил я. – Каким-то образом наш Гудини пролизал себе дорогу из Большого Домика.

– Поверить не могу, – сказала Дженни. Позже она добавила еще одно слово, и я был рад, что дети находятся достаточно далеко, чтобы не слышать его.

Мы всегда думали, что у Марли ума не больше, чем у инфузории, но он оказался достаточно сообразителен, чтобы понять: с помощью своего длинного языка он может аккуратно сдвинуть втулки. Он «пролизал» себе путь к свободе и в течение последующих недель доказал, что легко может повторить этот трюк, когда ему заблагорассудится. Тюрьма строгого режима оказалась на самом деле просто колонией. Бывали дни, когда мы возвращались и находили его мирно спящим в клетке, в другие он ждал нас у окна. Марли практически невозможно было заставить сделать что-либо, если он сам этого не хотел.

Мы начали привязывать оба засова к прутьям толстыми электрическими кабелями. Какое-то время система работала, но однажды, услышав отдаленные раскаты грома, мы примчались домой и обнаружили, что нижний угол дверцы клетки отогнут, будто на него надавили огромным консервным ножом, а Марли с окровавленными лапами в панике застрял в дырке, наполовину выбравшись из клетки. Я, как смог, выпрямил стальную дверцу, а потом мы начали привязывать не только засовы, но и все четыре угла дверцы. Далее пришлось усилить укрепление углов самой клетки, по мере того как Марли прикладывал все больше усилий к тому, чтобы выбраться. За три месяца блестящая стальная клетка, кото-

рую мы считали несокрушимой, приняла такой вид, будто в нее прицельно пальнули из гаубицы. Прутья перекручены и перевязаны, каркас потерял всякую форму, дверь превратилась непонятно во что, стены выгнуты наружу. Я продолжал укреплять конструкцию доступными мне способами, но она с трудом выдерживала атаки Марли. Чувство защищенности, которое новое изобретение дало нам вначале, исчезло. Каждый раз, выходя из дома даже на полчаса, мы боялись, что наш заключенный с замашками маньяка снова будет неистовствовать, разрывая диваны, руша стены и поедая двери. Прощай, душевный покой!

ГЛАВА 18

Обед под открытым небом

Марли вписался в пейзаж Бока Ратон не лучше, чем я. В городе жила (и, несомненно, живет до сих пор) огромная свора мелких, твякающих, изнеженных собачонок – питомцев, которых Бокахонтас носили с собой в качестве модного аксессуара. Они были любимыми маленькими игрушками, часто с бантиками на шерсти, от них иногда пахло одеколоном, а отдельные представительницы даже могли похвастаться маникюром. Их можно было увидеть там, где меньше всего ожидаешь. Одна высовывается из дизайнерской дамской сумочки, пока ее хозяйка покупает бублики, другая дремлет на хозяйских полотенцах на пляже, а третья трусит на поводочке, усыпанном стразами, в дорогой антикварный магазин. Но чаще всего собачки наблюдались в «лексусах», «мерседесах» и «ягуарах», колесивших по городу, где они, словно аристократки, располагались на коленях своих хозяек, сидевших за рулем. По сравнению с Марли собачонки, конечно, казались крохотульками. Маленькие интриганки с утонченным вкусом. Марли был огромным, неуклюжим любителем нюхать гениталии. Он жаждал приглашения войти в их круг; они от него отворачивались.

После занятий на собачьей площадке Марли довольно

неплохо можно было управлять во время прогулок, но если ему на глаза попадалось нечто, что ему нравилось, он, не колеблясь, бросался вслед, посылая к черту страх перед удушением. Когда мы выходили прогуляться по городу, высокогородные собачки всегда стоили ему приступов удушья. Заметив одну из них, он пускался за ней вприпрыжку на полной скорости, таща меня или Дженни за собой на поводке, хотя у него на шее была затянута петля, и он с трудом дышал. И каждый раз Марли получал в ответ нескрываемое пренебрежение не только со стороны миниатюрной собачки из Боки, но и со стороны ее хозяйки, которая быстро подхватывала малышку Фифи, Сьюзи или Шери с таким ужасом, будто доставала ее из пасти крокодила. Марли, казалось, не обращал на это внимания. Когда в поле зрения попадала другая крошка, он повторял то же самое, и предыдущая неудача его не обескураживала. Я восхищался его упорством, поскольку сам терпеть не мог, когда меня отвергают.

Обеды на открытом воздухе были очень популярны среди жителей Боки, поэтому во многих ресторанах столики стояли прямо под пальмами, стволы и листья которых украшали нити маленьких белых огоньков. Здесь можно было и себя показать, и на других посмотреть, потягивая кофе латте и болтая по мобильному, пока твой спутник рассеянно смотрит в небо. Миниатюрные собачонки были важнейшей составляющей атмосферы обедов под открытым небом. Парочки приносили с собой своих собачек и привязывали их

поводки к железным столам. Там собачки с довольным видом сворачивались у ног хозяев или иногда даже садились за стол вместе с ними, подняв носы высоко в воздух и принимая властную позу, будто их выводит из себя невнимательность официантов.

Раз воскресным вечером мы с Дженни решили, что было бы здорово организовать семейный обед в одном из ресторанчиков. «Живешь в Боке – веди себя как все», – сказал я. Мы посадили мальчиков и Марли в мини-вэн и направились на Мицнер-парк, центральную торговую площадь в итальянском стиле, с широкими тротуарами и огромным количеством ресторанов и кафешек. Мы припарковали машину, прошли около трех кварталов и повернули обратно. Наша компания выглядела невероятно колоритно. Дженни везла мальчишек в коляске для двойняшек, которая очень напоминала грузовую тележку – столько в ней было детских вещей: от яблочного пюре до носовых платков. Я шел рядом, еле удерживая на поводке Марли, который в состоянии полной боевой готовности искал глазами миниатюрных собачонок. Он был вне себя от предвкушения побыть рядом с одной из маленьких чистокровок, прогуливающих с высокомерным видом, поэтому поводок я держал крепко. Язык свешивался из пасти, и Марли пыхтел как паровоз.

Мы выбрали один из ресторанов (цены в меню показались более или менее доступными) и погуляли, пока нам накрывали столик на открытом воздухе. Он находился в тени, с него

открывался вид на центральный фонтан площади, и мы были уверены: стол достаточно тяжелый, чтобы удержать лабратора, весившего больше сорока кило. Я привязал конец поводка Марли к одной из ножек, и для начала мы заказали два пива и два яблочных сока.

– За прекрасный вечер с моей прекрасной семьей! – произнесла тост Дженни. Мы чокнулись бутылками пива, а мальчишки – чашками. Тут-то все и случилось, причем так быстро, что мы, честно говоря, даже не поняли, что произошло. Мы помнили только, что сидели за милым столиком на открытом воздухе, наслаждаясь чудесным вечером, а в следующее мгновение наш стол уже двигался, пробивая себе путь сквозь море других столов, врезаясь в ни в чем не повинных людей и издавая отвратительный, пронзительный скрежет, который частенько можно услышать на стройке, когда по бетонным плитам тащат металл. В первое мгновение, пока мы не сообразили, что за бедствие на нас обрушилось, казалось, наш стол одержим и пытается спастись бегством от семьи невымытых инородцев, посягателей на жизненный уклад Боки. Однако в следующий миг я понял, что не стол спасается от преследования, а наоборот, он преследует нашего пса. Марли бежал впереди изо всех сил, волоча за собой наш стол. Поводок был натянут, как рояльная струна.

А через долю секунды я увидел и куда направляется Марли со столиком на буксире. В пятнадцати метрах от нас, подняв нос кверху, рядом с хозяйкой сидел изысканный фран-

цузский пудель.

Вот черт, думал я про себя, *почему его так тянет к пуделям?* Итак, мы с Дженни сидели с напитками в руках, мальчишки были рядом в коляске. Воскресный вечер проходил безукоризненно, за исключением того, что наш столик таранил толпу. Мгновение спустя мы вскочили, закричали, побежали, извиняясь перед клиентами заведения. Я первым догнал убегающий столик, но уже после того как он со скрипом поехал по площади. Я ухватился за него, упершись ногами в землю, и потянул назад изо всех сил. Вскоре Дженни присоединилась ко мне. Я чувствовал себя героем боевика, который силой мускулов удерживает поезд, чтобы он не сошел с рельсов и не разбился о скалы. Посреди этого бедлама Дженни крикнула через плечо детям: «Мы сейчас вернемся, мальчишки!» *Мы сейчас вернемся?* Эта фраза прозвучала так просто и спокойно, будто моя жена планировала подобное развитие событий и мы часто проделывали подобные штучки. Мы словно всю жизнь веселились именно так, по пути глаза на витрины, перед тем как вернуться обратно за аперитивом.

Когда мы, наконец, остановили стол, и Марли, пошатываясь, застыл в тридцати сантиметрах от пуделя и его остолбеневшей хозяйки, я обернулся, чтобы проверить, где мальчишки, и в ту секунду впервые увидел лица посетителей ресторана. Немая сцена напоминала рекламный ролик, в котором шумная толпа замирает в ожидании совета о выгодных

инвестициях. Мужчины прервали свои разговоры и застыли с мобильниками в руках. Женщины смотрели с открытыми ртами. Обыватели Боки были ошеломлены. Наконец Конор прервал молчание: «Пиятиль сходил на пьогулку!» – закричал он в восторге.

Ко мне бросился официант, который помог оттащить стол на место, пока Дженни мертвой хваткой держала Марли, все еще не отрывавшего взгляда от объекта своего желания.

– Подождите, я накрою столик в другом месте, – сказал официант.

– Не стоит, – равнодушно отозвалась Дженни. – Мы заплатим за напитки и пойдем.

Вскоре после нашего великолепного выхода в свет мне в библиотеке попала книга «Нет плохих собак» известного британского инструктора Барбары Вудхаус. Как становилось ясно из названия, автор придерживалась тех же убеждений, что и первый инструктор Марли мисс Строгий Взгляд: единственной преградой для неисправимой собаки на пути к воспитанности был нерешительный, слабовольный хозяин. Не в собаках проблема, утверждала Вудхаус, а в людях. Глава за главой она описывала самые вопиющие модели поведения собак, какие только можно себе представить: собаки, которые постоянно выли, рыли землю лапами, кидались на людей, спаривались, кусались. Были такие, что поголовно ненавидели мужчин, и такие, что ненавидели женщин; были собаки, которые крали вещи у хозяев, и собаки, которые, рев-

нуя, набрасывались на незащищенных детей. Описывались даже уникамы, которые ели собственные экскременты. *Слава богу*, подумал я, *по крайней мере, это не про Марли*.

Пока я читал книгу, мое мнение о нашем тупоголовом псе улучшилось. До этого мы считали Марли самой ужасной собакой на свете. Но теперь я знал, что у собак существует куча еще более кошмарных привычек, которых *не* наблюдалось у Марли. Он не был жадным. Он почти не лаял. Не кусался. Не кидался на других собак, кроме как в любовном порыве. Он считал всех людей лучшими друзьями. А самое лучшее – он не ел экскременты. К тому же, успокаивал себя я, плохих собак не существует, есть только такие бестолковые, несведущие хозяева, как мы с Дженни. И это наша вина, что Марли вырос таким.

И тут я добрался до главы 24 «Если у вас умственно отсталая собака». Когда я читал ее, у меня стоял ком в горле. Вудхаус описывала именно Марли, причем с таким тонким пониманием дела, что я мог поклясться: она сидела в одной клетке с подобным существом. Автор отмечала маниакальные, эксцентричные выходки, желание разрушать, оставаясь в одиночестве, упоминала процарапанные полы и изжеванные половики. Она описывала попытки хозяев таких животных «сделать какое-либо место, скажем дом или двор, собакоустойчивым». Она даже упоминала успокоительные лекарства как последнюю (и в большинстве случаев неэффективную) попытку хозяев вернуть своего умственно отсталого

пса к нормальной жизни.

«Некоторые из них рождаются неуравновешенными, некоторые становятся такими в результате обстоятельств, но итог всегда один: собаки, вместо того чтобы приносить своим хозяевам радость, приносят одни заботы, расходы, а иногда и отчаяние», – писала Вудхаус. Я посмотрел на Марли, дремавшего у моих ног, и спросил: «Ну что, приятель, это про тебя?»

В следующей главе под названием «Ненормальные собаки» Вудхаус заметила: «Я не буду слишком часто подчеркивать, что если вы захотите оставить себе не совсем адекватную собаку, то вам придется постоянно ограничивать себя». *Она имеет в виду жить, боясь выйти из дома даже за бутылкой молока?* «Впрочем, вы можете полюбить умственно неполноценную собаку, – продолжала Барбара, – но она не должна мешать другим людям». *Другим людям, например, обедающим в кафе на открытом воздухе в воскресный день в Бока Ратон, штат Флорида?*

Вудхаус блестяще описала характер Марли и наше грустное, зависимое существование. Все признаки налицо: злополучные, слабовольные хозяева, психически неуравновешенная, неподконтрольная собака, уничтоженное имущество, раздраженные незнакомцы и соседи, которым мы причиняли неудобства. Мы были хрестоматийным примером. «Поздравляю, Марли, – сказал я псу. – Диагноз: ты ненормальный». Услышав свое имя, он открыл глаза, потянулся и пе-

ревернул на спину лапами кверху.

Я ожидал, что Вудхаус предложит отличное решение владельцам такого бракованного товара, даст несколько полезных советов, которые, будучи проработанными должным образом, помогут превратить даже самых сумасшедших животных в выставочные экземпляры. Но она закончила свою книгу на куда более мрачной ноте: «Только хозяева неуравновешенных собак знают, где проходит граница между здоровой собакой и душевнобольной. Никто не может решать за хозяина что делать, если ему попалась больная собака. Но даже мне, заядлой собачнице, кажется, что лучше всего их усыпить».

Усыпить? Ого. На случай, если она выразилась не совсем ясно, автор добавляла: «Конечно, когда надежда на тренировки и помощь ветеринаров иссякнет и станет ясно, что животное никогда не сможет вести нормальное существование, самым лучшим решением для собаки и ее хозяина будет усыпление пса».

Даже любительница животных Барбара Вудхаус, успешный тренер тысяч собак, которых их хозяева считали безнадежными, признала: некоторым собакам просто нельзя помочь. Если бы решать выпало ей, она гуманным способом отправила бы их на тот свет, в большой собачий рай.

– Не волнуйся, мой мальчик, – сказал я, наклоняясь, чтобы почесать живот Марли. – В нашем доме ты будешь спать только тем сном, после которого можно проснуться.

Марли тяжело вздохнул и снова погрузился в свои сны об изысканных пуделях в жаркие летние дни.

Примерно тогда же мы узнали, что не все лабрадоры одинаковы. У этой породы есть две подгруппы: английские и американские лабрадоры. Первые, как правило, меньше по размерам и приземистее, чем вторые; у них большие головы, а также мягкий, спокойный характер. Эти собаки, как правило, участвуют в выставках. Американские лабрадоры значительно крупнее и сильнее, они выглядят более благородно. Они славятся своей неумемной энергией и хорошим настроением, с ними предпочтительнее охотиться. Но эти же качества затрудняют их содержание в доме. Избыток энергии, как предупреждала литература, не стоит недооценивать.

В книге одного собаководы из Пенсильвании «Горные лабрадоры» я прочитал: «Многие люди спрашивают, в чем разница между английскими и американскими лабрадорами. Разница, причем как в телосложении, так и в характере, настолько велика, что правильнее было бы разделить эту породу на две отдельных. Если вы ищете охотничью собаку – покупайте американского лабратора. Они атлетичные, высокие, поджарые, но у них **ОЧЕНЬ** нервный характер, который не позволяет стать добродушными семейными любимцами. Английские лабрадоры, напротив, приземистые, крепкие, меньше размером. Очень добрые, спокойные, славные, ласковые собаки».

Немного же времени мне потребовалось, чтобы понять, к

какой линии принадлежит Марли! Кажется, ситуация начала проясняться. Мы вслепую выбрали вид лабрадора, который наилучшим образом подходит для того, чтобы весь день носиться под открытым небом. Но это еще не все, из всего многообразия мы выбрали еще и умственно отсталую, недисциплинированную собаку, на которую не действуют ни тренировки, ни транквилизаторы, ни собачья психиатрия. Это был вид ненормальных собак, которых опытный инструктор Барбара Вудхаус предлагала усыпить. *Прекрасно*, подумал я. *Теперь все понятно.*

Вскоре после того как книга Вудхаус открыла нам глаза на душевную болезнь Марли, сосед попросил нас приютить на недельку его кота, пока он с семьей съездит в отпуск. Конечно, ответили мы, без проблем. По сравнению с собаками, с кошками управиться намного проще. Они не нуждаются в постоянной опеке, а этот кот вообще был скромным и незаметным, особенно в присутствии Марли. Он мог весь день прятаться под диваном и выходить поесть, только когда мы ложились спать. (Кошачий корм мы прятали от Марли.) Он ходил в лоток, который мы предусмотрительно замаскировали около бассейна. Кот не доставлял нам никакого беспокойства. Марли и не подозревал о его существовании.

Но как-то раз я проснулся утром от громких ритмичных ударов по кровати. Это был Марли. Он дрожал от возбуждения и быстро-быстро колотил хвостом по матрацу. *Тук! Тук! Тук!* Я потянулся, чтобы погладить его, но он начал убежать.

Он прыгал и танцевал около кровати. Мамба Марли.

– Ладно, что там у тебя? – спросил я, протирая спросонья глаза. В ответ он с гордостью положил свое сокровище на белоснежные простыни в нескольких сантиметрах от моего лица. Пока еще едва соображая, я, впрочем, мгновенно понял, что это. Предмет был маленьким, темным, бесформенным, весь в песке. А потом до моих ноздрей донесся запах. Острый, едкий, жуткий запах. Я выпрямился и толкнул Дженни, будя ее. Я указал ей на подарок от Марли на простынях.

– Это не... – начала Дженни с отвращением в голосе.

– Да, именно так, – сказал я. – Он совершил набег на кошачий лоток.

Вряд ли Марли имел бы более гордый вид, даже принесся нам самый огромный бриллиант в мире. Как и предсказывала мудрая Барбара Вудхаус, наша умственно отсталая, ненормальная собачка начала новый период своей жизни – период поедания экскрементов.

ГЛАВА 19

Разряды молний

После рождения Конора все наши знакомые, за исключением моих родителей – ревностных католиков, которые постоянно молились о маленьких Грогэнах, – решили, что хватит с нас детей. Для семьи, в которой оба родителя работают, один ребенок был нормой, два считалось небольшим перебором, а три – неслыханной роскошью. Учитывая, через какую тяжелую беременность нам пришлось пройти с Конором, никто не понимал, почему мы хотим еще раз подвергнуть себя этому ужасному испытанию. Но с первых дней брака, когда мы убивали растения, прошло много времени. В нас проснулись родительские чувства. Двое мальчишек принесли нам гораздо больше радости, чем мы ожидали. Они определяли теперь нашу жизнь. Иногда мы действительно тосковали по ленивому отдыху, неторопливым субботним вечерам с книгой в руках и романтическим ночным трапезам. Но сейчас нам гораздо больше удовольствия доставляли пролитое яблочное пюре, отпечатки малюсеньких носиков на стеклах окон и прекрасные звуки босых ножек, шлепающих по коридору на рассвете. Даже в самые худшие дни мы почти всегда находили чему улыбнуться, ибо знали то, что рано или поздно постигает каждый родитель: изумительные дни раннего

отцовства и материнства – с попками в подгузниках, первыми зубками и малопонятным бормотанием – это яркие, короткие вспышки на долгом жизненном пути.

Мы оба закатывали глаза, когда моя мама, женщина старой закалки, кудахтала: «Радуйтесь им, пока можете, потому что они вырастут раньше, чем вы заметите». Но теперь, всего через несколько лет, мы поняли, что она была права. Она сказала прописную истину, которая постепенно становилась нашим собственным опытом. Мальчишки *действительно* росли очень быстро, и с каждой прошедшей неделей заканчивалась очередная маленькая глава, которую уже никогда нельзя будет пересмотреть. Вчера Патрик сосал большой палец, а на следующей неделе он полностью избавлялся от этой привычки. Вот Конор лежит в детской кроватке, а вскоре он уже использует ее как трамплин. Патрик не выговаривал букву «р», и когда женщины ворковали над ним, а происходило это часто, он сжимал кулачки, выпячивал губу и говорил: «Пелестаньте! Плеклатите! Хватит». Я все хотел записать это на пленку, но как-то раз «р» у него получилась чисто, и затею пришлось оставить. Мы месяцами не могли заставить Конора снять пижаму Супермена. Он носился по всему дому в развевающейся накидке и кричал: «Я Стюпмен!» А потом внезапно перестал – мы опять упустили момент.

Дети были хронометром, который отсчитывал наше время, и его невозможно было не замечать. Этот хронометр сле-

дил за непрерывным течением жизни по тому морю минут, часов, дней и лет, которое без него показалось бы бескрайним. Наши дети росли быстрее, чем мы хотели, и это частично объясняет, почему мы спустя год после того как обосновались в Боке, задумали зачать третьего ребенка. Я сказал Дженни: «Слушай, у нас же теперь четыре спальни, почему бы и нет?» Нам потребовалось всего две попытки. Никто из нас не говорил, что мы хотим именно девочку, но это, несомненно, было так, несмотря на многочисленные рассуждения во время беременности, как прекрасно иметь троих сыновей. Когда же УЗИ подтвердило наши тайные надежды, Дженни положила руки мне на плечи и прошептала: «Я так счастлива, что смогу подарить тебе маленькую дочку». Я тоже был счастлив.

Но не все друзья разделяли наш энтузиазм. Большинство из них встречали новость о беременности тупым вопросом: «А зачем?» Они не верили, что третья беременность – это не случайность. А если это не досадная неприятность, как утверждали мы, то им непременно нужно было оспорить наше мнение. Одна знакомая зашла настолько далеко, что начала резко критиковать Дженни за то, что та позволила мне снова ее «обрюхатить». Она спросила Дженни тоном, каким обращаются к безумцу, который только что пожертвовал все свое состояние сектантам: «*О чем же ты думала?*»

Нам было все равно. 9 января 1997 года Дженни преподнесла мне запоздалый подарок на Рождество: розовощекую

девочку весом три с половиной килограмма, которую мы называли Колин. Только тогда мы почувствовали, что у нас полная семья. Если ожидание Конора было порой стрессов и волнений, то эта беременность идеально соответствовала всем нормам, к тому же сервис общественной больницы Бокка Ратон оказался на высоком уровне. На другом конце коридора от нашей палаты располагалась комната отдыха с бесплатным автоматом с капучино – как это *типично* для Бокки! К тому времени как ребенок появился на свет, я принял такую дозу кофеина, что еле смог перерезать пуповину.

Когда Колин исполнилась неделя, Дженни впервые вынесла ее из дома. День был свежим и ясным, и мы с мальчиками сажали в саду цветы. Марли привязали цепью к дереву неподалеку, и он тоже был счастлив лежать в тени, наблюдая за нами. Дженни сидела на траве возле него, поставив переносную кроватку со спящей Колин между собой и собакой. Через несколько минут мальчики позвали маму посмотреть на их работу, и пока Колин дремала в тени возле Марли, они повели Дженни вокруг клумб. Все мы бродили за большим кустарником, из-за которого могли видеть ребенка, но с улицы обзор этого участка был закрыт. Когда мы повернули обратно, я остановился и подозвал Дженни. На улице пожилая пара, остановившись в замешательстве, гладела из-за забора на сцену в нашем саду. Сначала я даже не понял, что их так заинтересовало и заставило застыть на месте. А потом до меня дошло: со своего места они видели только хрупкого ново-

рожденного младенца наедине с огромной палевой собакой, которая, казалось, была его единственной нянькой.

Мы молча ждали, давясь от смеха. Марли напоминал египетского сфинкса: с перекрещенными передними лапами, подняв голову вверх, он довольно посапывал, каждые несколько секунд выдвигая морду вперед, чтобы обнюхать головку ребенка. Бедные старики, наверное, решили, что от ребенка отказались родители. Вне всяких сомнений, они сидят и пьют где-то в баре, оставив малыша в одиночестве на попечение соседского лабрадора, который и должен качать его в колыбели. Марли, словно тоже принимая участие в розыгрыше, без наших подсказок изменил положение, положив морду на животик Колин, и издал глубокий вздох, словно вопрошая: *«Когда же эти двое вернутся домой?»* Его голова была больше, чем все тело девочки. Казалось, он охранял ее; не исключено, что так и было, хотя я уверен, что он всего лишь наслаждался запахом ее подгузника.

Мы с Дженни стояли в кустах, обмениваясь улыбками. Жаль было расставаться с мыслью о Марли-няне. Мне хотелось еще посидеть в кустах и посмотреть, как разрешится ситуация, но тут мне пришло в голову, что в одном из вариантов сценария значится звонок в службу спасения. На нас никто не пожаловался, когда мы не раз оставляли Конора в коридоре прежнего дома, но как мы объясним ситуацию сейчас? («Да, я знаю, как, должно быть, это выглядит, офицер, но он удивительно ответственный пес...») Мы вышли

из-за кустов и помахали пожилым супругам, отметив, какое облегчение отразилось на их лицах. Слава богу, ребенка не оставили на попечение собаки.

– Должно быть, вы очень доверяете своему псу, – сказала женщина с опаской, что выдало ее убеждение: все собаки жестоки и непредсказуемы и им нечего делать рядом с беззащитным новорожденным.

– Пока он никого не съел, – ответил я.

Через два месяца после рождения Колин я отмечал свой сорокалетний юбилей самым неприятным образом, проще говоря, в одиночку. Эта огромная четверка с нулем знаменовала какой-то важный поворотный момент в жизни, момент, когда ты провожаешь беспокойную юность и встречаешь предсказуемые достоинства среднего возраста. Если какой-нибудь день рождения и заслуживал праздничного застолья, то это был сороковой, но только не в моем случае. Теперь мы были ответственными родителями с тремя детьми, один из которых грудничок. Существовали и более важные вещи, о которых стоило позаботиться. Я приехал с работы вечером, Дженни была измотана до предела. Доев остатки ужина, я искупал мальчиков и уложил их в кровати, а Дженни в это время укачивала Колин. К половине девятого и все дети, и моя жена уснули. Я открыл бутылку пива и сел во дворе, вглядываясь в переливающуюся голубую воду бассейна. Верный Марли, как всегда, сидел рядом со мной, и пока я почесывал у него за ухом, мне пришло в голову, что для

него наступил тот же поворотный момент. Мы принесли его домой шесть лет назад. По человеческим меркам, ему сейчас около сорока. Он незаметно вступил в средний возраст, хотя вел себя в точности как щенок. За исключением ушных инфекций, которые требовали постоянного вмешательства доктора Джея, он был здоров. Казалось, он не собирался успокаиваться или остепеняться. Я никогда не думал о Марли как об образце для подражания, но сидя в тот вечер во дворе и потягивая пиво, я подумал, что он определенно знает секрет счастливой жизни. Никогда не снижай темпа, никогда не оглядывайся, проживай каждый день с энергией, пылом, любопытством и игривостью подростка. Если ты думаешь, что ты все еще молодой щенок, то, наверное, так и есть, несмотря на утверждение календаря. Не такая уж плохая жизненная философия, хотя я бы не стал портить диваны и громить подсобки.

– Ну что, старина, – сказал я, коснувшись своей бутылкой его морды, как бы чокаясь с ним. – Сегодня только мы с тобой. За сорокалетие. За средний возраст. За то, чтобы жить с большими собаками до конца.

А пес свернулся клубком и уснул.

Несколько дней я хандрил по поводу своего одинокого дня рождения, и тут Джим Топлин, мой старый приятель, который отучил Марли от его привычки прыгать на людей, неожиданно позвонил и спросил, не хочу ли я распить с ним по бутылочке пива следующим вечером, в субботу. Джим

оставил газетный бизнес и вознамерился получить диплом юриста примерно в то же время, когда мы переехали в Бока Ратон, и мы не общались несколько месяцев. «Конечно», – ответил я, не переставая удивляться.

Джим забрал меня в шесть и отвез в английский паб, где мы распили по бутылке пива и рассказали друг другу о своей нынешней жизни. Мы сидели как в старые добрые времена, пока бармен не позвал меня:

– Здесь есть Джон Грогэн? По телефону спрашивают Джона Грогэна.

Это была Дженни, и у нее был очень расстроенный и напряженный голос.

– Колин плачет, мальчики расшалились, и вдобавок я только что испортила свои контактные линзы, – запричитала она в трубку. – Ты можешь сейчас приехать?

– Постарайся успокоиться, – сказал я. – Сядь и отдохни. Скоро буду.

Я повесил трубку, и бармен, посмотрев на меня как на бедного, несчастного, тупого подкаблучника, кивнул и просто сказал:

– Сочувствую, мужик.

– Давай я отвезу тебя домой, – предложил Джим.

Когда мы подъезжали к дому, я увидел, что по обеим сторонам улицы стоят машины.

– У кого-то вечеринка, – подметил я.

– Похоже на то, – ответил Джим.

– Ради бога, – проговорил я, когда мы подъехали к дому. – Ты только погляди! Кто-то припарковался на моей подъездной дорожке. Ну разве не нахальство...

Джим поставил свою машину за автомобилем нарушителя, чтобы тот не смог выехать, и я пригласил его зайти. Я все еще ворчал из-за того ничтожества, невнимательного к другим, как вдруг входная дверь распахнулась. Это была Дженни с Колин на руках. И она вовсе не выглядела расстроенной, напротив, на лице ее сияла широкая улыбка. Позади нее стоял музыкант с волынкой и в килте. *Боже, куда это я попал?!* Потом я увидел, что решетка вокруг бассейна убрана, а по воде плавают свечи. Рядом стояли несколько десятков моих друзей, соседей, коллег. И в тот момент, когда я понял, что все машины на улице принадлежат этим людям, они хором закричали: «С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, СТАРИНА!»

Что ж, моя жена не забыла.

Когда я наконец пришел в себя, я обнял Дженни, поцеловал ее в щеку и прошептал на ушко:

– С тобой мы еще поговорим об этом.

Кто-то в поисках мусорного ведра открыл подсобку и выпустил Марли. Тот бросился в толпу, стащил с подноса закуски из моцареллы и базилика, поднял мордой пару мини-юбок и уже собрался было прыгать в неогражденный бассейн. Я настиг его, когда он делал разбег для фирменного прыжка пузом об воду, и оттащил обратно в одиночную камеру.

– Не волнуйся, – сказал я. – Я приберегу для тебя остатки ужина.

Вскоре после вечеринки-сюрприза, успех которой был отмечен полуночным приездом полиции, настоятельно попросившей нас успокоиться, Марли смог доказать, что его страх перед грозами небезоснователен.

Я всерьез увлекся садоводством и огородничеством, и чем лучше у меня получалось, тем больше я хотел этим заниматься. Потихоньку я начал обрабатывать задний дворик. Однажды воскресным вечером я вскапывал грядки. Небо хмурилось, собиралась гроза. Пока я работал, Марли нервно бегал вокруг, потому что его внутренний барометр предсказывал надвигающуюся грозу. Я тоже чувствовал ее приближение, но мне хотелось закончить работу, так что я решил продолжать до первых капель дождя. Копая, я время от времени посматривал на небо, наблюдая, как за несколько километров к востоку над океаном клубились зловещие черные тучи. Марли тихо скулил, уговаривая меня бросить лопату и пойти в дом.

– Будь спок, – сказал я ему. – Гроза еще далеко.

Только эти слова слетели с моих губ, у меня появилось новое, доселе неведомое мне ощущение – что-то вроде покалывания и дрожи в затылке. Небо приобрело странный оливково-серый оттенок, и внезапно стало очень душно. Казалось, что какая-то небесная сила украла ветер. *Странно*, подумал я, перестал копать и, опершись на лопату, уставился в небо.

И вот тогда я услышал жужжащий треск, как если бы вдруг оказался между двумя высоковольтными линиями. Какой-то особый шипящий звук наполнил воздух вокруг меня, а за ним последовала секунда полного молчания. В этот момент я понял: что-то не так, но времени среагировать у меня уже не оставалось. В следующую долю секунды небо посветлело, стало ослепительно белым, и послышался такой сильный грохот, какого прежде я никогда не слышал – ни в грозу, ни во время фейерверков, ни на стройках. Волна небесной энергии ударила меня в грудь, словно невидимый враг. Когда я открыл глаза, я не знал, сколько времени пролежал на земле лицом вниз. На зубах скрипел песок, лопата валялась в трех метрах, капли дождя били по телу. Марли тоже лежал в аналогичной позе и, когда заметил, что я поднял голову, отчаянно пополз ко мне на брюхе, как солдат, пытающийся пролезть под колючей проволокой. Когда он подобрался совсем близко, то влез прямо мне на спину и уперся носом в мою шею, неистово облизывая ее. Еще секунду я озирался по сторонам, пытаюсь придти в себя, и тут увидел, что молния ударила в телеграфный столб в противоположном углу двора и прокатилась по проводу к дому метрах в шести от меня. Счетчик на стене обуглился.

– Быстрее! – заорал я, и мы с Марли вскочили на ноги и бросились под ливнем к двери, а вокруг нас сверкали все новые вспышки молний.

Мы не останавливались, пока не оказались внутри дома.

Я опустил на пол, весь вымокший, пытаюсь перевести дух, а Марли вскарабкался сверху, облизывая мое лицо, кусая за уши, брызгая слюной и оставляя повсюду шерсть. Он совершенно потерял голову от страха, и его трясло как в лихорадке. Я обнял его, стараясь успокоить. «Боже, как близко она прошла!» – сказал я и в этот момент понял, что тоже дрожу. Он сочувственно посмотрел на меня, и в его больших глазах, я готов поклясться, читалось: *«Сколько лет я пытался предупредить тебя, что та штука смертельно опасна? Но разве ты меня слушал? Хоть теперь-то ты будешь воспринимать меня всерьез?»*

Пес был прав. В конце концов, его боязнь гроз не была такой уж абсурдной. Возможно, приступы паники при первых отдаленных раскатах грома – это только способ предупредить нас о жестоких флоридских грозах, самых беспощадных во всей стране, и нам не следовало равнодушно пожимать плечами в ответ. Возможно, все те разрушенные стены, процарапанные двери и изорванные ковры были материалом, из которого он хотел построить укрытие от грозы, в котором мы все могли бы легко поместиться. А чем мы вознаградили его? Руганью и успокоительными...

В нашем доме была крошечная тьма. Кондиционеры, потолочные вентиляторы, телевизоры и еще несколько предметов бытовой техники сгорели, автомат в счетчике превратился в плавленое месиво. Какой-нибудь электрик скоро станет очень счастливым и богатым человеком. Зато мы с моим

закадычным другом остались живы. Дженни с детьми была в гостинной. Они, к счастью, укрылись, даже не подозревая, что в дом ударила молния. Мы все выжили. Разве что-то еще имело значение? Я посадил 44-килограммового Марли к себе на колени и торжественно пообещал: я больше никогда не буду смеяться над его страхом перед смертоносной силой природы.

ГЛАВА 20

Собачий пляж

Как ведущий рубрики я всегда искал интересные и необычные сюжеты. Я писал три колонки в неделю, и одна из самых больших сложностей моей работы состояла в поиске новых тем. Каждое утро я начинал с просмотра четырех ежедневных газет Южной Флориды, обводя и вырезая то, что заслуживало внимания. Затем нужно было выработать свой подход или точку зрения. Самая первая моя колонка родилась прямо из последних новостей. Разогнавшаяся машина, в которой сидели восемь подростков, упала в канал. Из тонущего автомобиля смогли выбраться только 16-летняя водительница, ее сестра-близняшка и еще одна девчонка. Это была захватывающая история, в которую я хотел вникнуть, но как по-новому можно подать ее? Я поехал на место аварии в поисках вдохновения и нашел то, что нужно, раньше чем припарковался. Одноклассники пяти погибших ребят превратили шоссе в сплошную эпитафию-граффити. Асфальт был разрисован более чем на полкилометра. Открыв ноутбук, я начал переписывать надписи. «Загубленная юность», — гласила одна из них со стрелкой, указывающей в воду. Среди массы граффити я нашел то, что искал: публичное извинение Джейми Бардол, молодой девушки, сидевшей за ру-

лем. Она написала большими витиеватыми буквами, почерком школьницы: «Мне жаль, что я не с вами. Простите». Моя колонка была готова.

Но не все темы были такими мрачными. Некая пенсионерка получила извещение о выселении от совладельца жилплощади, так как ее маленькая толстая дворняжка превысила лимит веса для домашних животных, и я помчался на встречу с этим тяжеловесом. Когда пожилой горожанин, пытаясь припарковаться, врезался в магазин, лишь по счастливой случайности никого не сбив, я приехал, чтобы поговорить со свидетелями. Сегодня работа забрасывала меня в поселения мигрантов, завтра – в особняк миллионера, послезавтра – на городской перекресток. Мне нравилось разнообразие, нравились люди, с которыми я встречался, но больше всего я ценил полную свободу, потому что мог ехать куда хотел и когда хотел, в зависимости от темы, которая меня интересовала.

Однако мое начальство не знало, что, занимаясь журналистскими поисками, я стремился использовать свое положение ведущего рубрики и без зазрений совести выбивать себе столько официальных командировок, сколько возможно.

Мой девиз гласил: «Если хорошо журналисту, хорошо и читателю». Зачем ехать на скучное судебное разбирательство дела о налогах, когда можно в это время посидеть, скажем, где-нибудь в Ки-Уэсте в баре на открытом воздухе с

огромной кружкой пива в руках? Кто-то должен выполнять грязную работу и рассказывать читателям об украденных из ресторанов солонках. Этим кем-то мог быть и я. Я использовал любой повод, чтобы послоняться весь день, желательно в футболке и шортах, испытывая различные способы проведения досуга и готовя интересные комментарии о них. Для каждой профессии есть необходимые инструменты, а в моем случае это были блокнот, набор ручек и пляжное полотенце. Кроме того, я постоянно возил с собой в машине крем для загара и плавки.

То я гонял на катере по каналу, то гулял пешком возле озера. Я катался на велосипеде по живописной трассе вдоль океанского побережья. Мне приходилось плавать под водой с маской и трубкой по рифам Ки-Ларго, находящимся под угрозой исчезновения. Я брал интервью у мужчины – жертвы двух грабежей, который вместе со мной расстрелял кучу патронов в тире, поклявшись, что в следующий раз он сумеет дать достойный отпор. Сегодня я сижу, развалившись, на рыболовецком судне, а завтра тусуюсь с группой стареющих рокеров. Однажды я взобрался на дерево и просидел там несколько часов, наслаждаясь одиночеством. Один застройщик планировал сравнять с землей лесок, где стояло это дерево, чтобы возвести элитные дома, и я подумал: самое меньшее, что я могу сделать, – устроить этому островку природы посреди бетонных джунглей достойные похороны. Самым успешным моим предприятием было следующее:

я уговорил главного редактора отправить меня на Багамы, чтобы на месте следить за ураганом, который приближался к Южной Флориде. Ураган ушел в море, а я провел три дня на пляже роскошного отеля, потягивая пина-коладу под голубым небом.

Наконец, в качестве очередного журналистского расследования мне пришла в голову идея взять Марли на пляж. На переполненном отдыхающими побережье Южной Флориды городские власти запретили животным появляться на пляже, причем для такого решения имелись серьезные основания. Мокрая, извалявшаяся в песке собака, которая пристаёт к людям, писает и отряхивается, – совсем не то, что хотят увидеть посетители пляжей. Знаки «Купание животных запрещено» в избытке присутствовали буквально на каждом пляже.

Однако существовало одно место, одна маленькая, известная немногим полоска пляжа, где не было ни знаков, ни ограничений, ни запретов на четвероногих любителей воды. Этот пляж находился на территории, не вошедшей в список населенных пунктов округа Палм-Бич, где-то между Вест-Палм-Бич и Бока Ратон. Он тянулся на несколько сотен метров за травянистой дюной в конце улочки-тупика. Здесь не было места для парковки, не было туалетов, не было береговой охраны. Только нетронутая полоска песка рядом с бескрайним океаном. С годами в среде владельцев животных этот пляж в Южной Флориде приобрел славу последнего рая

на земле, где можно отпускать собак резвиться в прибое, не рискуя быть оштрафованными. У этого места даже не было официального названия, но между собой все именовали его Собачьим пляжем.

Собачий пляж функционировал по своим неписанным правилам, которые со временем менялись, корректируясь в зависимости от обстоятельств. Это был своего рода негласный сговор владельцев собак, посещавших пляж. Нарушителей правил встречали неодобрительными взглядами, обычно сопровождавшимися крепкими выражениями. Хозяева собак сами контролировали ситуацию, чтобы ни у кого не возникало соблазна внедрить новый устав. Правила пляжа были простыми, и их было немного. Агрессивных собак нужно было привязывать, а спокойные могли бегать свободно. Хозяева были обязаны носить с собой пластиковые пакеты и убирать любые следы пребывания своих собак на пляже. Необходимо было убирать за собой весь мусор, в том числе и упакованные собачьи отходы. Владелец собаки должен был обеспечить ее чистой водой. Помимо всего прочего, нельзя было загрязнять отходами воду. Этикет гласил: сначала хозяева с питомцами должны отойти к краю дюны, подальше от океана, и гулять, пока собака не облежится. Затем оставалось только упаковать отходы и проследовать к воде.

Я слышал о Собачьем пляже, но никогда там не был. Теперь я решил наверстать упущенное. Этот забытый кусок земли был частью исчезающей старой Флориды, он суще-

ствовал еще до появления кооперативных высоток вдоль береговой линии, платных автостоянок и стремительно растущих небоскребов и находился в тот момент под пристальным вниманием журналистов. Окружной чиновник, ответственная за развитие территории, недолюбливала этот неподконтрольный кусочек суши и интересовалась, почему те правила, которые применяются на всех других пляжах округа, здесь не действуют. Она ясно дала понять: необходимо в рамках закона выставить отсюда животных и сделать данный ценный ресурс доступным для людей.

Я незамедлительно ухватился за эту историю, ведь это был идеальный предлог, чтобы в рабочее время провести день на пляже. Ясным июньским утром я одел плавки и шлепки и направился с Марли к Береговому каналу. Я затолкал в машину столько полотенец, сколько смог найти, и их как раз хватило на поездку. Язык Марли, как всегда, свешивался из пасти, разбрызгивая повсюду слюну. Единственное, о чем я жалел: автомобильные дворники находятся снаружи, а не внутри.

Согласно правилам собачьего пляжа, я припарковался за несколько кварталов до него, где меня не стали бы штрафовать, и отправился пешком через спальный квартал старомодных домов шестидесятых годов. Марли бежал впереди. Где-то на полпути меня окликнули хриплым голосом: «Эй, мужчина с собакой!» Я застыл, убежденный в том, что на меня сейчас набросится озлобленный местный житель, который мечтает, чтобы мы с моей собакой держались подаль-

ше от его пляжа. Но голос принадлежал другому собачнику. Держа своего огромного пса на поводке, он подошел ко мне и попросил подписать петицию, призывающую окружающих уполномоченных оставить в покое Собачий пляж. Завязалась беседа, и мы бы еще долго трепались, но тут я заметил, с каким интересом Марли и вторая собака кружат друг возле друга. Я знал: им хватит нескольких секунд, чтобы начать драку. Поэтому я позвал Марли, попрощался с собаководом и пошел дальше. Едва мы добрались до дорожки на пляж, Марли присел в кустах и опустошил свой кишечник. Прекрасно. По крайней мере, хоть одна общественная норма была им соблюдена. Я собрал в пакет улики и объявил: «А теперь на пляж!»

Когда мы дошли до вершины дюны, я удивился, увидев несколько человек, плескавшихся на мелководе, в то время как их собаки были надежно привязаны на берегу. Так о чем столько разговоров? Я думал, что собаки здесь бегают свободно, без привязи, никого не обижая. «Здесь только что был помощник шерифа, – объяснил мне один угрюмый собачник. – Он сказал, что с этого момента они вводят обязательное ношение поводка, и нас оштрафуют, если собаки будут бегать без привязи». Казалось, что я приехал слишком поздно, для того чтобы всласть насладиться всеми прелестями Собачьего пляжа. Полиция, вне сомнений, связанная с административными структурами, выступающими против Собачьего пляжа, затягивала петлю. Я послушно прошелся с

Марли вдоль воды вместе с другими собачниками, чувствуя себя не как на последнем неподконтрольном властям Южной Флориды клочке песка, а, скорее, как на прогулке арестантов во дворе тюрьмы.

Я вернулся с собакой за полотенцем и только налил Марли миску воды из фляги, привезенной с собой, как из-за дюны показался человек с обнаженным торсом, сплошь в татуировках, в укороченных синих джинсах и рабочих башмаках. На толстой цепи рядом с ним бежал мускулистый свирепый питбуль. Эти собаки известны своей агрессивностью, а в те времена к ним было приковано особое внимание жителей Южной Флориды. Их предпочитали бандиты, головорезы и хулиганы, собак часто тренировали как бойцовых. Газеты пестрели репортажами о беспричинных, причем иногда с летальным исходом, нападениях питбулей как на животных, так и на людей. Видимо, хозяин заметил мою реакцию и поспешил успокоить меня, крикнув: «Не бойтесь. Киллер не кусается. Он даже никогда не бросается на других собак». Только я выдохнул с облегчением, как он с очевидной гордостью добавил: «Но вам бы увидеть его с диким кабаном! Он может уложить его и распороть брюхо за пятнадцать секунд!»

Марли и Киллер, убийца кабанов, натянули свои поводки и закружили, яростно обнюхивая друг друга. Марли никогда в жизни не участвовал в бою, а поскольку он был гораздо крупнее большинства собак, их вызовы не пугали его.

Даже когда собака пыталась навязать ему схватку, он, казалось, этого не замечал. Он внезапно принимал игровую позу: поднимал зад, вилял хвостом, глупо и довольно скалился. Но никогда прежде ему не приходилось встречаться с тренированным убийцей, охотником за дичью. Я уже представлял, как Киллер без предупреждения вцепится в горло Марли и не отпустит его. Его хозяин, напротив, был совершенно спокоен:

– Если вы не дикий кабан, он залижет вас до смерти, – сказал он.

Я рассказал ему, что здесь только что были копы и что они собираются штрафовать всех, кто не подчинится правилу обязательной привязи.

– Это абсурд! – закричал он, сплюнув в песок. – Я водил своих собак на этот пляж годами. Да зачем их привязывать на Собачьем пляже! Ерунда какая-то!

С этими словами он отстегнул тяжелую цепь, и Киллер помчался по песку в воду. Марли то вставал на задние лапы, то опускался. Он посмотрел на Киллера, затем перевел взгляд на меня. Потом снова на Киллера и снова на меня. Его лапы нервно топтались в песке, и он издал тихий, приглушенный стон. Я знаю, что бы он спросил, если бы мог говорить. Я оглянулся на границу дюны – в пределах видимости копов не было. Я посмотрел на Марли. *Пожалуйста! Пожалуйста! Пожалуйста! Я буду хорошо себя вести. Я обещаю.*

– Ну, давай же, – сказал хозяин Киллера, – собака не долж-

на проводить свою жизнь на привязи.

– Конечно, какого черта! – ответил я, отстегивая поводок.

Марли бросился в воду, осыпав нас песком. Он врезался в прибой, едва подкатила огромная волна, накрывшая его с головой. Через секунду его морда снова появилась на поверхности, а стоило ему только встать на лапы, он тут же кинулся, играя, на Киллера, питбуля, убийцу кабанов, и обе собаки вновь оказались под водой. Я, задержав дыхание, спрашивал себя, не пересек ли Марли ту границу, за которой Киллер становится неконтролируемым убийцей. Но вот собаки вынырнули. Они виляли хвостами и дружелюбно скалились. Киллер прыгнул на спину Марли, а Марли на спину Киллера, челюсти их лязгали. Они бегали друг за дружкой по берегу, вздымая тучи брызг. Они прыгали, танцевали, боролись, ныряли. Не думаю, что я когда-либо видел настолько неподдельную радость.

Другие собачники последовали нашему примеру, и вскоре все собаки, общим числом около десятка, свободно бегали. Они прекрасно ладили между собой, а их хозяева соблюдали неписанные правила. Это был Собачий пляж, каким ему надлежало быть. И это была настоящая Флорида, чистая и свободная, Флорида забытых, более простых времен, неподвластная прогрессу.

Была лишь одна проблема. Время шло, а Марли продолжал глотать соленую воду. Я бегал за ним с миской пресной воды, но он был слишком возбужден, чтобы пить ее.

Несколько раз я подводил его прямо к миске и тыкал носом, но он с презрением отворачивался, как будто там был уксус, и желал только одного: вернуться поскорее к своему новому лучшему другу Киллеру и другим собакам.

На отмели он остановился, чтобы хлебнуть соленой воды.

– Остановись, дурачок! – закричал я на него. – Тебя же от этого...

Это случилось, прежде чем я закончил свою мысль. Его глаза остекленели, и по горлу словно прошли судороги. Он высоко выгнул спину, несколько раз открыл и закрыл рот. Его плечи поднялись, живот подобрался. Я поторопился закончить предложение: «... стошнит».

Как только слова слетели с моих губ, Марли исполнил пророчество и совершил самое страшное преступление на Собачьем пляже. ГААААААААК!

Я бросился вытаскивать его на берег, но было уже поздно. Все уже шло наружу. ГААААААААК! На поверхности воды плавал проглоченный вчера вечером собачий корм, удивительно похожий на исходный материал. Между кусочками корма покачивались непереваренные зерна кукурузы, которые Марли стянул с детских тарелок, колпачок от бутылочки молока и изуродованная головка маленького пластмассового солдатика. Полное опорожнение заняло не больше трех секунд, и как только его желудок был опустошен, он снова выглядел весело, очевидно, полностью оправившись от недуга. Марли словно пытался сказать: *«Теперь, когда я с этим*

разобрался, кто хочет покачаться на волнах?» Я нервно оглянулся, но, казалось, никто ничего не заметил. Остальные собачники стояли далеко от нас и были заняты своими делами. Одна мама, сидевшая поближе к нам, была увлечена возведением песочного замка вместе со своим ребенком, а несколько любителей позагорать, рассеянные по всему пляжу, спокойно лежали на спинах с закрытыми глазами. «Слава богу!» – подумал я, вступил в пятно рвоты Марли и начал непринужденно плескаться, чтобы уничтожить улики. *Каковы же будут последствия?* В любом случае, говорил я себе, несмотря на техническое нарушение правила № 1 Собачьего пляжа, мы не причинили никакого реального вреда. В конце концов, это всего лишь непереваренная пища, и рыбки будут нам благодарны за корм, правда? Я даже подобрал колпачок от бутылки молока и головку пластмассового солдатика, чтобы не оставлять мусора.

– Слушай, ты, – сказал я сурово, схватил Марли за ошейник и заставил посмотреть мне в глаза. – Прекрати пить соленую воду. Какая же собака не знает, что эту воду пить нельзя?

Я уже подумывал оттащить его с пляжа и уйти, но пес выглядел отлично. Нет, в его животе не могло ничего остаться. Урон был нанесен, но мы легко отделались. Я отпустил его, и он стремительно помчался к своему другу Киллеру.

Однако вот чего я не учел: если желудок Марли мог быть совершенно пустым, его кишечник пустым не был. Солнце,

отражаясь в воде, слепило меня, но краем глаза я видел, как Марли резвится с другими собаками. Пока я наблюдал за ним, он внезапно вышел из игры и начал выписывать маленькие круги на мелководье. Этот маневр с кругами был мне хорошо знаком. Так он делал каждое утро в саду на заднем дворе, когда собирался освободить кишечник. Это был ритуал, словно далеко не каждое место подходило для подарка, который он собирался преподнести миру. Иногда бег по кругу продолжался минуту или больше, пока Марли не находил наиболее подходящий кусочек земли. А теперь он кружил на мелководье Собачьего пляжа, на той границе, где еще ни одна собака не осмеливалась извергнуть свои экскременты. Он уже принимал нужное положение. А в этот раз у него даже зрители были. Хозяин Киллера и еще несколько собачников стояли всего в нескольких метрах от него. Мама с дочкой отвернулись от своего замка и смотрели на море. К нам приближалась пара, которая гуляла по кромке воды, держась за руки.

– О нет, – прошептал я. – Господи, пожалуйста, только не это.

– Эй! – крикнул кто-то. – Заберите свою собаку!

– Остановите его! – взвизгнул еще один.

Как только прозвучали настороженные голоса, загорающие привстали, чтобы посмотреть, с чем связана суматоха.

Я бросился бежать на полной скорости, чтобы забрать его до того, как будет поздно. Если бы мне только удалось до-

браться до него и оттащить раньше, чем его кишки придут в движение, я бы смог прервать унижительный процесс и довести Марли до дюны. Когда я бросился к нему, я вдруг почувствовал, что как бы смотрю сам на себя со стороны. Позорная сцена прокручивалась передо мной как в замедленной съемке. Казалось, каждый мой шаг будет длиться вечность. Ноги ударялись о песок с глухим звуком, руки ритмично качались в воздухе, лицо исказилось в подобии предсмертной гримасы. Пока я бежал, в замедленном темпе появлялись кадры вокруг меня: молодая загоравшая женщина присела, одной рукой придерживая купальник на груди, а другой прикрывая рот; мама схватила ребенка и побежала подальше от воды; лица собачников перекосятся от отвращения, люди показывали пальцами; на шее хозяина Киллера вздулись вены, он кричал. Марли уже прекратил бегать по кругу, присел и смотрел на небо. И тут я услышал свой собственный голос, поднимавшийся над шумом и вырвавшийся непривычно странным гортанным, искаженным, продолжительным криком:

– *Heeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeem!*

Я был почти на месте, всего в тридцати сантиметрах от него.

– Нет, Марли, нет! Нет! Нет! Нет!

Все было бесполезно. Как только я добежал до него, его пропонсило. Все с отвращением отскочили. Хозяева собак бросились к своим питомцам. Загоравшие собирали поло-

тенца. И вот все кончилось. Марли быстро выбежал из воды, с удовольствием отряхнулся и повернулся посмотреть на меня, счастливо пыхтя. Я достал из своего пакета пластиковую сумку, но понял, что в данный момент от нее будет мало проку. Волны накатывались, размывая экскременты Марли по воде и прибрежному песку.

– Чувак, – сказал хозяин Киллера тоном, который заставил меня понять, как чувствуют себя дикие кабаны перед последним, фатальным прыжком питбуля, – это было не круто.

Да уж, это не было круто. Мы с Марли нарушили святое правило Собачьего пляжа. Мы загрязнили воду, и не один раз, а два, и испортили утро всем. Настало время быстро сматывать удочки.

– Извините, – пробормотал я хозяину Киллера, надевая поводок на Марли. – Он проглотил литр морской воды.

Когда мы вернулись в машину, я накинул на Марли полотенце и начал вытирать его. Он отряхивался, и вскоре я был весь в песке, брызгах и шерсти. Я хотел разозлиться на него. Я хотел задушить его. Но было уже слишком поздно. К тому же, кому бы не стало плохо после принятия внутрь почти литра соленой воды? Как и большинство проступков моего пса, этот не был обдуман заранее и совершен по злему умыслу. Ведь Марли не выполнил команду не потому, что хотел намеренно унизить меня. Ему нужно было кое-что сделать, и он просто сделал. Правда, в неподходящем месте, в неподходящее время и перед неподходящими людьми. Я знал, что он

был жертвой своих невысоких умственных способностей. Он был единственным на всем пляже псом, который оказался настолько глупым, что с жадностью пил соленую воду. Моя собака была умственно отсталой. Как мог я поставить это Марли в вину?

– Нечего тебе так гордиться собой, – сказал я, перемещая его на заднее сиденье. Но он был доволен. Он бы не выглядел более довольным, даже если б я подарил ему остров в Карибском море. Однако Марли не подозревал, что это был последний раз, когда его лапа ступила на океанский пляж. Его дни, а скорее часы, в качестве пляжного мачо были сочтены.

– Ну что ж, Солёный Пес, – сказал я по дороге домой, – на этот раз это сделал именно ты. Если собак выгонят с Собачьего пляжа, мы поймем за что.

Через несколько лет именно так и произошло.

ГЛАВА 21

Самолет летит на север

Вскоре после того как Колин исполнилось два года, я непреднамеренно совершил ряд судьбоносных поступков, которые привели к тому, что мы покинули Флориду. И все это я сделал одним щелчком мыши. Я заканчивал колонку рано утром, и мне нужно было убить еще полчаса до прихода редактора. По наитию я решил посмотреть сайт журнала, на который я подписался после того как мы купили дом в Вест-Палм-Бич. Этот журнал назывался «Органическое садоводство». Он издавался с 1942 года под редакцией чудаковатого Дж. А. Родейла и стал библией движения, призывавшего «вернуться назад к земле», расцвет которого пришелся на 1960–1970-е годы.

Родейл, нью-йоркский бизнесмен, специализировался на продажах электровыключателей, и в определенный момент его здоровье пошатнулось. Вместо того чтобы обратиться к помощи современной медицины, он переехал из города на маленькую ферму близ городка Эммаус, штат Пенсильвания, и занялся крестьянским трудом. Он питал необычайное недоверие к передовым технологиям, считая, что популярные фермерские и садоводческие технологии (а почти все они используют пестициды и химические удобрения) только

наносят вред американскому сельскому хозяйству. Теория Родейла состояла в том, что химикаты с течением времени отравляют людей и саму землю. Он начал экспериментировать с естественными методами ведения хозяйства. На своей ферме он сложил большие кучи компоста из гниющих растений. Как только материал превращался в богатый черный перегной, он использовал его как удобрение и основу для почвы. Он накрывал землю между деревьями в своем саду толстым слоем соломы, чтобы предотвратить появление сорняков и удержать влагу. Он сажал клевер и люцерну, а затем запахивал их, чтобы вернуть земле питательные вещества. Вместо того чтобы использовать инсектициды, он выпустил на свои поля сотни божьих коровок и других полезных насекомых, которые питались вредителями. Он был немного чудаковат, но его теории получили подтверждение. Хозяйство процветало, а состояние здоровья улучшилось, и он растрогал о своем успехе на страницах именно этого журнала.

К тому времени, как я начал читать «Органическое садоводство», Дж. А. Родейл уже давно скончался, как, впрочем, и его сын Роберт, который превратил дело своего отца, то есть компанию Rodale Press, в издательство, приносящее сотни миллионов долларов. Но журнал не был качественно подготовлен; складывалось впечатление, что сотрудники редакции – преданные сторонники философии Родейла и опытные садовники, но дилетанты в журналистике. Позже я узнал, что именно так оно и было. Но я не обращал

на это внимания. К органическим удобрениям я относился с уважением, особенно после выкидыша Дженни и наших догадок, что это произошло по вине пестицидов, которыми мы пользовались. К рождению Колин наш садик стал органическим оазисом в море пригородных участков, где использовались химические удобрения и пестициды. Прохожие часто останавливались полюбоваться на наши идеальные насаждения, о которых я старательно заботился. Мне всегда задавали один и тот же вопрос: «Что вы распыляете, чтобы они так хорошо выглядели?» Когда же я отвечал: «Ничего», на меня смотрели с тревогой, как будто только что обнаружили в упорядоченном, жиреющем, конформистском Бока Ратон бомбу.

Итак, в тот день я залез на сайт organicgardening.com и наткнулся на раздел «Вакансии». Я открыл его, до конца не уверенный, зачем. Мне нравилась моя должность ведущего рубрики, ежедневное общение с читателями, свобода выбора темы и свобода в том, как ее раскрывать – серьезно или с юмором. Мне нравилось быть в курсе самой важной темы дня. У меня не было желания менять работу в газете на сонное издательство, которое неизвестно где находилось. Тем не менее я просмотрел вакансии, больше из праздного любопытства, чем по какой-то другой причине, и вдруг на середине страницы замер. Журнал «Органическое садоводство», лицо компании, искал нового главного редактора. Мое сердце екнуло. Я часто размышлял об ощутимых изменениях

к лучшему, которых может добиться достойный журналист именно в журнале, и вот он – мой шанс. Это было безумие, это было смешно. Работа, состоявшая в том, чтобы править статьи о цветной капусте и компосте? И почему я хочу заниматься этим?

Той ночью я рассказал Дженни о своем открытии, полностью ожидая, что она назовет меня сумасшедшим только за то, что мне в голову взбрела подобная мысль. Но она удивила меня, предложив послать резюме. Идея покинуть жаркую, влажную, многолюдную и криминальную Южную Флориду и вести спокойную жизнь в деревне понравилась Дженни. Она тосковала по четырем временам года и холмам, по падающим листьям и весенним нарциссам. Она скучала по сосулькам и яблочному сидру. Она хотела, чтобы наши дети и, как бы смешно это ни звучало, Марли увидели настоящую метель.

– Марли даже никогда не бегал по снегу, – сказала она, глядя его шерсть босой ступней.

– Вот главная причина, чтобы сменить место работы, – засмеялся я.

– Тебе нужно послать резюме, просто чтобы удовлетворить свое любопытство, – сказала она. – Посмотри, что выйдет. Если они предложат тебе место, ты ведь всегда можешь отказаться.

Надо признать, я разделял ее мечту о новом переезде на север. Как бы я ни наслаждался жизнью все эти годы в Юж-

ной Флориде, я был северянином и никогда не переставал скучать по трем вещам: покатым холмам, смене времен года и открытому пространству. Да, я полюбил Флориду с ее теплыми зимами, пикантной кухней и комичным смешением национальностей, но не переставал мечтать о побеге в свой личный рай. Не об участке размером с почтовую марку в сердце супердорогого Бока Ратон, а о нормальном куске земли, где я мог бы копаться в грязи, колоть дрова и носиться по лесу вместе со своим псом.

Я послал резюме, все еще убеждая себя в том, что это шутка. Через две недели раздался звонок от правнучки Дж. А. Родейла, Марии Родейл. Я направлял письмо в отдел кадров компании и был настолько удивлен тому, что слышу самого владельца, что попросил повторить ее фамилию еще раз. Мария лично заинтересовалась журналом, основанным ее дедушкой, и загорелась идеей вернуть изданию былую славу. Она была уверена, что для этого ей нужен профессиональный журналист, а не просто рьяный садовод-органик, и она хотела поместить в журнал побольше увлекательных, важных материалов об окружающей среде, генной инженерии, разведении скота и птицы индустриальными методами и о растущем движении сторонников органического садоводства.

Я ехал на собеседование, настроиваясь основательно набить себе цену, но я попался на крючок, едва свернул от аэропорта на двухполосную сельскую дорогу. На каждом по-

вороте моему взору открывался очередной красивый вид: здесь каменный фермерский дом, там крытый мост. Оттаявшие наполовину ручьи журчали, стекая с возвышенностей, а вспаханные поля уходили за горизонт. Стояла весна, и каждое дерево в долине Лихай вступило в восхитительную пору цветения. Остановившись у такого странного в сельской местности знака «Стоп», я вышел из взятого напрокат автомобиля и встал на дороге. Повсюду простирались леса и луга. Нигде не было видно ни машин, ни людей, ни зданий. Из первого же попавшегося на пути телефона-автомата я позвонил Дженни: «Ты не поверишь, какие тут места!» – сказал я ей.

Через два месяца грузчики сложили все содержимое нашего дома в Бока Ратон в гигантский грузовик. Машина и мини-вэн разместились в автомобильном перевозчике. Мы передали ключи от дома его новым владельцам и провели свою последнюю ночь в Южной Флориде у соседей, прямо на полу. Марли растянулся между нами. «Комнатный пикник», – потешался Патрик.

На следующее утро я проснулся рано и вывел Марли на его последнюю прогулку по земле Флориды. Пока мы делали круг по кварталу, он сопел, рвался вперед и вставал на дыбы, поднимая лапу на все кусты и почтовые ящики, мимо которых мы проходили. Он и понятия не имел о той резкой перемене в жизни, которую я собирался ему устроить. Чтобы перевезти его на самолете, я купил прочную пластиковую клет-

ку, а по совету доктора Джея после прогулки всыпал в пасть псу двойную дозу успокоительных. К тому времени, как наш сосед подвез нас до международного аэропорта Палм-Бич, глаза Марли покраснели, и сам он стал чрезвычайно вялым. Он не сопротивлялся бы, даже если бы его привязывали к ракете.

На терминале клан Грогэнов сразу бросался в глаза: двое дико возбужденных мальчишек, носившихся по кругу, голодная малышка в коляске, двое обессилевших родителей и одна необычайно заторможенная собака. Довершали картину прочие обитатели зверинца: две лягушки, три золотых рыбки, рак-отшельник, улитка по имени Лентяйка и живые сверчки для кормления лягушек в коробке. Пока мы стояли в очереди на регистрацию, я приготовил пластиковую клетку. Из всех, что я видел, эта была самая большая, однако когда подошла наша очередь, женщина в форме посмотрела на Марли, перевела взгляд на клетку, потом снова на Марли и сказала:

– Мы не можем допустить на борт собаку в этой клетке. Он слишком велик для нее.

– В зоомагазине мне сказали, что эта клетка для больших собак, – удивился я.

– Согласно правилам Федерального авиационного агентства собака должна свободно стоять и поворачиваться в клетке, – объяснила женщина и скептически добавила:

– Ну-ка, попробуйте.

Я открыл дверцу и позвал Марли. Но он не собирался добровольно заходить в эту переносную клетку-тюрьму. Я толкал и тыкал его, уговаривал и обхаживал, но он не двигался с места. Куда затерялось печенье, когда оно позарез нужно? Я порылся в карманах, пытаюсь найти что-то, чем можно его соблазнить, в конечном счете выудив оттуда коробку с мятными жевательными драже. Это было лучше чем ничего. Я достал одну и поднес к его носу.

– Хочешь освежиться, Марли? Ну-ка, беги за драже! – Тут я кинул угощение в клетку. Как и ожидалось, он проглотил наживку и вошел внутрь.

Служащая аэропорта была права: клетка не совсем подходила Марли. Во-первых, ему приходилось пригибаться, чтобы не биться головой о потолок, во-вторых, его нос упирался в заднюю стенку, и, в-третьих, его зад торчал из двери. Я подогнул хвост собаки и закрыл дверцу, слегка вдавив Марли внутрь.

– Ну, что я вам говорил! – похвалился я, надеясь, что она все же сочтет эту емкость вполне удобной для Марли.

– Он должен суметь повернуться, – спокойно ответила женщина.

– Малыш, повернись, – кивнул я ему, тихонько присвистнув. – Давай же, повернись.

Он бросил на меня через плечо мутный взгляд. Его голова терлась о потолок, как будто ожидая указаний, как же совершить такой подвиг. Если он не повернется, то авиакомпания

не пустит его на борт. Я посмотрел на часы. У нас было двенадцать минут чтобы пройти службу безопасности, пересечь зал ожидания и сесть на самолет.

– Иди сюда, Марли, – сказал я с еще большим отчаянием. – Давай же!

Я щелкал пальцами, стучал по дверце, причмокивал.

– Ну, пожалуйста, – умолял я его. – Повернись.

Я уже был готов упасть на колени, как вдруг услышал треск и вслед за тем голос Патрика.

– Упс, – сказал он.

– Лягушки выпрыгнули! – вскрикнула Дженни, бросаясь в погоню.

– Фрогги! Кроки! Вернитесь! – закричали мальчики хором.

Моя жена уже стояла на четвереньках и ползала за лягушками по полу, но они коварно сохраняли дистанцию в один прыжок. Пассажиры останавливались и глазели во все глаза. На расстоянии лягушек видно не было, и создавалось впечатление, что по полу ползает полоумная тетка с пачкой подгузников на шее, которая, очевидно, перебрала с утра пораньше. По выражению лиц окружающих можно было утверждать, что они бы ничуть не удивились, если бы внезапно Дженни завыла.

– Извините, я на секунду, – спокойно сказал я сотруднице аэропорта и, встав на четвереньки, присоединился к Дженни.

Нам удалось поймать Фрогги и Кроки в момент, когда они собирались сделать свой последний прыжок к свободе через автоматические двери. Все присутствующие получили массу удовольствия, наблюдая за нами. Только мы повернулись, я услышал громкий шум из собачьей клетки. Она пошатнулась и закачалась. Приглядевшись, я увидел, что Марли каким-то образом удалось развернуться.

– Видите, – сказал я служащей. – Он поворачивается без проблем.

– Ладно, – ответила она, нахмурясь. – Считайте, что вам повезло.

Двое рабочих поставили клетку с Марли на тележку и увезли. Припозднившиеся пассажиры ринулись к самолету. Мы подбежали как раз в тот момент, когда выход к самолету уже закрывался. Мне вдруг пришло в голову, что если мы опоздаем на самолет, Марли отправится в Пенсильванию один. И мне страшно было подумать о дальнейшем развитии событий.

– Стойте! Мы здесь! – заорал я, толкая коляску Колин вперед. Дженни с мальчиками бежала в пятнадцати метрах от меня.

Я позволил себе перевести дух, только когда мы устроились на своих местах. Мы впихнули Марли в клетку. Мы поймали лягушек. И мы уже в самолете. Следующая посадка в городе Аллентаун, штат Пенсильвания. Теперь можно расслабиться. Посмотрев в окно, я увидел, что к самолету

подъехала тележка с собачьей клеткой сверху.

– Смотрите, – сказал я детям, – вот там Марли. Они помахали в окошко и крикнули ему:

– Пивет, пиятиль!

Когда заработали двигатели, а бортпроводница рассказала о мерах безопасности, я достал журнал. Тут я заметил, что Дженни, сидевшая передо мной, вся обратилась в слух. Я тоже услышал что-то. Из-под наших ног, из глубины самолета вырвался приглушенный, но отчетливый стон. Это был жалкий, унылый звук, что-то вроде примитивного воя, который начинался с низких тонов и поднимался все выше. *О нет, Господи Иисусе, он там внизу воет!* Как известно, лабрадоры выть не умеют. Воют гончие. Воют волки. Лабрадоры не воют, по крайней мере, у них это плохо получается. Прежде Марли предпринимал две попытки завывать, оба раза в ответ на включенную сирену проезжавшего мимо полицейского автомобиля. Пес запрокидывал голову, округлял пасть буквой «О» и издавал самый душераздирающий звук, какой я когда-либо слышал. Он был похож скорее на бульканье при полоскании горла, чем на ответ зову природы. Но теперь Марли, вне всяких сомнений, выл.

Пассажиры оторвались от своих газет и романов. Бортпроводница, в тот момент раздававшая подушки, остановилась в недоумении. Женщина, сидевшая через проход от нас, посмотрела на своего мужа и сказала:

– Прислушайся. Ты тоже слышишь? По-моему, это соба-

ка.

Дженни смотрела прямо перед собой. Я уткнулся в журнал. Если кто-нибудь спросит, мы будем отрицать, что являемся хозяевами этой собаки.

– Пяятилю гьюстно, – сказал Патрик.

Нет, сынок, хотел поправить я его, это какой-то странной собаке, которую мы никогда в глаза не видели, грустно. Но я только поднял журнал повыше, заслонив им свое лицо. Реактивные двигатели зашумели, заглушая погребальную песнь Марли, самолет выехал на взлетно-посадочную полосу. Я представил себе состояние нашего пса. Темное багажное отделение. Он один, напуган, сбит с толку, да еще к тому же одурманен лекарством, не может ни встать, ни сесть. Извращенная фантазия Марли могла превратить ревущие двигатели самолета в громовые атаки беспорядочных молний, желающих вырвать его из привычного мира. Бедняга. Я не был готов признать, что он мой, но я знал, что весь полет буду переживать за него.

Едва самолет оторвался от земли, я вновь услышал тихий треск, и на этот раз уже Конор сказал: «Упс». Я посмотрел вниз и тут же снова уткнулся в журнал. Через несколько минут я украдкой огляделся. Убедившись в том, что никто не смотрит, я нагнулся вперед и прошептал Дженни на ухо: «Представляешь, сверчки сбежали».

ГЛАВА 22

В стране карандашей

Наш новый дом стоял на отшибе, а земельные владения тянулись почти на гектар по склону холма. Возможно, это даже была маленькая гора – местные жители спорили об этом. Мы стали собственниками лужайки, где можно было собирать лесную малину, участка леса, где я к своему удовольствию мог колоть дрова, и маленького ручья, полноводного весной, где дети и Марли могли перемазаться с головы до ног. У нас появился камин и неограниченные возможности возиться в саду, а осенью, когда опадали листья, из кухонного окна открывался вид на церквушку с белой колокольней, венчавшую соседний холм.

Впридачу к новому дому мы получили соседа, который словно только вышел с кинопроб. Это был рыжебородый медвежьего вида мужик, обитавший в каменном доме на ферме 1790-х годов постройки. По воскресеньям он обычно садился на заднее крыльцо и развлекался, стреляя из винтовки в лес, – к ужасу Марли. В первый же день, как мы обосновались в новом доме, сосед пришел к нам с бутылкой домашнего вишневого вина и корзиной самой крупной черной смородины, какую я когда-либо видел. Он представился Землекопом. На этом основании мы сделали вывод, что он

зарабатывает на жизнь копая землю. Если потребуется выкопать яму или вспахать землю, проинструктировал он нас, стоит только свистнуть, и он тут как тут, вместе с любым из своих тракторов.

– А если собьете оленя своим мини-вэном, тоже зовите, – добавил Землекоп, подмигнув. – Мы забьем его и поделим мясо раньше, чем пронюхают полицейские. – Несомненно, мы уже были не в Боке.

Только одну вещь мы упустили из виду, затеявая новую жизнь на лоне природы. Через несколько минут после того как мы заехали на подъездную дорожку, Конор посмотрел на меня, и из его глаз покатались крупные слезы.

– Я думал, в Пенсильвании будет много карандашей!³

Для наших сыновей, которым исполнилось семь и пять лет, это была настоящая трагедия. Учитывая название штата, в который мы переезжали, оба они надеялись увидеть яркие желтые палочки для рисования, растущие на деревьях и кустах, словно спелые ягоды, в ожидании того, кто их соберет. Мальчики были очень расстроены.

Пусть по соседству не было школы, это сполна компенсировалось присутствием скунсов, опоссумов, лесных сурков, а также разросшимся на опушке леса сумахом, который обвивал деревья. Мне очень нравилось это растение. Однажды утром, заваривая кофе, я выглянул из окна и увидел, что на

³ Игра слов: по-английски карандаш – pencil, что созвучно названию штата. – Прим. пер.

меня смотрит прекрасный пятнистый олень. На другое утро в нашем саду кудахтали дикие индейки. Как-то в субботу мы с Марли прогуливались по лесу к подножию холма и наткнулись на капкан для норок. Капкан для норок! Почти у меня в саду! Чего бы только принцессы Бокахонтас ни отдали за такую связь с природой!

Жизнь в деревне была спокойной, очаровательной и в то же время немного одинокой. Пенсильванские голландцы вели себя вежливо, но настороженно относились ко всем приезжим. После толчеи и очередей Южной Флориды я должен был бы пребывать в эйфории от уединения. Вместо этого, по крайней мере первые месяцы, я мрачно критиковал наше решение переехать в столь безлюдное место.

А вот Марли не мучили подобные сомнения. За исключением стрельбы Землекопа, новый деревенский образ жизни пришелся ему по душе. Да и что могло не понравиться собаке, у которой энергии больше, чем мозгов? Он носился по лужайке, пролетал сквозь кусты ежевики, плескался в ручье. Целью его жизни стало поймать одного из многочисленных кроликов, которые считали мой огород своим салат-баром. Едва Марли замечал грызуна, жующего салат, он бросался за ним с холма вниз и преследовал его по пятам. В эти моменты его уши развевались на ветру, лапы стучали по земле, а залистый лай звенел в воздухе. Он был незаметен настолько, насколько незаметен взвод марширующих солдат, поэтому ему никогда не удавалось подобраться к жертве ближе чем

на четыре метра – кролик стремглав бросался к лесу, в безопасное место. Но Марли был неисправимым оптимистом: он разворачивался и, виляя хвостом, ни капли не разочарованный, через пять минут повторял все то же самое с другим кроликом. К счастью, он не преуспел и в охоте на скунсов.

Пришла осень, а с ней и совершенно новая озорная игра: атака кучи листьев. Во Флориде осенью деревья не сбрасывали листву, и Марли был уверен, что листва, падающая с неба, – это подарок персонально для него. Пока я собирал граблями желтые и оранжевые листья в гигантские кучи, Марли сидел и терпеливо смотрел, выжидая подходящий момент, чтобы броситься на них. И только после того как я нагребал высоченную гору, он крался к ней, припадая к земле. Через каждые несколько шагов он останавливался, поднимал переднюю лапу и нюхал воздух, как лев, преследующий ничего не подозревающую газель. Затем, едва я облакачивался на грабли, чтобы полюбоваться достигнутым результатом, Марли кидался вперед: после нескольких прыжков через лужайку последние метры он летел, а потом с шумом плюхался животом прямо в середину кучи. Там он рычал, катался, молотил листья, чесался и, по непонятным мне причинам, свирепо гонялся за своим хвостом, не останавливаясь, пока собранная мной куча вновь не превращалась в отдельные листья, разбросанные по всей лужайке. Тогда он садился посреди *своей* работы, весь в обрывках листьев, и одаривал меня довольным взглядом, словно без его участия

процесс сбора кучи не мог быть завершен.

На наше первое Рождество в Пенсильвании ожидался снегопад. Мы с Дженни, будто коммивояжеры, убеждали Патрика и Конора, что они сделали правильный выбор, оставив своих друзей и дом во Флориде. И одним из преимуществ нового места стал обещанный снег. Причем не просто какой-то там снег, а глубокие, пушистые сугробы, какие обычно рисуют на открытках, снег, падающий с неба крупными бесшумными хлопьями, из которого можно слепить снеговика. А снегопад на Рождество был лучшим из подарков, Святым Граалем северной зимы. Мы опрометчиво нарисовали детям лубочную картинку, уверяя, что рождественским утром они проснутся и их глазам предстанет белоснежный пейзаж, безупречный, за исключением одиноких следов от саней Санты перед входной дверью.

На неделе, предшествующей этому грандиозному событию, все трое детей уселись перед окном. Они торчали там часами. Их взгляд был прикован к свинцовому небу, словно своим желанием они могли открыть его и опустошить снеговые запасы. «Давай же, снег, иди!» – колдовали они. Они никогда не видели снега, а мы с Дженни не видели его последнюю четверть нашей жизни. Мы все хотели снега, но облака не сдавались. За несколько дней до Рождества вся семья забралась в мини-вэн и отправилась на ферму, которая находилась неподалеку от нас. Там мы срубили ель, бесплатно прокатились на возу с сеном и с удовольствием попили горяче-

го яблочного сидра у костра. Это были те неотъемлемые составляющие северного праздника, по которым мы так скучали, и теперь не хватало только одного. Где был чертов снег? Мы с Дженни начали жалеть о том, что опрометчиво расхвалили приближавшийся первый снегопад. Когда мы везли наше свежесрубленное дерево домой и сладковатый запах его смолы наполнил воздух, дети пожаловались, что чувствуют себя обманутыми. Сначала никаких карандашей, потом никакого снега. Что еще им наврали родители?

Рождественским утром они нашли под елкой новые санки и огромное количество одежды для снежной зимы, которого хватило бы для экскурсии в Антарктиду, но вид из окон не изменился: голые ветви, жухлая трава, коричневые кукурузные поля. Я подкинул в камин дрова и попросил детей потерпеть. Снег выпадет тогда, когда выпадет.

Однако настал Новый год, а снега все не было. Казалось, даже Марли волновался: он постоянно подбегал к окну и выглядывал на улицу, тихонько поскуливая, словно его тоже намеренно ввели в заблуждение. После каникул дети вернулись в школу, но снега по-прежнему не было. По утрам за столом они угрюмо смотрели на меня, как на предателя. Я начал было высказывать неубедительные извинения, вроде:

– Наверное, маленьким деткам в других деревнях снег нужен больше, чем нам.

– Да, конечно, пап! – огрызнулся Патрик.

Через три недели после Нового года снег, наконец-то, спас

меня от угрызений совести. Он выпал ночью, пока все спали. Первым забил тревогу Патрик, который прибежал в нашу спальню на рассвете и раздвинул шторы.

– Смотрите! – завизжал он. – Он выпал!

Мы с Дженни приподнялись на кровати, чтобы узреть доказательство нашей невинности. Белая скатерть покрыла холмы и кукурузные поля, растянувшись за горизонт.

– Конечно, выпал, – ответил я небрежно. – Я же тебе говорил.

Снежный покров был высотой порядка тридцати сантиметров, а хлопья все не переставали падать с неба. Вскоре с пальцами во рту, волоча за собой одеяла, в прихожую спустились Конор и Колин. Марли тоже был на ногах, он потягивался и молотил хвостом по всему, что ему попадалось, чувствуя прилив сил. Я повернулся к Дженни и сказал:

– Мне кажется, заставлять их спать – не выход.

И когда она согласилась, я повернулся к детям и прокричал:

– Ну что, снежные зайчики, всем одеваться!

Следующие полчаса мы провели в борьбе с молниями, носками, пряжками, капюшонами и перчатками. Когда мы закончили, дети стали похожи на мумий, а наша кухня – на раздевалку участников зимних Олимпийских игр. И в дисциплине «Кретины на ледяной горке» в весовой категории больших собак выступал... пес Марли! Я открыл парадную дверь, и, прежде чем кто-либо успел сделать шаг, Марли про-

неся мимо нас, сбив ненароком с ног сильно закутанную Колин. В то мгновение, когда его лапы почувствовали под собой странное белое покрытие («Ой, мокро! Ой, холодно!»), он переоценил ситуацию и попытался повернуться вокруг своей оси. Любой, кто водил машину во время снегопада, знает, что резкое торможение вкупе с разворотами не приводит ни к чему хорошему.

Марли занесло, и он покатился задом наперед. Он быстро свалился на бок и снова прыгнул на все четыре лапы, соскользнул со ступеньки и головой въехал в снежный сугроб. Когда он выбрался оттуда, то был похож на гигантский пончик, посыпанный сахарной пудрой. За исключением черного носа и двух карих глаз он был совершенно белым. Ужасная снежная собака! Марли не знал, что сделать с этой инородной субстанцией. Он засунул нос в глубокий сугроб и громко чихнул. Он прыгнул и снова сунул в сугроб морду. Затем, словно невидимая рука протянулась с небес и дала ему мощный заряд адреналина, он включил максимальную скорость и принялся передвигаться по саду гигантскими, размашистыми прыжками, которые прерывались только кувырками или резкими падениями. Снег приносил ему столько же радости, сколько налет на мусорный ящик соседей.

Проследив на снегу следы от лап Марли, можно было понять его изощренную логику. Его путь изобиловал резкими поворотами и разворотами, ломаными петлями и восьмерками, спиралями и тройными лутцами. Он следовал ка-

кому-то причудливому алгоритму, который понимал только он сам. Вскоре дети перехватили инициативу и начали кружиться, кататься и резвиться, и снег забивался во все складки их верхней одежды и под нее. Дженни вышла с тостами, намазанными маслом, кружками горячего какао и объявила: школа отменяется. Я знал, что у меня нет шансов быстро выехать на своем маленьком переднеприводном «ниссане» с подъездной дорожки, не говоря уж о том, чтобы пробраться по неровным сельским дорогам, поэтому я провозгласил День снега и для себя.

Я выгреб снег из каменного круга, который я выложил той осенью для костров на заднем дворе, и вскоре мы развели потрескивающий огонь. Дети съезжали на санках с горки, проезжали мимо костра и останавливались у опушки леса, а Марли бегал за ними. Я посмотрел на Дженни и спросил:

– Если бы тебе кто-нибудь год назад сказал, что ты с детьми будешь съезжать с заднего крыльца на санках, ты бы поверила?

– Никогда в жизни! – ответила она, тут же слепив снежок и запустив его мне в грудь.

В волосах Дженни блестел снег, на щеках играл румянец, а изо рта шел пар.

– Иди сюда, поцелуй меня, – позвал я.

Позже, пока дети грелись у костра, я решил тоже опробовать санки. Последний раз я катался на них будучи подростком.

– Хочешь присоединиться? – спросил я Дженни.

– Извини, Жан Клод, ты уж как-нибудь сам, – ответила она.

Я установил санки на вершине холма, лег на них спиной, опершись на локти и зафиксировав ноги спереди, и начал раскачиваться, чтобы скатиться. Нечасто Марли выпадала возможность посмотреть на меня сверху вниз, да еще чтобы такая выходка сошла ему с рук. Он робко подобрался ко мне и обнюхал мое лицо.

– Тебе чего? – спросил я, а это и было нужное ему приглашение.

Он вскарабкался на меня и улегся всей своей тушей.

– Уйди отсюда, толстый олух! – заорал я.

Но было уже поздно. Мы поехали вперед, набирая скорость.

– Доброго пути! – закричала Дженни откуда-то сзади. Пока мы летели вниз, Марли энергично облизывал мое лицо.

Наш общий вес был гораздо больше, чем вес детей, поэтому мы пролетели мимо той точки, где заканчивались следы саней.

– Держись, Марли! – закричал я. – Мы едем в лес!

Мы пронеслись мимо огромного орехового куста, потом между двумя вишневыми деревьями, чудесным образом миновав все жесткие объекты, продрались сквозь подлесок и ежевику. И вдруг я вспомнил, что немного дальше начинался берег до сих пор не замерзшего ручья. Я постарался выста-

вить вперед ноги и использовать их как тормоза, но ботинки застряли. А берег был крутым, почти отвесным, и мы все продолжали нестись вперед. У меня хватило времени только на то, чтобы вцепиться в Марли, зажмуриться и закричать: «Аааааааа!»

Санки соскочили с обрыва и повисли на моих ботинках. Это напоминало один из классических моментов мультиков, когда герои зависают в воздухе на несколько секунд, прежде чем разбиться вдребезги. Только в этом мультике я вцепился в безумного слюнявого лабрадора. Мы держались друг за друга и когда плюхнулись в сугроб на берегу, и потом, когда поехали к воде. Когда санки наконец остановились, я открыл глаза и оценил свое состояние. Я мог двигать пальцами ног и рук и крутить головой – вроде бы ничего не было сломано. Марли уже слез с меня и стоял рядом, сгорая от нетерпения еще раз испытать столь забавное приключение. Вздохнув, я встал и сказал ему отряхиваясь:

– Слишком стар я для таких приключений.

В последующие месяцы нам становилось все очевиднее, что Марли тоже для них староват.

Где-то к концу той первой нашей зимы в Пенсильвании я начал замечать, что Марли постепенно переходит из среднего возраста в предпенсионный. В декабре ему исполнилось девять, и он начал потихоньку сдавать. Выбросы безудержной энергии, когда адреналин играл у него в крови, все еще случались, но они становились короче и реже. Теперь Марли

был рад весь день продремать, а на прогулках уставал раньше меня, что было непохоже на него. Однажды в конце зимы, когда температура была около нуля, а в воздухе уже пахло весной, я спустился со своим псом с нашего холма и взобрался на соседний, который был еще круче. На вершине возвышалась белая церквушка, а возле нее находилось кладбище, где были похоронены ветераны Гражданской войны. На самом деле мы гуляли так очень часто, и еще прошлой осенью Марли одолевал маршрут без видимых усилий, несмотря на крутизну склона. Но на этот раз пес отстал от меня. Всю дорогу я подбадривал его, но он напоминал заводную игрушку, замедляющую движения, когда садится батарейка. У Марли уже не хватало энергии, чтобы добраться до вершины. Я остановился, чтобы дать ему передохнуть, чего никогда раньше не делал.

– Ты же не подведешь меня, правда? – спросил я, нагнувшись и погладив его.

Марли посмотрел на меня. Глаза пса блестели, нос был мокрым, и казалось, он не обращал внимания на тревожные сигналы, которые посылал ему его организм. Морда Марли была скорее довольной, нежели усталой, как будто ничего и не было на свете лучше посиделок рядом с хозяином на тропинке морозным утром на исходе зимы.

– Если думаешь, что я понесу тебя, забудь об этом, – предупредил я его.

Солнце осветило собаку, и только теперь я обратил вни-

мание, сколько седых волос появилось на рыжевато-палевой морде. из-за того что шерсть была светлой, изменение оттенка было едва заметным, но бесспорным. Вся морда и большая часть бровей стали из темно-желтых белыми. Мы даже толком заметить не успели, как наш вечный щенок превратился в пожилого пса.

Кстати, это вовсе не означало, что он стал лучше себя вести. Марли был всегда готов совершить любой свой фирменный эксцентричный поступок, просто в более медленном темпе. Он все еще таскал еду с тарелок детей. Он все еще открывал носом мусорное ведро на кухне и тщательно исследовал его содержимое. Он все еще натягивал поводок. Все еще проглатывал предметы домашней утвари.

Все еще пил из унитаза и проливал воду из своей миски. Едва небо темнело и гремел гром, он все так же впадал в панику, а когда оставался один, превращался в разрушителя. Однажды мы приехали домой и обнаружили, что Марли носится по комнатам как угорелый, а матрац Конора был разодран до пружин.

С годами мы стали философски относиться к ущербу. Правда, теперь, когда мы жили вдалеке от флоридских гроз, Марли стал реже наносить урон. Если в доме живет собака, то неизбежно где-то отвалится штукатурка, какие-то подушки будут разодраны, какие-то ковры будут порваны. Как у любых отношений, у этих была своя цена. Мы на нее согласились, она устанавливала баланс между радостью, забава-

ми, защитой и товарищескими отношениями, которые нам дарил Марли. Денег, что мы тратили на нашу собаку и на ремонты, хватило бы на маленькую яхту. Но как оценить преданное ожидание твоего возвращения домой в течение всего дня? Сколько стоит момент, когда твоя собака прыгает к тебе на колени или съезжает с тобой с горки на санках, облизывая лицо?

Марли заслужил место в нашей семье. Как странноватый, но всеми любимый дядюшка, он был тем, кем он был. Он никогда бы не стал Лэсси, никогда бы не попал на выставку. Теперь мы это знали. Но мы принимали его таким, какой он есть, и любили его за это еще больше.

– Эй ты, старый чудила, – сказал я псу на тропинке в тот день на исходе зимы, почесывая его шею. Кладбище, цель нашей прогулки, было всего в нескольких шагах от нас. Однако, как и в жизни, само путешествие было важнее, чем прибытие. Я присел на колени, глядя Марли, и сказал:

– Давай просто посидим здесь.

Когда пес передохнул, мы повернулись и пошли домой.

ГЛАВА 23

Парад домашней птицы

Той весной мы решили попробовать себя в роли животноводов. Теперь у нас был гектар земли, и можно было завести одно животное или даже пару. К тому же я работал главным редактором журнала «Органическое садоводство», который всячески пропагандировал присутствие домашней скотины и навоза в процветающем гармоничном садике.

– Было бы здорово завести корову, – предложила Дженни.

– Корову? – переспросил я. – Ты что, с ума сошла? У нас даже коровника нет, как же мы заведем корову? Да где же ты предлагаешь разместить ее? Уж не в соседнем ли гараже?

– Ну а как насчет овечки? – подумав, она сбавила обороты. – Овечки очень милые.

Я посмотрел на нее взглядом практичного человека, который считает своего собеседника полоумным.

– Ладно, давай заведем козу. Козы просто очаровательны!

В конечном счете, мы остановились на домашней птице. Каждому садовнику, который отказался от пестицидов и удобрений, домашняя птица приносит много пользы. Птица недорогая и требует относительно мало средств на свое содержание. Для полного счастья нужны были всего лишь маленький курятник и несколько чашек зерна каждое утро. Ку-

ры не только несут свежие яйца: когда хозяйева выпускают их на прогулку, они прилежно чистят их владения, поедая жучков и личинок. Склевывая клещей, они рыхлят землю как маленькие эффективные почвофрезы и удобряют ее составом с высоким содержанием азота. Каждый вечер в сумерках они сами возвращаются к своей кормушке. Что могло пойти не так? Курица лучший друг садовника-органика. Куры приносят массу пользы. Кроме того, как подтвердила Дженни, они прошли тест на «миловидность».

Итак, мы остановились на курах. В школе Дженни подружилась с одной мамашей-фермершей, которая сказала, что с радостью подарит нам несколько цыплят из следующего выводка. Я рассказал про наши планы Землекопу, и он тоже согласился, что несколько курочек нам не помешают. У Землекопа был большой курятник, в котором он выращивал кур – и несушек, и на мясо.

– Только будьте осторожны, – предупредил он, складывая на груди огромные ручищи. – Ни в коем случае не разрешайте детям давать им имена. Как только куры получают клички, они перестанут быть домашней птицей и станут домашними животными.

– Конечно, – согласился я.

При разведении птицы, как мне было известно, места для сентиментальности не остается. Курица может жить до 15 лет, но несется она только в первые два года. Как только куры перестают давать яйца, приходит время класть их в ка-

стриюлю. И это было только частью свода правил любого птицевода.

Землекоп внимательно взгляделся в мое лицо, как будто я пытался ему возразить, и добавил:

– Как только вы дадите им имена, все кончено.

– Заметано, – согласился я. – Никаких имен.

На следующий вечер, когда я приехал с работы и припарковался на подъездной дорожке, все трое детей выбежали из дома встречать меня, и у каждого в руках было по новорожденному цыпленку. Дженни шла позади и держала четвертого. Ее подруга Донна завезла птичек днем. Цыплятам едва был день от роду, и они, подняв головки, вглядывались в меня, словно спрашивая: «Не ты ли моя мама?»

Патрик был первым, кто выдал новость:

– Я назвал своего Перышко, – объявил он.

– Моего зовут Чирик-Чирик, – подхватил Конор.

– Мая цыпа Фшистик, – прощebetала Колин. Я уставился на Дженни вопрошающим взглядом.

– Пушистик, – пояснила Дженни. – Она назвала своего цыпленка Пушистиком.

– Дженни, – забил я тревогу, – что говорил нам Землекоп? Это будущая курятина, а не домашние любимцы.

– О, будь реалистом, фермер Джон, – сказала она. – Ты не хуже меня знаешь, что никогда бы не смог причинить вред ни одному из них. Ты только взгляни, какие они хорошенькие.

– Дженни! – взмолился я.

– Кстати, – сказала она, показав на четвертого цыпленка у себя в руках. – Познакомься с Ширли.

Перышко, Чирик, Пушистик и Ширли поселились на кухонном шкафу, в коробке, над которой висела электрическая лампочка, согревавшая их. Они ели и спали, потом еще немного ели и в результате росли с захватывавшей дух скоростью. Через несколько недель после того как птичек принесли домой, что-то заставило меня проснуться на рассвете. Я сел на кровати и прислушался. Снизу доносился слабый крик. Он был скрипучим и грубым, больше похожим на кашель туберкулезника. Крик прозвучал снова: ку-ка-ре-ку! Несколько секунд истекли, и он снова, так же слабо, но немного по-другому призвал: рук-ру-рук-ру-ру!

Я потряс Дженни и, когда она открыла глаза, спросил:

– Когда Донна принесла цыплят, ты ведь попросила ее еще раз проверить, все ли они курицы, правда?

– А ты что, можешь их отличить? – спросила она, перевернулась на другой бок и снова заснула.

Это называлось определение пола. Фермеры, разбирающиеся в своем деле, могут посмотреть на новорожденного цыпленка и определить с точностью до 80 %, мальчик это или девочка. На фермерском рынке птица определенного пола имела цену повыше. Более дешевым вариантом было купить птиц неизвестного пола. В таком случае молодых петушков забивают на мясо, а курочек оставляют, чтобы они

неслись. Но это требовало умения убивать, ощипывать и потрошить любых лишних петушков, которые могли обнаружиться позже. Как известно любому, кто хоть раз разводил кур, два петуха в стае – это перебор.

Как выяснилось, Донна даже не удосужилась определить пол наших цыплят, и три из них оказались петухами. Коробка на кухне стала похожа на приют для мальчиков-сирот. Самая проблемная черта петухов заключается в том, что они не желают уступать позицию лидера другому петуху. Если у вас равное количество кур и петухов, вы можете подумать, что они разойдутся по парам. И ошибетесь. Петухи начнут бесконечный бой, жестоко расцарапывая друг друга, чтобы определить, кто станет главным в курятнике. Победителю достанется все.

Как только наши петушки подросли, они начали клювом отстаивать свое положение и кукарекали в честь победы. Учитывая, что они так и остались на кухне, и именно там, переполненные тестостероном, давали волю своим клювам, пока я носился на задний дворик смастерить курятник, все это не доставляло мне никакой радости. Ширли, наша единственная востребованная бедняжка, получала больше внимания, чем могут мечтать самые похотливые женщины на свете.

Я думал, что постоянное пение наших петушков сведет Марли с ума. В его молодые годы одно только сладкое чириканье крошечной певчей птички в саду «заводило» его до

бурного лая, и он начинал кидаться от одного окна к другому. Тем не менее эти кричащие в нескольких шагах от его миски петушки не оказывали на него никакого действия. Казалось, он и не подозревал об их существовании. С каждым днем они кукарекали все громче, и эхо разносилось в пять утра по всему дому: ку-ка-ре-кууууу! Несмотря на суматоху, Марли продолжал спать. И тогда мне впервые пришла в голову мысль о том, что, возможно, он не просто игнорирует шум, он может просто его не слышать. Как-то раз, когда он дремал на кухне, я подошел к нему сзади и назвал по имени: «Марли?» Ничего. Я повысил голос: «Марли!» Ничего. Я хлопнул в ладоши и закричал: «МАРЛИ!» Он поднял голову и уши и безучастно осмотрелся, постаравшись определить местонахождение источника шума. Я повторил последнюю комбинацию – громко хлопнул и выкрикнул его имя. На этот раз он повернул голову настолько, чтобы краем глаза увидеть меня. *А, так это ты!* Он вскочил, завилял хвостом, потому что был счастлив, хотя, конечно, не ожидал увидеть меня. Он уткнулся мне в колени в знак приветствия и застенчиво посмотрел на меня, будто спрашивая: *«Ну и зачем ты подкрался ко мне исподтишка?»* Похоже, пес терял слух.

Такое развитие событий было реальным и предсказуемым. В последние месяцы Марли, казалось, совершенно не замечал меня, чего никогда не было раньше. Я звал его, а он на меня даже не смотрел. Я брал его на прогулку перед сном, он принюхивался в саду, не обращая внимания на мой свист

и призывы вернуться обратно. Он засыпал у моих ног в гостиной, и когда кто-то звонил в дверь, даже не открывал глаз.

Уши Марли доставляли ему неприятности с самого раннего возраста. Как и многие лабрадоры, Марли был предрасположен к ушным инфекциям, и мы потратили немалые суммы на антибиотики, мази, моющие средства, капли и визиты к ветеринару. Псу даже пришлось перенести операцию по укорочению наружных слуховых проходов, чтобы предотвратить развитие болезни. До того как мы принесли домой петухов, которых не слышать было невозможно, мне и в голову не приходило, что за эти годы проблема усугубилась и наша собака постепенно переселялась в мир приглушенного и отдаленного шепота.

Казалось, сам Марли мирился с болячками. Он прекрасно переносил пенсионный возраст, и проблемы со слухом не влияли на его размеренный деревенский образ жизни. На самом деле, глухота служила веским оправданием его непослушания. В конце концов, как он мог отреагировать на команду, которой не слышал? Каким бы тупоголовым он ни был, я мог поклясться, он понял, что глухота ему пошла только на пользу. Положи ему кусок мяса в миску – он прибежит из соседней комнаты, ведь его способность улавливать приглушённый звук шлепнувшегося на металл мяса никуда не исчезла.

Но покричи ты ему, когда он где-то гуляет, и он, скорее всего, не отзовется, более того, весело побежит прочь, да-

же не посмотрев через плечо виноватым взглядом, как делал прежде.

– Мне кажется, пес жульничает, – поделился я с Дженни.

Она согласилась, слух у Марли появлялся выборочно, но каждый раз, когда мы испытывали его – подкрадывались сзади, хлопали в ладоши и кричали его имя, он не реагировал. Зато когда бросали в его миску еду, он прибегал незамедлительно. Он казался глух ко всем другим звукам, кроме одного, самого приятного его сердцу, а вернее, его желудку – сигналу к обеду.

Марли по жизни был вечно голодным. Мы не только ежедневно насыпали ему большие порции собачьего корма, достаточные, чтобы прокормить целое семейство чихуа-хуа, мы начали добавлять в его рацион объедки со стола, несмотря на мудрые советы всех книг о собаках. А в них говорилось следующее: объедки приучают собак к человеческой еде, и животные начинают отказываться от собачьего корма. И кто сможет поставить это в вину, если им приходится выбирать между недоеденным бифштексом и сухим кормом? Объедки способствовали ожирению собак. Лабрадоры, в частности, были склонны к полноте в области щек, особенно когда достигали среднего возраста и позднее. Некоторые лабрадоры, особенно английские, вырастая, становились такими толстыми, что походили на воздушные шары.

Но хотя у Марли было много проблем, ожирение в их списке не значилось. Неважно, сколько калорий в него вхо-

дило, он всегда сжигал больше. Вся его несдержанность и возбудимость требовали огромных затрат энергии. Он напоминал высоковольтный электрический провод, который в одно мгновение превращает каждый грамм топлива в чистую энергию. Марли был необычным физическим экземпляром, той собакой, на которую заглядывались прохожие. Он был значительно крупнее среднестатистического лабрадора, который весит 32–40 кг. Даже когда Марли постарел, основу его массы составляли именно мышцы, 48 кг точеных мускулов, практически без капли жира. Его грудная клетка походила на маленький бочонок пива, но в области ребер под кожей не было жировой прослойки. Мы не за ожирение беспокоились, а за худобу. Во время наших частых визитов к доктору Джею, еще в период проживания во Флориде, мы с Дженни высказывали одинаковые опасения: мы скармливали Марли ужасающее количество еды, а он был значительно более тощим, чем большинство лабрадоров. Причем нам казалось, что он постоянно умирал с голоду, даже непосредственно после того, как проглатывал ведро корма, которого, судя по всему, хватило бы лошади. Неужели мы морили его голодом? Доктор Джей всегда давал мне один и тот же ответ. Он проводил руками по гладким бокам Марли, после чего последний от невероятного счастья пускался в пляс по тесному кабинету. А потом доктор говорил: что касается физических показателей, у Марли все идеально.

– Делайте так, как делаете, – советовал он.

А потом, когда Марли просовывал голову между его коленями или воровал ватный тампон с тумбочки, добавлял:

– Ясное дело, мне не нужно вам опять объяснять, сколь велик у него расход нервной энергии.

Каждый вечер после ужина приходило время покормить Марли, и я наполнял его миску собачьим кормом, а потом подкладывал ему все вкусные объедки с нашего стола. С тремя маленькими детьми за столом объедки оставались каждый день. Хлебные корки, мясная подливка, крошки, остатки супа, куриная кожа, соус, рис, морковь, пюре из чернослива, сэндвичи, макароны трехдневной давности – все это отправлялось в миску Марли. Может, наш питомец и вел себя как придворный шут, но рацион у него был как у принца Уэльского. Мы прятали от него только самую вредную для собак еду – молочные продукты, сладости, картошку и шоколад. Бывало, я спорил с людьми, которые покупали для своих питомцев человеческую еду, но когда я сам добавлял в рацион Марли продукты, которые в противном случае пришлось бы выкинуть, я чувствовал себя бережливым и милосердным благодетелем. Я разнообразил рацион своего любимца, и это всегда оценивалось им по достоинству.

Когда Марли еще не занимал должность нашей семейной мусорной корзины, на него были возложены обязанности команды мойщиков. Ни одно пятно не было для нашей собаки слишком большим. Если кто-то из детей опрокидывал на пол тарелку, полную макарон с фрикадельками, все что нуж-

но было сделать, это свистнуть и подождать, пока Старый Моющий Пылесос всосет в себя все до последней крошки, а потом вылизет пол до блеска. Выскользнувшие из рук горошины, упавший сельдерей, вывалившиеся из кастрюли макароны, пролитое яблочное пюре – не важно, что это было. Если еда падала на пол, она моментально уничтожалась. К изумлению наших друзей, Марли съедал даже листья салата.

Однако еде было совсем необязательно падать со стола, чтобы попасть к Марли в желудок. Он был искусным вором, его никогда не мучили угрызения совести. Чаще всего его жертвами становились ничего не подозревающие дети, если только он знал, что ни я, ни Дженни не наблюдаем за ним. Дни рождения были и для него настоящим праздником. Он продирался сквозь толпу пятилетних малышей, бесстыдно выхватывая из их ручонок хот-доги. А во время одной из вечеринок он кусок за куском стаскивал десерт с бумажных тарелок, которые дети держали на коленях, и, как мы прикинули позже, ему досталось не меньше двух третей торта.

Неважно, сколько еды ему доставалось официально и подпольно. Он всегда хотел больше. Вот почему, когда Марли стал терять слух, мы не удивились, что он по-прежнему прекрасно слышал сладкий, такой притягательный звук еды в своей миске.

Однажды я приехал с работы, и дома никого не было. Дженни где-то гуляла с детьми. Я позвал Марли – ответа не последовало. Я поднялся наверх, туда, где он часто дре-

мал, оставаясь один, но нигде не нашел своего пса. Переодевшись, я снова спустился и обнаружил Марли на кухне в позе, которая не предвещала ничего хорошего. Он стоял спиной ко мне на задних лапах (передние лежали на кухонном столе) и доедал остатки тоста с сыром. Первым моим желанием было громко отчитать его. Но вместо этого я решил проверить, на какое расстояние мне удастся подкрасться, прежде чем он поймет, что не один. Я на цыпочках подобрался так близко, что мог бы дотронуться до него рукой. Пока он поедал корочки, его взгляд все еще был прикован к двери, которая ведет в гараж, ибо он знал, что когда Дженни с детьми вернутся, то войдут именно через нее. А в то мгновение, когда дверь откроется, он упадет под стол и изобразит что спит. Очевидно, он не додумался, что и Папочка тоже должен вернуться домой, и он вполне может войти через входную дверь.

– Эй, Марли? – сказал я спокойно. – Ну и что ты тут делаешь?

Он продолжал заглатывать тост, не подозревая о моем присутствии. Его хвост безжизненно повис. Это в первую очередь свидетельствовало о его уверенности, что в доме больше никого нет и он проводит крупнейшую кражу века. Конечно, он был доволен собой.

Я громко откашлялся – он все еще не слышал меня. Я причмокнул губами. Ничего. Он смел первый тост, отодвинул носом тарелку в сторону и потянулся за корочками на второй тарелке.

– Ты нехороший пес, – сказал я Марли, пока его челюсти смыкались.

Тут я щелкнул пальцами два раза, и он застыл не дожидаясь. *Что это было? Неужели я слышал звук открывающейся двери машины?* Спустя секунду он убедил себя, что ничто ему не угрожает, и вернулся к краденой закуске.

Вот тогда-то я и хлопнул Марли по заднице. С тем же успехом я мог поджечь шашку динамита. Старый пес чуть из шкуры не выпрыгнул. Он стремительно бросился вниз и, как только увидел меня, упал на пол и выставил свой живот в знак капитуляции.

– Ты арестован! – крикнул я ему. – Арестован!

Но мне даже не хотелось ругать его. Марли был глухим старым псом. Я не собирался его изменять, да и вряд ли такая возможность существовала. Зато поймать его с поличным было невероятно весело, и я хохотал, когда он моментально отскочил от стола. Но теперь, когда он лежал у моих ног, вымаливая прощение, мне вдруг стало грустно. Наверное, в глубине души я надеялся, что он не признает своей вины и, как в старые добрые времена, попытается удрать от меня.

Я закончил строительство курятника. Это было нечто треугольное из клееной фанеры и по виду напоминало разводной мост. Главное, что туда теперь можно было поместить петухов-агрессоров. Затем добрая Донна обменяла двух наших петушков на курочек. Теперь по двору бегали три де-

вочки и один мальчик, накачанный тестостероном, который мог делать только три вещи: ждать секса, заниматься сексом или хвастливо кукарекать о недавней близости. Дженни подметила, что если мужчины следовали бы исключительно своим инстинктам, не обращая внимания на принятые в обществе условности, они стали бы петухами. Мне нечего было ответить. Признаюсь, я немного завидовал петуху, этому счастливому гаденышу.

Каждое утро мы выпускали птиц погулять во дворе, и Марли всегда несколько раз пытался заигрывать с ними, пока у него были силы. Казалось, что какой-то ген посылает ему изнутри срочное сообщение: «Ты лабрадор, а они птицы. Не кажется ли тебе, что неплохо было бы за ними погоняться?» Марли это занятие не доставляло особого удовольствия. Вскоре птицы поняли, что неуклюжее животное палевого цвета не представляет ровным счетом никакой угрозы, а Марли научился делить территорию с новыми пернатыми захватчиками. Однажды, пропалывая грядки, я увидел, что Марли и куры бегут к огороду. По пути куры клевали пса, а Марли лишь сопел. Словно старые друзья вышли на прогулку в воскресный день.

– И после этого ты еще носишь звание охотничьей собаки! – покритиковал я его. Марли подбежал ко мне, поднял лапу, описал куст помидоров и отправился к своим новым приятелям.

ГЛАВА 24

Потайная комнатка

Даже старый пес может многому научить человека. Глядя на слабеющего с каждым месяцем Марли, мы понимали бренность и нашего человеческого бытия. Мы с Дженни не дотянули еще даже до отметки среднего возраста. У нас росли маленькие дети, на здоровье мы не жаловались, а старость казалась далекой. Проще всего было отрицать неизбежное течение времени, надеясь, что нас оно как-нибудь обойдет стороной. Но Марли лишил нас роскоши такого отрицания. Мы видели, как он седеет, глохнет, с трудом передвигается, и невозможно было не понимать, что он, видимо, скоро умрет... да и мы тоже когда-нибудь. Каждое живое существо рано или поздно становится немощным, но собаки стареют особенно стремительно. За короткий промежуток времени в двенадцать лет Марли превратился из подвижного щенка в неуклюжего молодого пса, потом в сильную взрослую собаку и, наконец, в немощного инвалида. Собачий год обычно приравнивается к семи человеческим, то есть сейчас по нашим меркам ему было почти 90.

Когда-то сверкающие белоснежные зубы нашего пса стерлись до коричневатых шишек. Три из четырех клыков уже отсутствовали – один за другим они ломались во время

безумных атак, когда он пытался прогрызть себе путь в безопасное место. Если раньше из пасти Марли почему-то отдавало рыбой, то теперь от него пахло простоявшим на солнце полным мусорным ведром. Не вызывал энтузиазма и тот факт, что Марли пристрастился к сомнительному деликатесу, а именно к куриному навозу. К полному нашему отвращению, он уплетал его с таким удовольствием, словно это была черная икра.

Его пищеварение было уже не таким идеальным, как раньше, а кишечник, словно завод по переработке метана, начал выделять огромное количество газов. Бывали дни, когда мне казалось: стоит зажечь спичку и весь дом взлетит на воздух. Метеоризм Марли как будто увеличивался прямо пропорционально числу приглашенных нами к обеду гостей, и комната, где находился виновник, мгновенно пустела из-за «смертельной» дозы его газов. «Марли! Опять!» – кричали хором дети и ретировались. Иногда он и сам уходил. Были случаи, когда пес спокойно спал, но тут до его ноздрей долетал запах. Его глаза мгновенно открывались, и он приподнимал бровь, словно спрашивая: «*О Боже! Кто это сделал?*». Затем Марли вставал и невозмутимо удалялся в соседнюю комнату.

Когда он не пукал, то выходил на улицу и делал свои дела. Или, по крайней мере, думал о том, как и когда будет их делать. Его избирательность в отношении места, где можно облегчиться, выросла до состояния маниакальной одержимости. Каждый раз, когда я выпускал его во двор, у него ухо-

дило все больше и больше времени, чтобы выбрать идеально подходящее место. Он прохаживался туда-сюда, бегал кругами, принюхивался, останавливался, почесывался, опять кружил, переходил с места на место. Все это время он смешно скалил зубы. А пока он прочесывал местность, пытаюсь найти подходящий уголок, я стоял на улице. Иногда капал дождь, иногда шел снег. Иногда было темно. В большинстве случаев я был босиком или только в трусах. Но я не мог оставить пса без присмотра, так как по опыту знал: в противном случае Марли мог убежать в гости к соседским собакам.

Кстати говоря, теперь он очень любил исчезать из дома. Если подворачивалась возможность и ему казалось, что он сможет незаметно удрать, он давал деру за границы нашего участка. Хотя, вообще-то, он не удирал в прямом смысле этого слова. Он принюхивался и посапывал у одного куста, перебежал к следующему и так далее, пока полностью не исчезал из виду. Однажды поздно вечером я выпустил его на прогулку перед сном. Шел холодный дождь, было очень скользко, и я на минуту вернулся в дом, чтобы накинуть плащ, висевший в шкафу в прихожей. Выйдя обратно на улицу, я обнаружил, что пес исчез. Я пошел в сад и принялся громко свистеть и хлопать в ладоши. Почти полчаса я бродил под дождем по окрестностям в весьма экзотическом наряде: на ногах ботинки, а под плащом только трусы – искренне надеясь, что никто не увидит меня. Чем дольше длились поиски, тем злее я становился. *Черт возьми, где он шляется?*

Но постепенно мой гнев начал переходить в беспокойство. Я подумал о тех старых собаках, которые, как пишут газеты, сбегают из приютов, а через три дня их находят замерзшими в снегу. Я вернулся домой, поднялся в спальню и разбудил Дженни.

– Марли исчез, – сказал я. – Я нигде не могу его найти. Он там, под холодным дождем. – Жена мгновенно вскочила, натянула джинсы, свитер, обулась. Сообща нам удалось расширить зону поисков. Я слышал, как Дженни свистит и зовет Марли, стоя на холме, а сам я в это время продирался по лесу в темноте, опасаясь найти своего пса бездыханным возле ручья.

Наконец наши с Дженни пути пересеклись.

– Что-нибудь нашла? – спросил я.

– Ничего, – ответила она.

Мы вымокли до нитки, а мои голые ноги обжигал холод.

– Ладно, пошли домой греться, а потом я поеду искать его на машине, – предложил я.

Мы спустились с холма к себе во двор. Тут-то мы и увидели Марли – он сидел под навесом и бурно радовался нашему возвращению. Наверное, другой на моем месте просто прибил бы его. Но я завел собаку внутрь и старательно вытер полотенцем, причем по кухне распространился ни с чем не сравнимый запах мокрой псины. После столь утомительной прогулки Марли буквально свалился от изнеможения и проспал всю ночь и все утро.

Зрение Марли слабело, и теперь кролики могли резвиться в трех метрах от него, не будучи замеченными. Он сильно линял, что вынуждало Дженни пылесосить дом каждый день, хотя она все равно за ним не успевала. Собачья шерсть забивалась в каждую щелочку, налипала на каждую деталь гардероба и попадала в большую часть готовящихся в доме блюд. Конечно, он линял и прежде, но если раньше такие периоды можно было сравнить с небольшим снегопадом, то теперь это напоминало пургу. Когда он отряхивался, вокруг поднималось облако из ворсинок, которые, оседая, покрывали все поверхности. Как-то вечером я смотрел телевизор, свесив ногу с дивана, и рассеяно гладил пса босой ступней. Во время рекламы я взглянул вниз и увидел ком размером с грейпфрут в том месте, где я гладил. Клубки собачьей шерсти катались по деревянному полу, словно перекаати-поле по степи.

Особое беспокойство вызывало у нас состояние его бедер. Сильнейший артрит суставов ослаблял лапы и причинял Марли боль. Пес, который некогда мог, как лошадь, катать меня на спине, который поднимал спиной тяжелый стол и бегал с ним по комнате, теперь едва удерживал собственный вес. Он стонал от боли, когда ложился или вставал. Я не знал, насколько слабы его бедра, до того дня, когда несильно хлопнул Марли по спине, и он свалился на пол как подкошенный, словно под тяжестью валуна. Мне было больно смотреть на это.

Ему становилось все тяжелее забираться по ступенькам на второй этаж, но он и думать не хотел о том, чтобы спать в одиночестве на первом, даже после того как мы соорудили ему лежанку прямо у лестницы. Марли любил людей, любил путаться под ногами, любил класть свой подбородок на матрац и пыхтеть нам в лицо, пока мы спали, а когда мы купались, он любил просовывать голову между занавесками в ванной и пить воду. Он и сейчас не переставал вытворять все это. Каждый вечер, когда мы с Дженни поднимались в спальню, он терся у подножия лестницы, скуля, тьявкая, расхаживая туда-сюда, предварительно ощупывая передней лапой первую ступеньку. Таким образом он собирал всю свою волю в кулак для восхождения, которое еще недавно не представляло для него трудности. Стоя наверху, я подбадривал его: «Давай, мой мальчик, ты можешь это сделать!» Через несколько минут он исчезал за углом, чтобы разбежаться и начать подъем, перенося большую часть своего веса на плечи. Иногда ему удавалось добраться до верха, иногда он останавливался на полпути, и ему приходилось возвращаться обратно и повторять попытку. В самых прискорбных случаях у него полностью отнимались задние лапы, и он беспомощно скатывался на животе вниз по ступенькам. Он был слишком тяжелым, чтобы я мог втащить его наверх на руках, но я все чаще спускался за ним и поднимал заднюю часть его туловища при каждом шаге, а он ковылял на передних лапах.

Поскольку возникли сложности с лестницей, я подумал,

что теперь Марли ограничит количество подъемов и спусков по ней. Такое решение как нельзя лучше продемонстрирует, что в его голове где-то глубоко таится здравый смысл. Однако, несмотря на дискомфорт, который доставляли ему подъемы, если я возвращался вниз, скажем, за книгой или выключить свет, то он, топая, следовал за мной по пятам. А потом, несколько минут спустя, ему приходилось повторять мучительную попытку. Когда он был наверху, нам с Дженни приходилось по очереди следить за ним, чтобы по пустякам у него не возникало соблазна спуститься за нами. Мы поняли, что следить за ним со спины будет несложно, потому что его слух ухудшился, и он спал теперь дольше и крепче чем когда-либо. Но, казалось, он всегда чувствовал, когда мы уходили. Например, я читал книгу в кровати, а он дремал возле меня на полу, громко похрапывая. Тут я украдкой откидывал одеяло, вставал, на цыпочках проходил мимо него к двери и оборачивался, чтобы убедиться, что не побеспокоил его. Через несколько минут после того как я спускался, я слышал его тяжелые шаги на лестнице. Он шел искать меня. Марли мог быть и глухим, и полуслепым, но внутреннее чутье никогда его не подводило.

Такое случалось не только ночью, но и днем. Я читал газету за кухонным столом, Марли сворачивался у моих ног, и тут я вставал за кофейником, который стоял в другом конце помещения. Несмотря на то что меня было видно и я собирался тотчас же вернуться, он с трудом поднимался и устало

тащился за мной. И он даже не думал ложиться обратно, пока я не возвращался за стол. Еще несколько минут спустя я направлялся в гостиную, чтобы включить музыку, и он снова начинал борьбу со своей немощью, поднимаясь и следуя за мной. А когда я уже собирался было вернуться обратно на кухню, он в изнеможении, со стоном буквально падал возле меня. Так оно и продолжалось, и не только со мной, но и с Дженни, и с детьми тоже.

Да, старость брала свое. Тем не менее иногда Марли удалось заставить свое тело двигаться, как прежде. Подчас глядя на него, сложно было поверить, что это одна и та же собака.

Как-то весной 2002 года я вывел Марли на короткую вечернюю прогулку. Ночь выдалась прохладной и ветреной. Свежий воздух бодрил, и я решил пробежаться, а Марли, почувствовав прилив сил, потрусил рядом со мной, прямо как в старые добрые времена. Я даже сказал ему вслух: «Смотри-ка, Марл, ты прям как молодой». Он счастливо запыхтел, свесил язык набок, глаза заблестели. Мы побежали трусцой к двери. Перед крыльцом Марли попытался игриво перепрыгнуть сразу через две ступеньки, но лапы отказали, и он оказался в дурацком положении: передние лапы лежали на крыльце, задние – на дорожке, а живот – на ступенях. Так он и лежал, глядя на меня так, словно даже предположить не мог, чем вызвано столь позорное выступление. Я свистнул, хлопнул в ладоши, и он начал героически загребать задними

лапами, пытаясь встать. Все было напрасно. Он не мог оторвать зад от земли. «Ну же, Марли!» – подбодрил его я, но он остался недвижим. В конечном счете, я подхватил его и повернул боком, чтобы он смог поставить все четыре лапы на землю. После нескольких неудачных попыток ему удалось встать. Тогда он отошел, оценивающе глянул на ступеньки и запрыгнул на крыльцо. С того дня его уверенность в себе как чемпионе по запрыгиванию на крыльцо была подорвана. Он больше никогда не пытался сразу вспрыгнуть на эти две небольшие ступеньки, всегда сначала останавливался и прохаживался возле них.

В том, что старость не радость, сомнений не было. Молодость уже не вернешь.

Марли напоминал мне о краткости жизни, о ее быстротечных радостях и упущенных возможностях. Он напоминал мне, что каждому из нас только раз выпадает шанс попасть в яблочко, и жизнь не дает второй попытки. Сегодня ты можешь доплыть аж до середины океана, надеясь поймать удачу за хвост, а завтра с трудом наклонись, чтобы попить из своей миски. У меня, да и у всех нас, была только одна жизнь. Я все время возвращался к одному и тому же вопросу: «Зачем я трачу свои годы на журнал о садоводстве?» Дело было не в том, что от новой работы я не получал отдачи, – я гордился изменениями, которые произошли в журнале. Но я отчаянно скучал по газетам, по людям, которые их делают, и по людям, которые их читают. Я скучал по возможно-

сти быть причастным к главной новости дня и по ощущению, что я могу что-то изменить, пусть совсем немного. Я скучал по выбросам адреналина, которые были неизбежны, когда приходилось писать статьи за несколько часов до сдачи в печать, и по ни с чем не сравнимому удовлетворению, когда я утром обнаруживал, что мой почтовый ящик завален ответами на мои слова, эмоции, мысли. Но больше всего мне не хватало возможности рассказывать людям истории, и я удивлялся, как меня угораздило уйти с работы, которая идеально мне подходила, и пуститься в авантюру с этим журналом с его мизерным бюджетом, постоянной необходимостью поиска рекламодателей (а также квалифицированного персонала) и неблагодарной редакторской работой.

Когда один из моих бывших коллег упомянул, что газете *Philadelphia Inquirer* требуется ведущий рубрики, я ухватился за эту возможность, не сомневаясь ни секунды. Такое место заполучить невероятно трудно даже в маленькой газете: когда вакансия открывается, на нее сразу же назначается кто-то из сотрудников. Перо передают ветеранам, которые уже показали себя хорошими журналистами. У *Inquirer* была прекрасная репутация, она получила за последние годы семнадцать престижных Пулитцеровских премий в области журналистики и считалась одной из лучших газет страны. Я был ее поклонником, и вот теперь меня пригласили на собеседование. Чтобы получить эту работу, мне даже не нужно было переселяться: офис находился в сорока пяти минутах

езды от Пенсильванской федеральной трассы – вполне приемлемое расстояние. Я не слишком верю в чудеса, но все это казалось чересчур прекрасным, чтобы быть правдой, словно вмешалось провидение.

В ноябре 2002 года я променял свою экипировку садовника на аккредитацию журналиста *Philadelphia Inquirer*. Вполне возможно, это был лучший день в моей жизни. Я оказался там, где мне и следовало быть: в редакции газеты.

Я проработал всего несколько месяцев на новом месте, когда на Филадельфию обрушился первый в 2003 году сильный буран. Снег пошел еще в воскресенье вечером, а к тому времени, как на следующий день небо просветлело, на земле лежали сугробы высотой около 60 см. Пока местные власти чистили дороги, дети три дня не ходили в школу, а я посылал свои материалы из дома. Я одолжил у соседа снегоуборочный агрегат, расчистил подъездную дорожку, а также прокопал узкий проход к входной двери. Зная, что Марли вряд ли удастся выбраться в сад по вертикальным снежным стенам, не говоря уже о том, чтобы преодолеть глубокие сугробы по пути, я расчистил ему его собственную «потайную комнатку», как окрестили ее дети. На самом деле это был небольшой участок рядом с основной дорожкой, на котором он мог делать свои дела. Правда, когда я позвал его на улицу опробовать новые удобства, он долго стоял в дверном проеме и с подозрением принохивался к снегу. У него были очень изощренные представления о подходящем месте, где мож-

но справиться естественные надобности, и то, что было перед ним, явно не отвечало его требованиям. Он уже было поднял лапу и собрался помочиться, но тут что-то остановило его. *Писать прямо здесь? Под окном? Да ну, ты шутишь!* Он повернулся, с огромным усилием одолел скользкие ступеньки и ушел в дом.

В тот вечер я снова вывел его на улицу после ужина, и на этот раз Марли не смог позволить себе тянуть время. Ему нужно было на улицу. Он нервно прохаживался по расчищенному проходу и по «тайной комнатке», потом выходил на подъездную дорожку, стуча когтями по замерзшей земле и нюхая снег. *Нет, так не пойдет.* Прежде чем я смог остановить его, он вскарабкался на вертикальную стену из снега, образовавшуюся после работы снегоуборочного агрегата, и побежал через весь сад к заснеженным елям в пятнадцати метрах от нас. Я глазам не верил: мой больной артритом пес решился на переход через Альпы! Через каждые пару шагов его зад провисал вниз, а ноги проваливались в снег. Несколько секунд он лежал на пузе, потом снова поднимался и продолжал борьбу. Он медленно, с большим трудом пробирался сквозь глубокие сугробы, используя свои все еще сильные плечи. Онемев, я стоял на подъездной дорожке, прикидывая, как буду его спасать, если он, в конечном счете, застрянет и не сможет вылезти самостоятельно. Но пес продвигался все дальше и дальше и наконец добрался до ближайшей ели. Внезапно я понял, зачем он проделал это. У Марли был

план, причем, надо признать, гениальный. Под густыми ветвями снег был всего несколько сантиметров глубиной. Дерево выступало в роли зонта, и, как только Марли оказался под ним, он уже мог свободно передвигаться и присесть где ему захочется. Он привычно закружил, обнюхал все и порылся в снегу, стараясь найти подходящее место. Однако, к моему немалому удивлению, он побежал к соседнему дереву. Первое место казалось мне идеальным, но оно явно не отвечало высоким стандартам Марли.

С трудом он добрался до следующего дерева, но после достаточного количества кругов нашел, что и здесь плохо. Так он побежал к третьему дереву, потом к четвертому и к пятому, каждый раз все больше удаляясь от подъездной дорожки. Я звал его обратно, хоть и понимал, что пес не слышит меня.

– Марли, ты застрянешь там, кретин! – кричал я.

Но Марли с упорством преследовал свою цель. Наконец он добрался до последнего дерева на нашем участке – это была огромная ель с густыми ветвями. Здесь дети обычно ждали школьный автобус. Там он и обнаружил клочок мерзлой земли, который так долго искал, – свой личный, едва припудренный снегом. Он сделал несколько кругов и со стоном присел на свои старые, измученные, истерзанные артритом лапы. Там он, наконец, облегчился. Ура!

Завершив свою миссию, Марли начал долгий путь домой. Я махал руками и хлопал в ладоши, чтобы поддержать его.

– Только не останавливайся, малыш! – кричал я.

К сожалению, в трех метрах от подъездной дорожки силы Марли иссякли. Он выдохся и, упав на снег, совершенно изнуренный, озабоченно посмотрел на меня. *Что мы теперь будем делать, хозяин?* Я понятия не имел. Я мог пройти к нему по сугробам, но что дальше? Он был слишком тяжелым, чтобы я мог нести его на руках. Еще несколько минут я стоял на месте, подзывая его, но Марли не шевелился.

– Держись, – сказал я. – Я пойду надену ботинки и тогда вернусь за тобой.

Я сообразил: можно уложить его на санки и отвезти домой. Едва пес увидел меня с санками, он преобразился. Марли подпрыгнул, словно его перезарядили. Единственное, чем мог быть вызван такой всплеск эмоций, – это воспоминание о нашей бесславной поездке на санках в лес и падение с высокого обрыва на берег ручья. Конечно, он хотел повторить ее! Он рванулся ко мне, как лев из болота. Пока он пробирался вперед, я шел навстречу, вытаптывая для него тропинку. В конечном счете, мы вместе пробрались через сугробы и вышли на подъездную дорожку. Игривый и самонадеянный, Марли отряхнулся и, постучав хвостом о мои колени, встал на задние лапы. Его бравада напоминала хвастовство путешественника, который только что вернулся из утомительного странствия по диким просторам. Я и представить себе не мог, что он способен на такое.

На следующее утро я расчистил узкую дорожку к дальней ели на краю нашего участка, и Марли утвердил это место в

качестве своей уборной на зимний период. Кризис был разрешен, но один вопрос не давал мне покоя (как это было не печально): сколько еще это будет продолжаться? Когда же боли и унижения старости окончательно сломят моего пса?

ГЛАВА 25

Преодолевая трудности

Когда пришло время школьных каникул, Дженни усадила детей в мини-вэн, и они отправились на неделю в Бостон в гости к тете. Я целыми днями торчал на работе. Таким образом, Марли остался дома один, и у него не было никого, кто мог бы составить ему компанию и выпустить на улицу. Из всех неприятностей старости больше всего его беспокоил теперь уже с трудом контролируемый кишечник. Надо сказать, что, несмотря на ужасное поведение Марли все эти годы, к его туалетному этикету у нас никогда не возникало претензий. Это была единственная черта Марли, которой мы могли похвастаться. Он ни единого раза не наделал в доме, даже когда мы оставляли его на 10–12 часов. Мы еще шутили, что у него стальной мочевого пузыря, а кишечник вытесан из камня.

Однако в последние месяцы все переменялось. Справив малую нужду, он держался не более двух часов. Когда становилось невтерпёж, он должен был сходить по делам, и если нас дома не было, у него не оставалось выбора, кроме как сделать все на полу. Марли было мучительно стыдно. Возвращаясь, мы всегда знали, имел ли место аварийный случай. Вместо того чтобы приветствовать нас у двери без-

удержным весельем, он стоял в глубине комнаты. Его голова свешивалась низко к полу, хвост безжизненно болтался между лап и от него прямо-таки веяло осознанием собственной вины.

Мы никогда его за это не наказывали. Как мы могли? Ему было почти тринадцать лет – предельный возраст для лабрадоров. Мы понимали, что он просто не может терпеть, да и он сам, похоже, это понимал. Я был уверен: если бы он мог говорить, он бы открыто признал свою вину и уверял бы нас, что действительно очень старался сдержаться.

Дженни купила моющий пылесос, и мы начали так планировать наш день, чтобы не оставлять Марли одного больше чем на пару часов. В это время моя жена подрабатывала в школе, и сразу после уроков она мчалась домой. Бывало, я уходил со званных обедов, не дождавшись десерта, с одной только мыслью: вывести собаку на улицу. Марли, конечно же, затягивал прогулки насколько возможно, но мы и не торопили его. Он успевал пройтись по всему саду. А друзья в шутку спрашивали нас, кто же в доме Грогэнов настоящий хозяин.

Когда Дженни с детьми уехала, я знал, что дни будут длинными как никогда. С другой стороны, это был шанс погулять после работы, побродить по окраинам и исследовать городки и районы, о которых я писал. Учитывая длительность поездок, я должен был отсутствовать дома 10–12 часов. И речи не было, чтобы оставить Марли одного на столь длитель-

ный промежуток времени. Мы решили отдать его в собачий пансион, услугами которого пользовались каждое лето, когда уезжали отдыхать. Этот пансион функционировал при большой ветеринарной клинике с очень высоким уровнем сервиса. Одно только было странно: каждый раз, когда мы приходили туда, нас встречал новый доктор, который ничего не знал о Марли, кроме того, что значилось в его личной карте. Мы никогда не могли запомнить имена врачей. В отличие от нашего любимого доктора Джея во Флориде, который знал Марли почти так же хорошо, как и мы, и который стал настоящим другом нашей семьи ко времени переезда, эти врачи оставались для нас посторонними людьми. Компетентными, но тем не менее посторонними. Впрочем, Марли, казалось, было все равно.

– Пяятиль едет в собачий лагерь! – визжала Колин, и Марли поднимал голову, словно подтверждая это.

Мы развлекались, придумывая расписание для Марли в пансионе: с 9.00 до 10.00 копание нор, с 10.15 до 11.00 раздирание подушек, с 11.05 до полудня набег на мусорную корзину, и так далее. Я привез собаку в воскресенье вечером и оставил номер своего сотового телефона. Марли, казалось, никогда не расслаблялся полностью даже у доктора Джея, а тем более в пансионе, поэтому я всегда о нем немного беспокоился. После каждой поездки он возвращался мрачным. Он до крови растирал морду о решетку, а когда оказывался дома, то валился на пол в углу и крепко спал часами, как

будто вдали от дома он только и делал, что без усталости бегал по клетке.

Утром во вторник, когда я находился в центре Филадельфии, вдруг зазвонил сотовый телефон.

– Не могли бы вы поговорить с доктором таким-то? – спросила сотрудница пансиона.

Это был очередной ветеринар, чье имя я слышал в первый раз. Через несколько секунд меня соединили с врачом.

– У нас проблемы с Марли, – сказала она. Мое сердце екнуло.

– Проблемы? – переспросил я.

Ветеринар сказала, что в желудок Марли, помимо еды и воды, попал воздух, и в результате случился заворот желудка. Поскольку ни газы, ни другие вещества не могли выйти оттуда, его живот раздулся до состояния, опасного для жизни, которое называлось гастроэктазия. Почти во всех случаях было необходимо хирургическое вмешательство, сказала она, и если не сделать операцию в течение нескольких часов, пес может умереть.

Она также сообщила, что вставила ему зонд и выпустила большую часть скопившихся газов, что уменьшило вздутие. А потом, передвигая зонд в его желудке, она смогла поставить его на место, поэтому теперь Марли принял снотворное и безмятежно спит.

– Это же хорошо, правда? – осторожно спросил я.

– Только временно, – ответила врач. – Мы вывели его из

критического состояния, но когда желудки собак так перекручиваются, почти с полной уверенностью можно сказать, что рано или поздно это повторится.

– Насколько полной? – поинтересовался я.

– Я бы сказала, что шансы отсутствия рецидива равны одному проценту, – сказала она.

Один процент? Ради бога, его шансы поступить в Гарвард и то выше!

– Один процент? И не больше?

– Мне жаль, – посочувствовала она. – Но он в крайне тяжелом состоянии.

Если у него снова будет заворот желудка, а она упоминала об этом как о несомненном факте, оставалось два выхода. Первый – решиться на операцию. Она сказала, что придется сделать разрез и швами прикрепить желудок к стенке полости, чтобы предотвратить возможность рецидива.

– Операция обойдется вам приблизительно в \$ 2000, – я поперхнулся. – И я должна предупредить, что это серьезное хирургическое вмешательство, собаке преклонного возраста сложно такое перенести. Восстановительный процесс будет долгим и сложным. Иногда такие старые собаки, как Марли, не выживают, – объяснила она. – Если бы ему было четыре или пять лет, я бы сказала, что операция в любом случае необходима, – добавила ветеринар. – Но, учитывая его возраст, вам лучше еще раз спросить себя: хотите ли вы подвергать пса такому риску.

– Не хотел бы, если можно помочь иначе, – сказал я. – Какой второй вариант?

– Второй вариант, – отозвалась она, немного поколебавшись, – усыпить.

– Ох, – только и смог ответить я.

Мне было сложно переварить информацию. Пять минут назад я гулял по городу, думая, что Марли спокойно отдыхает в собачьем пансионе. А теперь я должен решить, жить ему или умереть. Я никогда не слышал о том заболевании, которое она описала. Только потом я узнал, что оно распространено у многих пород, внешне напоминающих лабрадора, у которых широкая грудная клетка. Собаки, в несколько глотков сметающие с мисок всю порцию, как Марли, тоже попадали в группу риска. Некоторые хозяева считали, что вздутие живота у питомцев происходит из-за стресса от пребывания в пансионе, но позже я поговорил с профессором ветеринарной медицины, и он сказал, что его исследования не доказали прямой зависимости между стрессом и заворотом. Однако ветеринар, разговаривавшая со мной по телефону, признала: возбуждение Марли от присутствия других собак могло усугубить его состояние. Он все так же лопал свой корм, сильно пыхтел и обильно поливал все слюной. Врач сказала, что он действительно мог заглотнуть слишком много воздуха и слюны, и его желудок начал расширяться, а там недалеко и до заворота.

– А мы можем оставить все как есть и подождать? – спро-

сил я. – Может, заворота не будет?

– Именно этим мы сейчас и занимаемся – ждем и наблюдаем за его состоянием, – сказала ветеринар. Она повторила про его шансы в один процент и добавила: – Если будет заворот, вы должны быстро принять решение. Мы не можем заставить его страдать.

– Мне нужно поговорить с женой, – произнес я. – Я вам перезвоню.

Когда Дженни разговаривала со мной по сотовому телефону, она вместе с детьми находилась на прогулочном катере. Мне было слышно, как работают двигатели и как через громкоговоритель разносится голос гида. Слышимость была отвратительная, связь постоянно прерывалась. Я кричал, пытаюсь рассказать жене, перед каким выбором мы стоим. Но она улавливала только обрывки фраз: Марли... критическое состояние... желудок... операция... усыпить.

А потом на другом конце наступила тишина.

– Алло! – крикнул я. – Ты еще на связи?

– Я здесь, – сказала Дженни, а потом снова затихла. Мы оба знали, что этот день наступит, просто не думали, что именно сегодня, когда ее и детей нет в городе, и они даже не смогут попрощаться, а я находился в полутора часах езды от дома в служебной командировке.

К концу разговора, состоящего из криков и многозначительных пауз, мы сошлись на том, что время у нас еще есть. Ветеринар была права. Марли слишком слаб. Подвергнуть

его болезненной операции, только чтобы оттянуть неизбежное, было бы жестоко. Конечно, высокую цену операции мы тоже не могли не принять во внимание. Казалось аморально, почти безнравственно тратить столько денег на старую собаку, стоящую в самом конце своего жизненного пути, в то время как столько бродячих собак усыпляют каждый день, а многие дети не получают достойную медицинскую помощь из-за отсутствия средств. Если время Марли пришло, то так тому и быть, и теперь мы должны дать ему уйти достойно и без страданий. Мы знали, что это решение было правильным, но ни один из нас не был готов расстаться с Марли.

Я созвонился с ветеринаром и сообщил ей о нашем решении.

– Его зубы сгнили, он оглох, а его лапы настолько слабы, что он едва поднимается на две ступеньки крыльца, – рассказывал я ей, словно она нуждалась в убеждениях. – У него проблемы с выбором места для стула.

Ветеринар, которую звали доктор Хопкинсон, согласилась со мной.

– Думаю, его час настал, – сказала она.

– Наверное, – ответил я.

Однако я не хотел, чтобы она усыпила его, не созвонившись вначале со мной. Я хотел быть там рядом с ним, если возможно.

– И я все еще надеюсь на чудо с вероятностью в один процент, – добавил я.

– Давайте созвонимся через час, – предложила она.

Через час голос доктора Хопкинсон звучал немного более оптимистично. Марли все еще держался, правда, ему внутривенно ввели физраствор. Она подняла его шансы до пяти процентов.

– Я не хочу слишком обнадеживать вас, – сказала мне доктор Хопкинсон. – Он очень слаб.

На следующее утро голос врача был еще увереннее.

– Он хорошо провел ночь, – сообщила она.

Когда я перезвонил в полдень, врач уже убрала капельницу и накормила Марли рисом с мясом.

– Он совсем изголодался, – отчиталась она. Во время следующего звонка он уже мог стоять.

– Хорошие новости! – поделилась доктор. – Один из наших санитаров только что вывел Марли погулять, и он пописал и покакал.

Я так обрадовался, словно Марли выиграл премию «Лучшее шоу». Потом она добавила:

– Наверное, он чувствует себя намного лучше. Он только что чмокнул меня своим мокрым носом.

Да, это был наш Марли!

– Еще вчера мне казалось, что такое невозможно, – продолжала врач, – но, мне кажется, завтра вы уже сможете забрать его.

Так я и сделал на следующий вечер после работы. Выглядел Марли ужасно – кожа да кости, влажные молочного цве-

та глаза, как будто он побывал в потустороннем мире и только что вернулся обратно. Хотя, как мне кажется, именно так дело и обстояло. Однако после того как я оплатил счет на восемь сотен долларов, я выглядел, наверное, не лучше. Когда я благодарил доктора за ее хорошую работу, она ответила:

– Весь персонал любил Марли. Каждый из нас переживал за него.

Я провел в машину своего удивительного пса, чьи шансы выжить равнялись одному к девяноста девяти, и сказал:

– Давай я отвезу тебя домой, где ты и должен быть.

Он остановился, горестно бросая взгляды на заднее сиденье. Марли знал, что оно недостижимо, как Олимп, и даже не попытался прыгнуть на него. Я позвал одного из сотрудников пансиона, и мы вдвоем осторожно подняли Марли и посадили в машину. Я повез его домой, вместе с коробкой лекарств. Перед отъездом врач дала мне строгие указания. Марли больше никогда не должен был есть много за один присест, то же касалось и питья. Те дни, когда он играл в подводную лодку в своей миске, остались в прошлом. С этого момента мы должны были давать ему небольшие порции четыре раза в день и к ним около полчашки воды. Таким образом, как надеялась доктор, Марли удастся поддерживать спокойствие в своем желудке, и тот не вздуется. Еще Марли навсегда запрещалось пребывание в пансионе бок о бок с активными лающими собаками. Я, как и доктор Хопкинсон, был уверен, что это и был тот фактор, который поставил его

на волосок от смерти.

В тот вечер, когда я привез его домой, я расстелил в гостиной на полу спальный мешок. Марли нельзя было взбираться по ступеням, а у меня не было желания оставлять его одного в беспомощном состоянии.

Я знал, что он будет пытаться одолеть эти ступени всю ночь, если не сможет быть рядом со мной.

– Марли, мы устраиваем вечеринку с ночевкой! – объявил я, ложась рядом с ним. Я гладил его от головы до самого хвоста, пока на его спине не образовались клубки шерсти. Я вытирал слизь из уголков его глаз и чесал его за ухом, что ему очень нравилось. Дженни с детьми приезжает утром, и она побалуует его маленькими порциями вареной говядины и риса. Марли был рядом с нами тринадцать лет, и вот, наконец, заслужил перехода на человеческий рацион. Не объедки, а полноценная еда прямо с плиты, приготовленная специально для него. Дети обнимут пса, не подозревая, как скоро его с нами уже не будет.

Завтра в доме снова зазвучат громкие голоса. Но сегодня мы были только вдвоем: я и Марли. Лежа рядом с ним, чувствуя его дыхание на своем лице, я не мог не вспомнить нашу первую ночь тринадцать лет назад, когда я принес его в дом крошечным щеночком, который скулил и звал мать. Я вспомнил, как перетащил его коробку в спальню и мы заснули, а я свесил руку к нему, чтобы он не боялся. И тринадцать лет спустя мы все еще вместе. Я вспоминал его щенком и

молодым псом: разодранные диваны и съеденные матрасы, веселые прогулки вдоль Берегового канала, танцы под музыку, страсть к глотанию предметов (в том числе чеков моей зарплаты) и сладкие моменты взаимной симпатии. Каким же прекрасным и верным товарищем Марли был все эти годы, и какими же чудесными сейчас они мне казались!

– Ты до смерти напугал меня, старина, – прошептал я, когда он растянулся возле меня и сунул морду мне подмышку, чтобы я продолжал его гладить. – Как здорово, что ты вернулся.

Мы так и заснули рядышком на полу; он частично на моем спальном мешке, моя рука обнимала его спину. Один раз за ночь Марли разбудил меня. Его плечи вздрогнули, лапы дернулись, и он тьякнул, как щенок. Ему что-то снится, подумал я. Снится, что он снова молод и силен и этот день никогда не кончится.

ГЛАВА 26

Время займы

В течение следующих нескольких недель Марли полностью вернулся к жизни. Озорная искорка опять появилась в его глазах, нос снова стал мокрым и холодным. Он поправился. Несмотря на все, через что ему пришлось пройти, он выглядел совершенно здоровым. Он с удовольствием дремал дни напролет, выбрав такое место за стеклянной дверью, где можно было греться на солнце. На своей новой низкокалорийной диете из маленьких порций он был постоянно голоден и стал выпрашивать и воровать еду еще бесстыднее, чем раньше. Однажды вечером я застукал Марли одного на кухне: он стоял на задних лапах, положив передние на кухонный стол, и таскал хлопья с тарелки. Как он смог проделать это при своих слабых бедрах, я не узнаю никогда. К черту физические недостатки, когда хотелось кушать! Я был так приятно удивлен этим неожиданным приливом сил, что мне захотелось обнять пса.

Испуг, что мы пережили тем летом, должен был насторожить нас с Дженни, но мы быстро вернулись к приятному убеждению, что этот кризис – единичное явление и теперь жизнь нашей собаки вне опасности. Мы хотели, чтобы Марли жил вечно. Вопреки всем своим слабостям он по-преж-

нему жил беззаботно. Каждое утро после завтрака он шел в гостиную, залезал на диван, тер голову и пасть об обивку, заодно взбивая подушки. Потом он поворачивался и проходил по дивану в обратном направлении, чтобы почесать другой бок. Потом он спрыгивал на пол и переворачивался на спину, чтобы почесать и ее. Ему нравилось сидеть и вожаденно облизывать ковролин, словно он был облит самой вкусной подливкой, которую он когда-либо пробовал. В ежедневные обязанности Марли входило обляять молочника, навестить курочек, осмотреть птичью кормушку и обойти вокруг кранов в ванной в поисках капелек воды, которые можно слизнуть. Несколько раз в день он поднимал крышку мусорного ведра на кухне, чтобы посмотреть, какие подарки судьбы можно извлечь оттуда. Он ежедневно вел себя как лабрадор-бегун, пытаясь носиться по комнатам и при этом колотя хвостом по стенам и мебели, и мне все так же иногда приходилось разжимать его челюсти и доставать из пасти разнообразные предметы нашего быта – картофельную кожуру, обертки от булочек, использованные бумажные салфетки и зубные нити. Даже в старости некоторые привычки не меняются.

Через два года после событий 11 сентября, в начале осени 2003 года, я поехал через всю Пенсильванию в небольшой шахтерский городок Шенксвилль, неподалеку от которого тем злополучным утром разбился самолет, следовавший рейсом № 93. Террористы, угнавшие самолет, как предполагалось, собирались направить авиалайнер на Белый дом или

Капитолий, но пассажиры, бросившиеся в кабину летчика, развернули лайнер и тем самым спасли огромное количество жизней. Во вторую годовщину теракта главный редактор попросил меня написать материал о влиянии тех событий на психику американцев.

Я провел целый день на месте катастрофы, возле сооруженного на скорую руку памятника. Я поговорил со многими посетителями мемориала, взял интервью у местных жителей, которые помнили события тех дней, побеседовал с женщиной, чья дочь разбилась в автомобильной аварии, которая пришла сюда, пытаясь объединить свое горе с горем других. Я переписал много надписей с асфальта на стоянке. Но я все еще не выработал свой подход. Что я мог сказать об этой ужасной трагедии, чего не сказали до меня? Я поехал в город пообедать и перечитал свои записи. Написать колонку – это все равно что построить башню из кирпичиков: нужно собирать информацию по крупицам, каждую цитату и каждое впечатление. Сначала заложить большой фундамент, настолько прочный, чтобы он смог выдержать твою философию, а потом возводить целое здание. В моей записной книжке было много увесистых кирпичей, но у меня не хватало цемента, чтобы скрепить их вместе. Я понятия не имел, что с ними делать.

Расправившись с мясным рулетом и холодным чаем, я было направился в отель, но вдруг, повинувшись внезапному порыву, развернулся и поехал обратно к месту трагедии, кото-

рое находилось в нескольких километрах от города. Солнце уже заходило, последние посетители покидали мемориал. Я долго сидел там в одиночестве, пока закат переходил в сумерки, а сумерки в ночь. С холмов подул холодный ветер, и я плотнее запахнул плащ. Над головой на ветру развевался огромный американский флаг, освещенный последними лучами заходящего солнца. Вот тогда эмоции этого святого места охватили меня, и я проникся трагизмом события, что произошло в небе над этим пустынным полем. Я посмотрел на то место, где разбился самолет, потом перевел взгляд на флаг и почувствовал, что на глаза наворачиваются слезы. Впервые в жизни я не пожалел времени, чтобы пересчитать полоски на флаге. Семь красных и шесть белых. Я пересчитал все пятьдесят звездочек на синем фоне. Теперь флаг значил для нас гораздо больше. Новому поколению этот символ будет напоминать о мужестве и принесенной жертве. Я понял, о чем нужно писать.

Я сунул руки в карманы и пошел к автостоянке. Я долго стоял там в темноте и многое успел прочувствовать. Я гордился своими согражданами, которые принесли себя в жертву ради спасения других людей. С другой стороны, я испытывал что-то вроде стыда: ведь, в отличие от них, я был жив и ужасы тех дней лично меня не затронули. Я, муж, отец и писатель, мог жить дальше. Вот тогда-то, в одиночестве ночи, я почувствовал конечность жизни и, как следствие, ее ценность. Мы принимаем ее как должное, но она хрупка, неста-

бильна, непостоянна и может прерваться в любой момент без предупреждения. Я понял то, что, казалось, было очевидно, но о чем никто из нас почти никогда не задумывается. А ведь в жизни нужно ценить каждую минуту, каждый час, каждый день.

Я почувствовал еще кое-что. Меня поразила широта человеческой души, которая способна одновременно принять и масштабную трагедию, и личную боль. Я имел в виду своего умирающего пса. Со стыдом я понял: даже перед лицом колоссальной человеческой боли, на месте крушения самолета, я переживал за Марли.

Нашему псу как бы дали займы некоторое время для жизни. Второй кризис мог наступить в любой день, и когда это случится, я не смогу бороться с неизбежным. Делать операцию в его возрасте было бы жестоко, и мы с Дженни пошли бы на это скорее ради себя, чем ради него. Мы любили этого сумасшедшего пса, любили, несмотря ни на что – или, возможно, за все, что он сделал. Однако я понимал, что приближалось время отпустить его. Я сел в машину и вернулся в свой номер.

На следующее утро, написав материал, я позвонил из отеля домой. Дженни сказала:

- Я хочу, чтобы ты знал: Марли очень соскучился по тебе.
- Только Марли? – спросил я. – А как насчет остальных?
- Конечно, мы все соскучились, – засмеялась она. – Я хотела сказать, что Марли действительно скучает по тебе. Он

сводит нас с ума.

По словам Дженни, прошлой ночью Марли, не обнаружив меня, обнюхал весь дом, не пропустив ни одной комнаты, проверяя за дверями и в шкафах. Ему даже удалось подняться наверх, но, не найдя меня там, он спустился вниз и начал поиски по второму кругу.

– Он очень расстроен, – добавила Дженни.

Пес даже смог спуститься по крутой лестнице со скользкими ступенями в подвал, где находилась мастерская. Обычно Марли проводил там много времени со мной, пока я столарничал, и опилки падали на него, как пушистые снежинки. А когда он спустился туда, он не смог сам подняться и стоял там визжа и скуля, пока Дженни и дети не пришли к нему на помощь. Им пришлось взять его под грудь и шаг за шагом, поддерживая, вытащить из подвала.

Когда наступила ночь, пес, вместо того чтобы уснуть возле нашей кровати, улегся в пролете лестницы, откуда мог видеть все спальни и входную дверь на случай, если я выйду откуда-нибудь или приеду домой поздно ночью. Утром Дженни спустилась вниз приготовить завтрак. Через несколько часов она забеспокоилась, почему Марли до сих пор не появился, ведь он обычно торопился к завтраку, а потом, поев, направлялся к входной двери и стучал по ней хвостом, чтобы мы выпустили его погулять. Дженни обнаружила его спящим у кровати, с той стороны, где обычно спал я. А потом она поняла, почему он лег именно там. Когда она вставала, то неча-

янно передвинула свои подушки на мою сторону. После того как кровать застелили, казалось, что это были не подушки, а я. Поскольку зрение Марли оставляло желать лучшего, он, скорее всего, принял кучу подушек за своего хозяина.

– Он был абсолютно уверен, что там спишь ты, – сказала Дженни. – Я видела, как он туда смотрел! Он точно думал, что ты спишь!

Мы посмеялись, и потом Дженни добавила:

– Ты должен вознаградить его за такую верность.

Так я и сделал. Преданность всегда была неотъемлемой чертой моего пса.

После возвращения из Шенксвиля прошла неделя, и вот начался кризис, которого мы так боялись. Я одевался в спальне, как вдруг услышал громкий стук, за которым последовал крик Конора:

– Помогите, Марли упал с лестницы!

Я подбежал и обнаружил Марли у подножия лестницы, где он отчаянно пытался встать на лапы. Мы с Дженни принялись ощупывать его, осторожно растерли его лапы, пересчитали ребра и помассировали спину. Вроде бы ничего не сломано. Марли со стоном поднялся и ушел, даже не хромя. Конор рассказал о происшедшем. Марли начал спускаться по ступенькам, но, преодолев только две, понял, что вся семья осталась наверху, и попытался развернуться. Однако лапы отказали, и он полетел вниз, пересчитывая ступеньки.

– О, да ему еще повезло! – заметил я. – Подобное падение

могло иметь и летальный исход.

– Не могу поверить, что все обошлось, – сказала Дженни. – Видимо, у него, как у кошки, девять жизней.

Но в том-то и была проблема, что не обошлось. Через несколько минут Марли потерял способность двигаться, а когда я вернулся домой с работы, он был полностью выведен из строя и вообще не мог пошевелиться. Казалось, у него болело везде и над ним поработал искусный маньяк-убийца. Однако больше всего его обескуражила травма левой передней лапы: она не выдерживала никакого веса. Когда я растирал ее, он не скулил, и мне показалось, что он просто растянул сухожилие. Как только он меня увидел, то попытался встать, но тщетно. Учитывая слабость задних лап, у Марли осталась только одна рабочая конечность, что для любого четвероногого существа просто ужасно. Он попытался было удержаться на трех лапах, но задние подкосились, и пес рухнул на пол. Дженни дала ему аспирин и приложила лед к передней лапе. Марли, не теряя присущей ему игривости даже в такой сложный момент, попытался проглотить кубики льда.

В половине одиннадцатого вечера его состояние не улучшилось, к тому же он не мочился с часу дня, то есть уже около десяти часов. А я и понятия не имел, как выпустить его на улицу и затащить обратно. И все же я решил попытаться. Широко расставив ноги и обхватив пса руками, я поставил его на задние лапы. Раскачиваясь, мы вместе побрели к па-

радной двери, и мне приходилось постоянно поддерживать его. Но на крыльце Марли замер. Лил сильный дождь, и ступеньки крыльца были мокрыми и скользкими. Он с опаской смотрел на них.

– Давай же, – попросил я. – Сходи быстренько в туалет, и пойдем обратно.

Марли явно не хотел участвовать в этом мероприятии, а я не мог убедить его сделать дела прямо на крыльце. Старую собаку новому фокусу не научишь. Он зашел в дом и посмотрел на меня печально, словно извиняясь за то, что не может выполнить мою просьбу.

– Мы попробуем еще раз попозже.

Словно поняв мои слова, он с трудом опустился на три рабочие лапы и опорожнил весь мочевого пузыря в прихожей. На полу расплылась большая лужа. Впервые с тех пор как я принес его маленьким щенком, Марли написал в доме.

На следующее утро Марли стало лучше, хотя он все еще прихрамывал, как инвалид. Мы выгуляли его, и он облегчился без проблем. На счет три мы с Дженни подняли его на ступеньки крыльца.

– У меня такое ощущение, – сказал я, – что Марли никогда больше не сможет сам взойти по лестнице. Ему придется приучиться спать и вообще жить на нижнем этаже.

На следующий день я работал дома, на втором этаже. Я писал на своем ноутбуке материал, как вдруг услышал шум на лестнице. Я перестал печатать и прислушался. Звук был

удивительно знакомым, похожим на громкий топот, словно в гостиной скакал подкованный жеребец. Я посмотрел на дверь спальни и затаил дыхание. Через несколько секунд показалась голова Марли, и он медленно зашел в комнату. Когда он заметил меня, его глаза загорелись. *Ах, вот ты где!* Пес склонил голову мне на колени, прося почесать его за ухом. Без сомнения, он заслужил такую награду.

– Марли, ты сделал это! – воскликнул я. – Черт возьми! Поверить не могу, что ты взобрался!

Позже, когда я сидел с ним на полу и почесывал ему шею, он повернул голову и весело куснул мое запястье. Хороший знак – привычки игривого щенка все еще давали о себе знать. Я знал, как тяжело ему было взобраться по лестнице. А ведь прошлой ночью мой пес заглянул в глаза смерти, и я готовился к худшему. Но сегодня Марли снова сопел, двигал лапой и пытался заигрывать со мной. Только я решил, что его долгая, счастливая жизнь закончилась, как он вернулся.

Я поднял его голову и заставил посмотреть мне в глаза. – Когда придет время, ты мне скажешь, ладно? – сказал я, больше утверждая, чем спрашивая. Я не хотел, чтобы мне еще раз выпало самому принимать решение. – Ты ведь предупредишь меня, правда?

ГЛАВА 27

Расставание

В тот год рано похолодало. Дни стали совсем короткими, студёный ветер раскачивал голые ветви деревьев. Мы спрятались в нашем уютном домике. Я наколот приличный запас дров и сложил их в поленницу около заднего крыльца. Дженни готовила вкусные супы и пекла хлеб, а дети снова сидели у окна и с нетерпением ждали, когда выпадет снег. Я тоже предвкушал первый снегопад, но с некоторым страхом, размышляя, как Марли переживет еще одну зиму. Предыдущая далась ему нелегко, к тому же, он еще больше ослабел. Я не знал, сможет ли он передвигаться по снегу и скользким дорогам. До меня начало доходить, почему пожилые люди перебираются жить на юг, во Флориду и Аризону.

Однажды воскресным вечером в середине декабря (за окном завывал ветер), когда дети выучили уроки и играли на музыкальных инструментах, Дженни пожарила попкорн и объявила вечер семейного кино. Дети бросились выбирать фильм, а я свистнул Марли, чтобы он сходил со мной за дровами. Пока я набирал поленья, пес лег на покрытую инеем траву. В морду ему дул холодный ветер, и Марли нюхал его своим мокрым носом, словно пытался понять, когда же придет весна. Я хлопнул в ладоши и помахал руками, чтобы при-

влечь его внимание, и он с большим трудом, опираясь только на передние лапы, поднялся на ступеньки крыльца.

Пока дети решали, какой фильм посмотреть, я растопил камин. От него сразу пошло тепло, и Марли не преминул занять свое любимое место прямо перед очагом. Я лег на пол в метре от него, положил под голову подушку и наблюдал больше за огнем, чем за развитием событий в фильме. Марли не хотел сходить с теплого местечка, но искушение было слишком велико. Он любил, когда перед ним находился лежащий беззащитный человек. Кто в таком случае становился вожаком? Марли! Его хвост застучал по полу, и вскоре я заметил, что он подползает ко мне, волоча задние ноги. Через несколько мгновений он уже прижался ко мне. Но едва я потянулся погладить пса, он мгновенно среагировал: привстал, отряхнулся, осыпав меня шерстью, и уставился мне в лицо, оскалив свои огромные челюсти. Я засмеялся, и он принял мой смех за разрешение продолжать. Прежде чем я понял, что происходит, он навалился на меня всей своей тушей, обхватив передними лапами мою грудь.

– О! – вскрикнул я под его весом. – Фронтальная атака лабрадора!

Дети завизжали от восторга, а Марли не мог поверить своему счастью. Я даже не старался сбросить его с себя. Он облизал мое лицо и ткнулся мне в шею носом. Под его весом я едва дышал, и через несколько минут мне пришлось наполовину вылезти из-под него. Большую часть фильма мы про-

вели именно в таком положении: голова, плечо и одна лапа пса лежали на моей груди, а сам он прижался ко мне. Так он и заснул, а я все продолжал гладить его по голове.

Тогда я никому не сказал, что специально постарался не испортить момент. Я знал, что подобных мгновений осталось не так много. В долгой, насыщенной жизни Марли наступили сумерки. Сейчас, оглядываясь в прошлое, я понимаю, что тот вечер у камина действительно оказался прощальным для нашего пса.

Через четыре дня мы погрузили наши вещи в мини-вэн и собрались на семейные каникулы во флоридский Диснейлэнд. Впервые в своей жизни наши дети готовились встретить Рождество не дома, и, конечно, они были счастливы. Накануне отъезда Дженни отвезла Марли в ветеринарную клинику, в отделение специального ухода, где он должен был остаться на неделю под круглосуточным наблюдением врачей и где его бы не беспокоили другие собаки. После того как прошлым летом он чудом выжил, сотрудники клиники были рады обеспечить ему прекрасные условия совершенно бескорыстно.

Дженни вернулась домой, мы продолжили сборы, но так непривычно было не видеть Марли рядом с нами. У наших ног не лежала огромная собака, которая бы мешала нам. Никто не пытался тайком выбраться из дома, когда мы относили сумку в гараж. Свобода была прекрасна, но дом без Марли казался гулким и пустым, даже когда куролесили дети.

Следующим утром, еще до рассвета, мы сели в мини-вэн и направились на юг. Высмеивать наследие Диснея стало любимым развлечением многих родителей, с которыми я общался. Я сам неоднократно повторял: «За те же деньги мы могли бы всей семьей съездить в Париж!» Тем не менее наша семья, в том числе и активно выступавший против поездки папаша, отлично провела время. Из всех возможных неприятностей – болезней, приступов гнева из-за усталости, потерянных билетов, драк между детьми – мы не испытали ни одной. Это были прекрасные семейные каникулы, и большую часть пути обратно на север мы провели, вспоминая каждый аттракцион, каждое блюдо, каждый момент нашей поездки.

Когда нам оставалось всего лишь четыре часа езды до дома, зазвонил мой сотовый. Это была медсестра ветеринарной лечебницы. Она сказала, что Марли стал апатичным, а его лапы ослабели еще больше. Казалось, он испытывал дискомфорт. Она сказала, что ветеринару требуется наше согласие на то, чтобы вколоть ему дополнительную дозу стероидов и обезболивающих. Конечно, сказал я. Сделайте все, чтобы ему было хорошо, а мы завтра же заберем его.

На следующий день, 29 декабря, когда Дженни приехала забрать Марли домой, он выглядел немного усталым, но явно не больным. Как нас и предупреждали, его лапы стали еще слабее. Доктор рекомендовал давать Марли лекарства от артрита. Один из служащих помог Дженни поместить Марли в мини-вэн. Спустя полчаса после приезда домой у него

начались рвотные позывы – он пытался срыгнуть слизь, скопившуюся в горле. Дженни выпустила его в сад, а он просто опустил на замерзшую землю и замер. Она позвонила мне на работу в панике:

– Я не могу затащить его обратно! – кричала она. – Он лежит там, на холоде, и не собирается вставать!

Я немедленно бросился домой, но через сорок пять минут, когда я приехал, ей уже удалось поднять его и загнать в дом. Я увидел, что пес растянулся в гостиной: у него явно что-то болело, и он был не в своей тарелке.

За все тринадцать лет я ни разу не вошел в дом без приветствия Марли. Он валился к моим ногам, трясся, вытягивался, сопел, молотил по мне хвостом, как будто я только что вернулся со Столетней войны. Но сегодня ничего подобного не произошло. Его глаза следили за мной, когда я вошел в комнату, но он даже не пошевелился. Я опустил на колени и почесал пса за ухом. Реакции не последовало. Он не попробовал пожевать мое запястье, не хотел играть, не поднял головы. Его взгляд был устремлен вдаль, а хвост безжизненно вытянулся на полу.

Дженни оставила в лечебнице для животных два сообщения и ждала, когда ветеринар позвонит ей, но становилось очевидно, что нужно вызывать «скорую». Я позвонил третий раз. Через несколько минут Марли встал на трясущиеся лапы и попытался срыгнуть, но у него и на этот раз ничего не вышло. Тут-то я и заметил, что его живот стал гораздо боль-

ше, чем обычно, и сделался упругим на ощупь. Мое сердце ушло в пятки, я знал, что это значило. Я снова позвонил в клинику и рассказал, что у Марли вздулся живот. Секретарь попросила меня подождать минутку, а потом сообщила:

– Врач велела, чтобы вы привезли его.

На этот раз мы с Дженни даже не стали советоваться: мы поняли, что пришло время Марли. Мы обняли детей и сказали им, что Марли чувствует себя очень плохо и ему нужно съездить в больницу, где врачи постараются вылечить нашего пса. Когда я оделся, то заглянул в комнату: Дженни с детьми окружили лежащего на полу Марли, а тому, похоже, было уже все равно. Каждый из них хотел приласкать его, и у каждого осталось лишь несколько минут, чтобы побыть с псом наедине. Дети верили в то, что собака, которая была частью их жизни, скоро вернется такой же, какой была.

– Поправляйся, Марли, – пропищала Колин.

С помощью Дженни я затащил Марли в машину. Жена обняла пса в последний раз, и мы тронулись. Я пообещал позвонить, как только узнаю что-то новое. Марли лежал на полу рядом с задним сиденьем, положив голову на кожух кардана, и я ехал, одной рукой держа руль, а другую протягивая назад, чтобы почесывать его голову и плечи.

– О, Марли, – повторял я.

На автостоянке ветлечебницы я помог псу выбраться из машины. Он обнюхал дерево, возле которого оставляли свои метки другие собаки. Любопытство не покидало его, несмот-

ря на отвратительное самочувствие. Я не торопил пса, ведь, скорее всего, он делал это последний раз в своей жизни. Затем я осторожно потянул поводок и повел его в клинику. Войдя Марли решил, что проделал достаточно большое путешествие, и осторожно опустился на кафельный пол. После безуспешных попыток заставить Марли подняться санитары положили его на носилки и отвезли в смотровую.

Через несколько минут ветеринар, молодая женщина, которую я видел впервые, провела меня туда же и показала два рентгеновских снимка на белой доске. Было видно, что желудок Марли увеличился почти в два раза. Врач указала на два темных пятна размером с кулак в том месте, где желудок переходит в кишечник. Это означало, что там все перевернулось. Она пообещала, что введет ему успокоительные, вставит в его желудок зонд и постарается выпустить газы, вызвавшие вздутие. Как и в прошлый раз, она хотела с помощью зонда устранить причину плохого самочувствия Марли.

– Это займет много времени, – сказала она, – но я постараюсь.

Итак, снова начиналась лотерея с одним процентом, в которую блестяще сыграла летом доктор Хопкинсон. Способ сработал один раз, он мог сработать и второй. Я молчал, в душе надеясь на лучшее.

– Хорошо, – согласился я. – Пожалуйста, пусть это будет ваша лучшая операция.

Через полчаса врач вышла с мрачным лицом. Она трижды

безуспешно попыталась открыть кишечник. Она дала Марли еще успокоительных, надеясь, что они смогут расслабить мышцы живота. Когда и это не помогло, она вставила катетер между его ребер – отчаянная попытка, но и она ни к чему не привела.

– При подобном стечении обстоятельств единственным выходом является операция, – она замолчала, словно оценивая, готов ли я слушать ее дальше. – Однако самое гуманное – усыпить его.

Нам с Дженни приходилось принимать то же решение пять месяцев назад, и мы уже сделали нелегкий выбор. Моя поездка в Шенксвилль только подкрепила убеждение не подвергать Марли страданиям. Однако когда я подумал об этом здесь, в клинике, во мне все перевернулось.

Врач поняла мои чувства и еще раз рассказала, какие осложнения могут возникнуть при оперировании собаки такого почтенного возраста, как Марли. Ее также сильно беспокоил сгусток крови, который вышел через катетер. Это являлось симптомом заболевания стенок желудка.

– Кто знает, что мы там обнаружим, если начнем оперировать, – произнесла она.

Я сказал, что мне надо выйти и посоветоваться с женой. На автостоянке я позвонил по сотовому и рассказал Дженни, что врач перепробовала все, и безрезультатно. Мы долго молчали, и, наконец, она сказала:

– Я люблю тебя, Джон.

– Я тоже люблю тебя, Дженни, – сказал я.

Я вернулся в клинику и спросил врача, можно ли мне побыть с Марли несколько минут наедине.

– Посидите с ним сколько нужно, – разрешила она, предупредив, что в него вкачали много успокоительных.

Я вошел и увидел своего пса лежащим без сознания на носилках, к его предплечью тянулась капельница. Я встал на колени и запустил пальцы в его шерсть, как он любил. Я погладил его. Я приподнял оба его вислых ушка – каждое из них доставляло ему столько хлопот все эти годы и стоило нам огромных денег. Я поднял его губу и посмотрел на большие, сточенные зубы. Я поднял переднюю лапу и подержал ее между ладоней. Потом я прижал свой лоб к его голове и долго сидел в такой позе, будто пытаюсь передать ему мысленно сообщение. Я хотел, чтобы он понял много вещей.

– Помнишь все те гадости, которые мы о тебе говорили? – шептал я ему. – Что от тебя одна головная боль? Не верь этим словам. Не верь ни на секунду, Марли.

Я хотел сказать ему не только это. Было кое-что, чего ни я, ни другие люди никогда не говорили ему. Но я хотел, чтобы он услышал это, прежде чем уйдет.

– Марли, – сказал я, – ты *великолепный* пес.

Врач встретила меня в вестибюле.

– Я готов, – произнес я.

Мой голос дрожал. А ведь я-то думал, что уже давно подготовил себя к этому моменту. Я понимал, что если скажу

еще хоть что-нибудь, то расплачусь, поэтому просто кивал головой и подписывал необходимые бланки. Когда работа с документами была завершена, мы подошли к Марли. Я снова опустился на колени перед ним и положил руки ему на голову. Врач в это время готовила шприц.

– С вами все в порядке? – спросила она и, когда я утвердительно кивнул, сделала укол. Челюсти Марли едва заметно дрогнули. Врач пощупала его пульс и сказала, что сердцебиение замедлилось, но не прекратилось. Он был крупной собакой. Через минуту после второго укола врач произнесла:

– Его больше нет.

Она оставила нас наедине, и я осторожно поднял его веко. Она была права: Марли с нами больше не было.

Я подошел к кассирше и оплатил счет. Она предложила групповое кремирование за \$75 или индивидуальное, с возвратом пепла, за \$170. Нет, сказал я, я заберу его домой. Через несколько минут ветеринар и помощник вывезли тележку с большим черным пластиковым пакетом и помогли мне переложить его на заднее сиденье машины. Доктор пожала мне руку и сказала, что сожалеет о моей потере и что она сделала все, что могла. Наверное, пришло его время, ответил я, и поблагодарил ее.

По дороге домой я плакал. Такого со мной никогда еще не было, даже на похоронах родственников и знакомых. Приехав, я оставил Марли в машине и пошел в дом, где меня ждала Дженни. Дети уже спали, и мы решили, что расскажем им

все утром. Мы обнялись и заплакали. Я пытался описать ей состояние Марли, говорил, что когда наступил конец, он уже крепко спал и не было паники, травмы, боли. Но мне было сложно подобрать нужные слова. Позже мы вместе переложили большой черный пакет из машины в садовую тележку, которую я на ночь отвез в гараж.

ГЛАВА 28

Под вишнями

Той ночью я плохо спал и за час до рассвета встал и бесшумно, чтобы не разбудить Дженни, оделся. На кухне я выпил стакан воды – кофе мог подождать – и вышел на улицу, в слякотную изморось. Я взял лопату и кирку и пошел туда, где росли ели, которые Марли облюбовал прошлой зимой. В этом месте я решил предать его земле.

Температура была около нуля, и земля, к счастью, еще не промерзла. Быстро прокопав тонкий слой земли, я наткнулся на тяжелую плотную глину вперемешку с камнями. Я вспомнил, что сюда рабочие высыпали грунт, когда копали подвал. Через пятнадцать минут я снял куртку и остановился, чтобы перевести дух. Через полчаса я был весь в поту и продвинулся всего на полметра. На сорок пятой минуте я докопал до воды. Грязная, холодная, она быстро заполнила яму почти наполовину. Я принес ведро и принялся вычерпывать воду, но она не убывала. Я не мог похоронить Марли в этом ледяном болоте. Ни в коем случае.

Несмотря на усталость – мое сердце стучало, будто я пробежал марафон, – я начал обследовать свой участок в поисках более подходящего места. Мое внимание привлекли две большие дикие вишни на опушке леса. Стоя под их раскиди-

стыми ветвями в сером свете рассвета, я почувствовал себя словно в храме под открытым небом. Это были те самые деревья, в которые мы с Марли чуть не врезались во время нашей дикой поездки на санках, и я вслух произнес: «Вот отличное место». Здесь не было глины, а земля оказалась достаточно сухой – просто мечта садовника. Вскоре я уже выкопал овальную яму, шестьдесят на девяносто сантиметров по периметру и сто двадцать вглубь. Я зашел в дом и увидел, что дети проснулись и хлюпают носами. Дженни им все рассказала.

Я был очень растроган, увидев детей плачущими. Впервые в своей жизни они столкнулись со смертью. Конечно, Марли – всего лишь собака, а собаки приходят и уходят в течение человеческой жизни, иногда уходят просто потому, что становятся ненужными. Но всегда, когда я пытался говорить с детьми о Марли, на мои глаза наворачивались слезы. И тогда я сказал, что они могут поплакать и что у совместного путешествия собаки и человека всегда грустный конец, просто потому что жизнь собаки короче. Я сказал им, что Марли спал, когда его укололи, и он ничего не почувствовал. Он просто отошел в мир иной. Колин расстроилась из-за того, что ей не дали с ним по-настоящему попрощаться, она думала, что он вернется домой. Я сказал, что попрощался за всех нас. Конор, наш будущий писатель, показал мне кое-что, сделанное им для Марли, чтобы положить вместе с ним в могилу. Это оказалось большое красное сердце, под кото-

рым было написано: «Для Марли: я надеюсь, что ты знал, как я любил тебя всю жизнь. Ты всегда был рядом, когда я в тебе нуждался. При жизни или после смерти, я всегда буду любить тебя. Твой брат Коно́р Ричард Грогэн». А потом Колин нарисовала девочку с большой желтой собакой и написала с помощью брата: «P.S. Я никогда тебя не забуду».

Я вышел из дома и повез тело Марли к могиле. По дороге я сорвал несколько еловых лап и положил их на дно ямы. Я поднял тяжелое тело с тележки и очень осторожно опустил его в могилу. Спрыгнув вниз, я открыл сумку, чтобы посмотреть на Марли в последний раз, и уложил его так, как он любил спать у камина: свернувшись клубком, голова на боку. «Ладно, старина, вот и все», – вздохнул я, закрыл сумку и вернулся в дом за Дженни и детьми.

Когда мы спустились к могиле, я положил рядом с головой Марли записки Коно́р и Колин. Патрик перочинным ножичком срезал пять пахучих еловых веточек – по одной для каждого из нас. Мы по очереди бросили их в яму, помолчали минуту, а затем, будто много раз репетировали, сказали хором: «Марли, мы любим тебя». Я взял лопату и бросил вниз первый ком земли. Он стукнулся о пластик с неприятным звуком. Дженни заплакала. Я продолжал закапывать. Дети стояли молча.

Когда яма была наполовину заполнена, я сделал перерыв, и мы все пошли в дом. Мы уселись за кухонный стол и начали вспоминать Марли. В какой-то момент наши глаза наполня-

ли слезы, а уже через минуту мы смеялись. Дженни рассказала, как на съемках фильма «Последняя пробежка на базу» Марли сходил с ума, когда кто-нибудь из группы брал малыша Конора на руки. Я рассказал обо всех поводках, которые он сгрыз, и о том, как он однажды помочился на ногу соседа. Мы вспомнили все его сокрушительные выходки и из любопытства подсчитали, сколько денег ушло на восстановление разрушенного. Теперь мы могли смеяться над этим. Чтобы поднять детям настроение, я рассказал им то, во что сам с трудом верил.

– Душа Марли сейчас в собачьем раю, – сказал я. – Он свободен и бегает по широкому золотистому лугу. И с его лапами снова все в порядке. Сердце нашего пса снова бьется, у него прекрасное зрение и все зубы на месте. Он в прекрасной форме, гоняется целыми днями за кроликами.

– И там огромное количество стеклянных дверей, сквозь которые он может прыгать, – добавила Дженни.

Все представили, как наш глупый пес продолжает играть в свои игры и на небе, и засмеялись.

Между тем мне нужно было собираться на работу. Я пошел к могиле Марли и засыпал ее до конца, аккуратно утрамбовывая рыхлую землю ботинком. Сверху я положил два больших камня, которые притащил из леса. Затем я вернулся в дом, принял горячий душ и поехал в офис.

Первые дни после смерти Марли мы не могли о нем говорить. На прежде столь популярные у нас разговоры о со-

баке было наложено строгое табу. Мы пытались вернуться к нормальной жизни, а воспоминания о нашем псе усложняли эту задачу. Колин, например, не могла слышать его имени и смотреть на его фотографии. Она начинала плакать, сжимала кулачки и со злостью твердила: «Я не хочу о нем говорить!»

Я вернулся к нормальному ритму жизни: приезжал на работу, писал свою колонку, возвращался домой. В течение тринадцати лет Марли каждый вечер встречал меня у дверей. Теперь же, когда я входил в дом, мое сердце мучительно сжималось. Да и сам дом казался молчаливым, пустым, не похожим на настоящий. Дженни с маниакальным упорством пылесосила комнаты, стараясь очистить их от шерсти, которая последние два года жизни Марли, казалось, проникла во все щели. Так, медленно, но верно следы пребывания старой собаки в нашем доме исчезали. Однажды утром, надевая ботинки, я обнаружил на стельке шерсть Марли. Видимо, я собрал ее, когда ходил в носках по полу. Я погладил этот клочок двумя пальцами и улыбнулся, а потом показал Дженни со словами: «Не так-то просто нам будет с ним расстаться». Жена посмеялась и вечером в спальне призналась мне (хотя всю неделю избегала говорить на эту тему):

– Я скучаю по нему. Правда, *очень-очень* скучаю. Мне больно думать о нем...

– Понимаю, – ответил я. – Я тоже по нему скучаю.

Мне захотелось написать о Марли прощальную статью, но

я боялся, что смогу выразить свои чувства лишь в форме слезливого сентиментального излияния. Поэтому я занимался темами, менее дорогими моему сердцу. Тем не менее я постоянно носил с собой диктофон, и когда мне в голову приходила интересная мысль, я ее записывал. Я не хотел изображать Марли как идеальную реинкарнацию Лэсси, да и вряд ли бы у меня это получилось. А ведь многие создают в своем воображении идеальный образ своих покойных питомцев, превращая их в сверхъестественно благородных животных, которые при жизни делали для своих хозяев все, разве что не готовили яичницы на завтрак. Нет, я хотел быть честным. Марли на самом деле был смешным огромным недотепой, и он ни черта не понимал в тех командах, которым я пытался его научить. Честно говоря, он с успехом стал бы наихудшей собакой на свете. И все же он интуитивно с самого начала понял, что значит быть лучшим другом человека.

Первую неделю после смерти Марли я несколько раз приходил на его могилу. Отчасти я хотел убедиться, что ночью там не шныряют дикие животные. Могила оставалась нетронутой, только земля немного осела, и я подумал, что надо бы весной насыпать еще пару тележек земли. Но главное – я хотел поддерживать с псом духовную связь. Стоя там, я вспоминал эпизоды из его жизни. Меня смущало то, насколько глубоким оказалось мое горе, вызванное смертью Марли: я переживал больше, чем когда умирали мои знакомые. Естественно, сравнивать смерть человека и собаки было бы ко-

щунством, но, честное слово, помимо членов моей семьи, мало кто был мне настолько самоотверженно предан. Тайком от всех я достал из бардачка поводок Марли, где он лежал с последней поездки в клинику, и припрятал его в одном из ящиков шкафа под стопкой нижнего белья. Теперь я мог каждое утро просто коснуться его.

Всю неделю я ходил с ощущением ноющей боли внутри. Это действительно была физическая боль, немногим отличавшаяся от желудочных колик. Я стал апатичным, вялым. Я даже не мог найти в себе сил, чтобы заняться своими хобби – поиграть на гитаре, вырезать что-то из дерева, почитать. Я был обескуражен, не знал, куда себя деть. В конце концов я начал просто раньше ложиться спать и к десяти часам вечера уже залезал под одеяло.

На Новый год нас пригласили соседи. Друзья выразили нам свои соболезнования, но все старались сделать разговор легким и интересным – ведь приближался Новый год. И все-таки мне удалось поговорить на волнующую меня тему. За ужином к нам подсели наши хорошие друзья Сара и Дэйв Пэндл, супружеская пара, оба ландшафтные дизайнеры. Они переехали в Пенсильванию из Калифорнии. Купив старый заброшенный сарай, Пэндлы перестроили его и теперь жили там. Мы долго говорили о собаках, а также о любви к ним и чувствах, возникающих после смерти любимого животного. Дэйв и Сара пять лет назад усыпили свою любимую австралийскую овчарку Нелли и похоронили ее на холме возле

своего дома. Дэйв был одним из наименее сентиментальных людей, которых я когда-либо знал, – стоик из семьи невозмутимых пенсильванских голландцев, но он очень тяжело пережил смерть Нелли. Он рассказал, как бродил по густому лесу за домом, пока не нашел идеальный для ее могилы камень в форме сердца. Резчику лишь оставалось вырезать на нем надпись «Нелли». Прошло уже столько лет, а они все еще оплакивали смерть своего пса. Как сказала Сара, вытирая слезы: «Иногда на жизненном пути встречается такая собака, которая действительно поселяется в твоём сердце, и ее невозможно забыть».

В следующий уикенд я долго гулял по лесу и к утру понедельника, когда вернулся на работу, уже знал, что хочу рассказать о собаке, которая поселилась в моем сердце и которую я никогда не забуду.

Я начал статью, описав прогулку к подножию холма на рассвете с лопатой в руках. Я рассказал о том, как непривычно было выходить на улицу без Марли, сопровождавшего меня повсюду на протяжении всех тринадцати лет своей жизни. «А теперь я один рыл могилу для своего пса», – писал я.

Я процитировал своего отца, который, когда я сообщил ему о том, что Марли пришлось усыпить, сделал псу лучший за всю его жизнь комплимент: «Другого такого, как Марли, уже не будет».

Я долго думал над тем, как описать его, и вот что у ме-

ня получилось в итоге: «Никто не называл его замечательной или даже просто хорошей собакой. Он был свободен, как привидение, и силен, как бык. Он с радостью продирался сквозь жизненные трудности, нередко уподобляясь сокрушительным природным стихиям. Он был единственной известной мне собакой, которую выгнали с собачьей площадки». И дальше: «Марли портил диваны, выбивал стекла, ходил в туалет где ни попадя, подбирал использованные консервные банки и прочий хлам. Что касается его ума, скажу только одно: он гонялся бы за собственным хвостом до последнего дня, убежденный в том, что находится на пороге великого собачьего открытия». Но недостатки не были главной чертой моего пса, и я описал его интуицию и способность сопереживать, его нежное обращение с детьми и его простодушие.

Я хотел сказать, насколько сильно Марли затронул важные струнки в наших душах. Именно он преподал нам самые важные в жизни уроки. «Человек многому может научиться у собаки, даже у такой странной, как наша, – писал я. – Марли учил нас жить каждый день весело и радостно, всегда следовать зову своего сердца. Он научил нас ценить простые вещи – прогулку в лесу, первый снегопад, краткий сон в солнечный зимний день. Когда Марли постарел и здоровье его пошатнулось, он научил меня сохранять оптимизм перед лицом трудностей. Но самый большой его подвиг заключается в следующем: он показал мне, что такое настоящая дружба,

самоотверженность и истинная верность».

Марли – наставник. Я понял это только после осознания его смерти. Учитель и пример для подражания. Могла ли собака, особенно такая ненормальная, дикая и неуправляемая, как наша, рассказать людям о подлинных жизненных ценностях? Я уверен, что да. Верность. Смелость. Преданность. Простота. Радость. Благодаря Марли мы поняли и то, что в действительности лишь мишура. Собаке ни к чему престижная машина, большой дом или дизайнерская одежда. Для Марли не имел значения наш общественный статус. Зато он радовался обычной палке на берегу океана. Собака оценивает других не по цвету кожи, вероисповеданию или принадлежности к какому-либо классу, а по внутренним качествам. Собаке все равно, бедный ты или богатый, образованный или неграмотный, умный или туподум. Отдай псу свое сердце, и он ответит тебе тем же. Это действительно очень просто, и только мы, люди, гораздо более мудрые и сложные существа, вечно создаем проблемы, буквально вычисляя, что имеет смысл, а что нет. Пока я писал прощальную статью о Марли, я понял, что истина всегда была рядом с нами и нужно было всего лишь открыть глаза.

И помог мне это осознать громко пыхтящий пес с отвратительными манерами и чистым сердцем.

Я закончил свою статью, отдал ее редактору и поехал домой, чувствуя облегчение и ощущая радость бытия, как будто с моих плеч свалился тяжелый груз.

ГЛАВА 29

Клуб плохих собак

Когда я пришел на работу на следующее утро, на телефоне мигала красная лампочка, говорившая об оставленном сообщении. Я набрал код доступа и впервые в своей жизни услышал: «Ящик голосовой почты переполнен. Пожалуйста, удалите все ненужные сообщения».

Я полез в свою электронную почту. Та же история. Сообщений было огромное количество. Надо сказать, что просмотр утренней почты был для меня своеобразным ритуалом, средством, пусть и не всегда объективным, оценки резонанса, вызванного вчерашней статьей. Всего пять – десять откликов означало, что послание не дошло до читателя, а несколько десятков писем было хорошим знаком. Но в то утро меня просто завалили сообщениями, темы которых звучали примерно так: «Мои искренние соболезнования», «О вашей потере» или просто «Марли».

Любители животных – это особая порода людей с благородной душой, эмпатичных, возможно, немного склонных к сентиментальности, но с чистым и отзывчивым сердцем. Большинство тех, кто писал и звонил, просто выражали свои соболезнования. Они хотели сказать мне, что тоже пережили подобную потерю, и понимают, что сейчас творится в моей

душе. У многих читателей в доме жили старые собаки, и они так же, как и мы в свое время, боялись неизбежного.

Одна пара писала: «Мы хорошо вас понимаем, приносим искренние соболезнования относительно вашей утраты Марли и скорбим по нашей любимой Расти. Мы всегда будем по ним скучать, и никто их не заменит». Читательница Джойс благодарила: «Спасибо за то, что напомнили нам о нашем Дункане, который похоронен на заднем дворе». Некая Деби прислала следующее письмо: «Наша семья понимает, что вы испытываете. Прошлым летом мы усыпили своего 13-летнего золотистого ретривера Чуй. Многие из недостатков, которые отмечались у вашей собаки, были и у него. Но когда в свой последний день он не смог даже встать и выйти во двор, мы поняли, что не позволим ему больше страдать. Мы похоронили его на заднем дворике под красным кленом, который всегда будет ему памятником».

Моника, сотрудница рекрутингового агентства и по совместительству хозяйка лабрадора Кэти, написала: «Примите мои соболезнования. Я плачу вместе с вами. Моей девочке Кэти только два года, и я все время думаю: „Моника, ну почему ты позволила этому прекрасному созданию похитить твое сердце?“». А вот письмо Кармелы: «Марли, наверное, был замечательным псом, если семья так любила его. Только собачники могут понять безоговорочную любовь, которую дарят эти животные, и ужасную боль, когда они уходят». Элейн: «Так мало времени отпущено природой нашим лю-

бимцам, и большую часть его они ждут, когда мы вернемся домой. Удивительно, сколько любви и радости они приносят в нашу жизнь и как сильно мы сближаемся друг с другом благодаря им». Нэнси: «Собаки – одно из чудес света, они настолько обогащают нашу жизнь!» Мари Пэт: «Я и сегодня скучаю по звуку колокольчиков на ошейнике Макса, которые звенели, когда он ходил по дому и проверял, все ли в порядке. Тишина какое-то время просто сводит с ума, особенно ночью». Конни: «Любить собаку – самое удивительное явление, не правда ли? Эта любовь заставляет нас понять, что наши отношения с другими людьми так же скучны, как политическая хроника».

Когда спустя несколько дней отклики, наконец, перестали поступать, я пересчитал их. Почти восемь сотен человек, в основном любители животных, откликнулись на мою колонку. Это было невероятным изливанием чувств, которое помогло мне прийти в себя после смерти Марли. Я прочитал все письма, прослушал все сообщения голосовой почты, ответил кому смог и тогда почувствовал себя лучше. Я словно стал полноправным членом виртуальной группы поддержки. Публичное выражение моего личного горя превратилось в сеанс психотерапии. Оказалось, что среди любителей собак не считалось чем-то постыдным поделиться настоящей, пронзительной болью. Особенно по поводу того, что кажется иным совершенно незначительным, – по поводу кончины старой вонючей собаки.

Люди писали и звонили и по другой причине: им хотелось оспорить один из тезисов моей статьи. Я утверждал, что Марли был самым невоспитанным псом на свете. «Извините, – гласил типичный ответ, – но ваша собака не могла быть самой ужасной в мире, потому что самой ужасной была моя собака». Чтобы доказать свою точку зрения, они детально описывали аморальное поведение своих питомцев. Я узнал о порванных шторах, украденном женском белье, съеденных именинных тортах, поломанных деталях салона машины, потрясающих побегах из дома, а также о проглоченных обручальных кольцах с бриллиантами, по сравнению с чем страсть Марли к золотым цепочкам показалась довольно-таки примитивной. Моя папка «Входящие» напоминала ток-шоу «Плохие собаки и люди, которые их любят», где добровольные жертвы, выстраиваясь в ряд, рассказывали не о достоинствах своих собак, а о недостатках. Интересно, что героями большинства ужасных историй были большие чудачковатые лабрадоры, похожие на моего. Несмотря ни на что мы не были одиноки.

Некая Элисса описала, как ее лабрадор Мо постоянно убегал, когда хозяйева уходили и запирали дом. Как правило, его излюбленным способом было выбить оконное стекло. В конце концов Элисса и ее муж плотно закрыли ставнями все окна нижнего этажа. Однако им не пришло в голову проделать то же самое на втором этаже. «Однажды муж вернулся домой и увидел, что одно из окон на верхнем этаже разбито.

Он до смерти боялся идти искать пса, опасаясь худшего», – писала она. Но «внезапно Мо с виноватым видом вышел из-за угла дома. Он знал, что у него сейчас будут проблемы, но мы были настолько поражены, как он уцелел, что даже не отругали его. Скорее всего, после прыжка он приземлился на куст, который смягчил падение».

Лабрадор Ларри сначала проглотил лифчик своей хозяйки, а десять дней спустя отрыгнул его в целости и сохранности. Джипси, еще один лабрадор и любитель приключений, съел жалюзи. Джейсон, помесь лабрадора и ирландского сеттера, быстро разобрался с полутораметровым шлангом пылесоса, «арматурой и другими подобными вещами», – рассказал его хозяин Майк. «Помимо этого, Джейсон проел дыру шестьдесят на девяносто сантиметров в пластиковой стене и задними лапами процарапал в ковре метровую борозду, вытягиваясь на своем излюбленном месте под окном, – написал Майк, добавив: – Но я любил этого пса».

Фебу, нечистокровного лабрадора, выгнали из двух собачьих приютов и велели больше не возвращаться, писала хозяйка Эми. «Оказалось, она была лидером стаи, и освободила не только себя, но и еще двух собак. А потом они всю ночь лакомились продуктовыми запасами приюта». Хейден, 40-килограммовый лабрадор, по словам хозяйки Кэролин, ел все, до чего дотягивались его челюсти. В его рацион вошли целая коробка замороженной рыбы, пара замшевых летних туфель и тубик суперклея, правда, не за один присест.

Она добавила: «Его звездный час, однако, настал, когда он сорвал раму от двери гаража. Я сглупила и привязала к ней пса, чтобы он погрелся на солнышке».

Тим поделился, что его палевый лабрадор Ральф был таким же столовым воришкой, как Марли, только умнее. Однажды, перед тем как выйти из дома, Тим положил большую плитку шоколада на холодильник подальше от края, чтобы она была вне зоны досягаемости Ральфа. Но пес открыл лапами ящики серванта и, используя их как ступени, взобрался наверх, после чего смог дотянуться до плитки. Несмотря на передозировку шоколада, у Ральфа не наблюдалось никаких признаков недомогания. «А как-то раз, – писал Тим, – Ральф открыл холодильник и опустошил все наши запасы, за исключением того, что было в банках».

Нэнси вырезала и сохранила мою колонку, потому что Марли очень напоминал ее лабрадора Грейси. «Я положила статью на стол и на минуту отвернулась, чтобы убрать ножицы, – написала она. – За это мгновение Грейси слопала вырезку».

Вот это да! Я чувствовал себя все лучше и лучше. Марли переставал выглядеть таким уж ужасным. Несмотря ни на что, у него было много общего с членами Клуба плохих собак. Я распечатал несколько писем и показал их Дженни, которая, прочитав, засмеялась – в первый раз после смерти Марли. Мои новые друзья из Тайного общества хозяев сумасшедших собак помогли мне больше, чем они думали.

Дни превращались в недели, кончилась зима и началась весна. На могиле Марли выросли бледно-желтые нарциссы, а сверху на них падали белоснежные лепестки вишни. Постепенно жизнь без нашего пса вошла в колею. Бывали дни, когда я и не думал о нем, но вдруг какая-нибудь маленькая деталь – шерстинка на моем свитере, звук поводка в моем ящике, когда я вытаскивал новую пару носков, – возвращала Марли обратно. С течением времени все плохое забывалось и оставались только приятные воспоминания. Давно забытые картины вспыхивали в моей памяти с такой четкостью, будто я просматривал видеопленку. Вот Лиза, раненая девочка, выйдя из больницы, склоняется над ним и целует его в морду. Вот съемочная группа обслуживает его. Вот почтальон каждый день оставляет ему маленький гостинец под дверь. Вот он держит манго передними лапами и выедает мякоть. Вот он тычется носом в детские подгузники, а морда у него одурманенная, как у наркомана, а вот он просит дать ему успокоительные, словно это кусочки нежнейшего мяса. Мимолетные мгновения, которые едва ли достойны места в памяти, они все же отложились в ней, появляясь теперь на моем воображаемом экране в самых неподходящих местах и в самое неподходящее время. Большинство из них заставляли меня улыбнуться, но временами я покусывал губу и замолкал во время разговора.

Один из подобных моментов всплыл в моей памяти во время планерки. Передо мной снова Вест-Палм-Бич, Марли,

все еще щенок, и мы с Дженни – счастливые молодожены. Мы прогуливались, взявшись за руки, вдоль Берегового канала прохладным зимним днем, а Марли бежал впереди, ведя нас за собой. Я позволил ему запрыгнуть на бетонный волнорез шириной около 60 см и высотой почти метр. «Джон, он может упасть», – предупредила Дженни. Я спросил: «Неужели ты считаешь его настолько глупым, чтобы он сиганул вниз с края пропасти?». Через десять секунд он именно так и поступил, плюхнувшись в воду с громким шлепком. Чтобы вытащить его на берег, нам пришлось срочно организовывать спасательную операцию.

Через несколько дней, когда я ехал на интервью, в памяти всплыла еще одна сцена, опять-таки из времен, когда мы с Дженни еще не завели детей. Мы решили провести романтический уикенд и сняли бунгало на острове Санибель. Невеста, жених и Марли. Я совершенно забыл о том уикенде, и вот воспоминание вернулось, причем так ярко, как если бы это было вчера. Мы едем на машине через весь штат, а Марли втиснулся между нами, время от времени случайно передвигая носом рычаг переключения передач в нейтральное положение. После дня, проведенного на пляже, мы искупали его в ванне, и все помещение оказалось забрызгано мыльной пеной с песком и водой. А потом мы с Дженни занимались любовью на прохладных хлопчатобумажных простынях, в открытые окна дул океанский бриз, а наш пес лупил по матрасу своим выдровым хвостом.

Марли был центральным персонажем в самых счастливых главах истории нашей совместной жизни. В них описывались наша любовь и наши взаимоотношения, наши карьеры и рождение детей; все успехи, разочарования и открытия. Он вошел в нашу жизнь как раз тогда, когда мы пытались представить себе, как нам удастся сохранить свою свободу в браке и реализовать себя. Он присоединился к нам тогда, когда мы столкнулись с тем, с чем сталкивается каждая пара, – с болезненным зачастую процессом соединения двух разных прошлых в одно общее будущее. Он стал плотно вшитой ниточкой в узор на полотне нашей совместной жизни. Точно так же, как мы помогли ему превратиться в домашнего любимца, он помог нам превратиться в супружескую пару, родителей, любителей животных, во взрослых. Несмотря на все разочарования и несбывшиеся ожидания, Марли преподнес нам бесценный подарок. Он научил нас искусству безграничной любви. Как дарить, как принимать ее. А там, где она есть, все остальное приложится.

На следующее лето после смерти Марли мы соорудили бассейн, и я не мог не думать о том, как бы он понравился нашему неутомимому водоплавающему псу. (Он, конечно, моментально процарапал бы прокладки и забил фильтр своей шерстью.) Дженни все удивлялась, насколько просто было поддерживать дом в чистоте без собаки. Я признался, что мне нравится гулять босиком по газону, не вглядываясь, куда наступать. Сам садик выглядел намного лучше, чем когда

по нему носился туда-сюда огромный охотник за кроликами с тяжеленными лапами. Вне всяких сомнений, жизнь без собаки была легче и необыкновенно проще. Мы могли вместе уехать на выходные, не ломая себе голову, куда пристроить пса. Мы могли пойти пообедать, не опасаясь за свое имущество. Дети могли спокойно есть за столом, и никому не надо было следить, чтобы собака не залезла к ним в тарелку. Когда мы уходили, мусорное ведро не нужно было ставить на кухонный шкаф. Мы могли спокойно наслаждаться сверканьем молний за окном. Особенно меня радовала свобода передвижения по дому без гигантского желтого магнита, приклеенного к моим пяткам.

Однако без собаки мы не чувствовали себя полноценной семьей.

Однажды поздним летом я спустился к завтраку, и Дженни передала мне раскрытую газету.

– Ты не поверишь в это, – сказала она.

Раз в неделю наша местная газета публиковала фото и давала описание какой-нибудь собаки из приюта бродячих животных. Указывалось имя собаки и давалась ее краткая характеристика от первого лица, будто само животное описывает свои лучшие качества. Это была хитрость, с помощью которой сотрудники приюта старались представить собаку очаровательной и милой. Мы всегда находили эти собачьи резюме забавными, ибо налицо была попытка навести лоск на этих никому не нужных животных, от которых однажды

уже отказались хозяева.

В тот день на меня со страниц газеты смотрела морда, которую я мгновенно узнал. Наш Марли. Или, по крайней мере, собака, которая была его точной копией. Огромный кобель-лабрадор с похожей на наковальню головой, морщинистым лбом и вислыми ушами, забавно оттопыренными назад под углом. Он смотрел прямо в объектив, явно дрожа от нетерпеливого желания сбить фотографа с ног и попытаться проглотить камеру. Под фото значилась надпись: «Счастливчик». Я прочитал вслух объявление о продаже. «Я полон сил. Мне будет хорошо у спокойных хозяев, пока я учусь контролировать уровень своей энергии. Моя жизнь была нелегкой, поэтому моя новая семья должна проявить терпение и продолжить обучать меня собачьим манерам».

– О боже, – воскликнул я. – Это он. Он восстал из мертвых.

– Реинкарнация, – подтвердила Дженни.

Сходство Счастливчика и Марли было поразительным. Полон сил? Проблемы с контролем энергии? Обучать собачьим манерам? Нам были хорошо знакомы эти эвфемизмы, потому что мы сами их использовали. Наш умственно отсталый пес вернулся, снова молодой и сильный, и еще более дикий. Мы оба стояли над газетой, не произнося ни слова.

– Мне кажется, можно просто сходить посмотреть на него, – наконец сказал я.

– Да, только для смеха, – добавила Дженни.

- Правильно. Просто из любопытства.
- Это никому не повредит.
- Конечно, – согласился я.
- Что ж, – сказала Дженни, – почему бы и нет?
- Что мы теряем? – подытожил я.

ОТ АВТОРА

Один писатель в поле не воин, поэтому мне хотелось бы сказать слова благодарности многим людям, чья поддержка помогла мне претворить в жизнь замысел этой книги. Прежде всего я хочу выразить глубокую признательность своему агенту, талантливой и неутомимой Лори Эбкемайер из компании DeFiore, которая поверила в мою историю и мои способности даже раньше меня самого. Я убежден, что без ее энтузиазма и полезных наставлений эта книга так и осталась бы в моем воображении. Спасибо, Лори. Ты уверенный в моих делах, мой адвокат, мой друг.

Искренне благодарю своего замечательного редактора Мауро Ди Прета, чьи справедливые и разумные замечания помогли сделать эту книгу лучше, и всегда веселую Джоэль Юдин, которая следила за всем процессом ее создания. Мне также хочется поблагодарить Майкла Моррисона, Лизу Гэллахер, Сила Балленджера, Анну Марию Элесси, Кристину Танигава, Ричарда Акуана и всех-всех сотрудников издательства HarperCollins за то, что они полюбили Марли и сделали мою мечту явью.

Признаю, что я должник редакторов газеты *Philadelphia Inquirer*: они вызволили меня из добровольной ссылки из газетного бизнеса, который я обожаю, и подарили мне бесценный подарок в виде собственной колонки в одной из веду-

щих американских газет.

Я не могу передать, насколько я благодарен Анне Квиндлен, чьи энтузиазм и поддержка помогли мне больше, чем она может представить.

Спасибо от всего сердца Джону Кацу, который давал мне ценные советы и постоянно находился на связи и чьи книги вдохновили меня, особенно «Год собаки. Двенадцать месяцев, четыре собаки и я» (A Dog Year: Twelve Months, Four Dogs, and Me).

Спасибо Джиму Тольпину, ужасно занятому юристу, который всегда находил время дать мне бесплатные и мудрые рекомендации. Спасибо Питу и Морин Келли, чья поддержка вдохновляла меня. Я никогда не забуду ваш великолепный коттедж с видом на озеро Гурон. Спасибо Рэю и ДжоЭнн Смит за то, что были рядом, когда я больше всего в них нуждался, а также Тимоти Р. Смиту за красивую музыку, которая заставила меня плакать. Спасибо Землекопу Дэну за постоянные поставки копченого мяса и моим братьям, Мариджо, Тимоти и Майклу Грогэнам за поддержку. Спасибо Марии Родейл за искреннее доверие и помощь в обретении душевного равновесия. Спасибо всем моим друзьям и коллегам, которых слишком много, чтобы здесь упомянуть всех, за их доброту, поддержку и добрые пожелания... Спасибо вам.

Я не смог бы осуществить этот проект даже в воображении, если бы не моя мама Рут Мари Ховард Грогэн, которая в детстве научила меня радоваться хорошо рассказанной сказ-

ке и поделилась своим даром со мной. Я вспоминаю с грустью и отдаю должное самому верному своему поклоннику, своему отцу Ричарду Фрэнку Грогэну, который скончался 23 декабря 2004 года, пока эта книга готовилась к печати. Он так и не успел прочесть мой труд, но однажды вечером, когда здоровье уже подводило его, я сел рядом и прочел ему вслух несколько глав. Он слушал меня и улыбался. Эту улыбку я никогда не забуду.

Я многим обязан своей замечательной и терпеливой жене Дженни и своим детям Патрику, Конору и Колин, которые разрешили мне выставить их на всеобщее обозрение и поделиться самыми интимными подробностями нашей семейной жизни.

И, наконец (да, еще раз), я хочу поблагодарить своего незадачливого четвероногого друга, без которого не было бы этой книги. Он был бы рад узнать, что благодаря ей его долг перед нами за все порванные матрацы, разрушенные стены и ценные проглоченные предметы покрыт сполна.

ОБ АВТОРЕ

Джон Грогэн – ведущий рубрики газеты *Philadelphia Inquirer* и бывший главный редактор журнала *Organic Gardening*. Он работал корреспондентом, шеф-редактором и ведущим рубрики в газетах Мичигана и Флориды.

Его работы удостоены множества наград, в том числе премии Национального пресс-клуба «Выбор читателей». Он живет на лесистом холме в Пенсильвании вместе со своей женой Дженни, тремя детьми и удивительно спокойным лаборантом Грейси.